

Любовь – работа без выходных

Она замужем. Имеет сына. У него тоже есть семья. Но любовь закружила их в вихре сальсы, расцветив жизнь яркими серпантинами, припудрив мостовые конфетти, наполнив солнцем унылую Северную столицу. И даже тогда, когда у Гали родился чересчур смуглый для их семьи мальчик, женщина была преисполнена радости. Не испугала ее ни реакция мужа, ни удивление родителей. Но вот знание, что любимого больше никогда не увидит, залегло льдинкой в ее сердце.

Любовь – работа без выходных (сборник)

Доктор Нонна

Она замужем. Имеет сына. У него тоже есть семья. Но любовь закружила их в вихре сальсы, расцветив жизнь яркими серпантинами, припудрив мостовые конфетти, наполнив солнцем унылую Северную столицу. И даже тогда, когда у Гали родился чересчур смуглый для их семьи мальчик, женщина была преисполнена радости. Не испугала ее ни реакция мужа, ни удивление родителей. Но вот знание, что любимого больше никогда не увидит, залегло льдинкой в ее сердце.

Доктор Нонна

Любовь – работа без выходных

Огромное спасибо моему мужу, первому читателю и издателю Мише, за любовь и долготерпение

Любовь – работа без выходных

– Буэнос диас! Буэнос тардес! Буэнос ночес!

Галя вторые сутки сидела у белой кафельной стены: вот тут уголок откололся, а здесь плитка чуть-чуть сдвинута. Край бежевой больничной кушетки в одном месте немного потерялся, и из-под пластикового покрытия вылезали нитки основы. Ниток было пять: три малюсенькие, с пушистыми кончиками, одна побольше и еще одна совсем длинная, сантиметра полтора, – она слегка шевелилась, как будто сообщая: вентилятор работает. Правда, его дуновения были такими слабыми, что ниточка шевелилась еле-еле. Воздух казался неподвижным и очень густым. Но люди в белых и зеленых халатах – желтовато-смуглые, коричневые, а некоторые совсем черные – шагали очень быстро, почти не обращая внимания на замершую в углу фигурку.

Белозубая медсестра с добродушным темно-коричневым лицом – она говорила по-русски, впрочем, здесь многие говорили по-русски – принесла что-то вроде чая. Но Галя так и не смогла сделать ни одного глотка. Ей хотелось сжаться, стать маленькой и незаметной, слиться с этой белой стеной и потертой кушеткой.

И совершенно невозможно было посмотреть вправо, на обычную, такую же, как и все здесь, дверь. Дверь, за которой умирала ее, Галина, жизнь.

Просто однокурсник

– Слушай, Сашка, уже поздно. Как ты домой-то доберешься? – смущение окрасило Галины щеки румянцем, который ярко выделялся на белоснежной коже девушки, подчеркивая блеск больших голубых глаз.

Полненькая и невысокая Галя не выглядела красавицей, но обаяние молодости и всегдашняя улыбка красиво очерченных губ с лихвой перекрывали небольшие недостатки внешности, а легкий отходчивый характер делал девушку всеобщей любимицей. Она никогда не обижалась, не выясняла отношений, не держала ни на кого зла. Случилась неприятность? Вдохнула, выдохнула – и дальше по жизни с той же светлой улыбкой.

Высокий темноволосый Саша – первый красавец курса – Гале, пожалуй, нравился. Но для нее, воспитанной в строгих еврейских традициях, тайной были не только отношения между мужчиной и женщиной – она не умела заглянуть даже в собственное сердце. А на вопросы матери только смеялась: «Глупости! Он просто однокурсник!»

Ну да, просто однокурсник. К тому же лучше всех учится, а ей никак не дается этот упрямый сопромат, а на носу летняя сессия... Ей даже не приходило в голову, что «просто однокурсник» вряд ли станет так старательно ездить из неблизкого Пушкина на Васильевский остров. Да-да, конечно, просто чтобы по-дружески помочь. Галя, правда, чувствовала легкую неловкость оттого, что родители у бабушки Доры на даче и они с Сашей одни в квартире, – но не более того.

И сейчас, заметив, что уже вечер – ах, эти обманчивые ленинградские сумерки на пороге лета! – она забеспокоилась лишь о том, что до дому Саше далековато. Только в животе почему-то похолодело. Как два года назад, когда родители, обрадованные ее успешным поступлением в Ленинградский политехнический, повезли Галю на Черное море. Она впервые тогда летела на самолете. Когда тот «падал» в воздушную яму, внутри становилось холодно, а сердце, кажется, билось прямо в горле. Вот как сейчас.

– А разве я не дома? – за кажущейся наглостью Саша скрывал свою неопытность. Пальцы, коснувшиеся пуговиц Галиной кофточки, дрожали одновременно и от желанья, и от робости.

– Ты с ума сошел! – Голос Гали предательски дрогнул, превратив возмущенное восклицание в еле слышный шепот.

– Совсем сошел, – Саша приник губами к нежной ложбинке над ключицей, и голос его прозвучал глухо.

Губы скользнули ниже, ниже... Гале казалось, что у нее неожиданно подскочила температура – было трудно дышать, кожа горела, а тело вдруг стало чужим, пластилиновым, восковым. И воск этот от жара делался все мягче, все податливее...

Дождь в августе

Оглушенная, погруженная в переживания, Галя едва заметила, как пролетели экзамены. Отличник Саша закрыл сессию «автоматом», и Галя была почти рада, что в институте его не видно. Хотя злополучный сопромат она, конечно, завалила.

Чтобы готовиться к пересдаче, она уехала к бабушке с дедушкой на дачу. Родители наезжали только по выходным, а Дора Аркадьевна и Зигмунд Исакович жалели внучку – сопромат все-таки! – и старались ее не беспокоить.

Но занятия шли еле-еле. Август выдался дождливым, Галя целыми днями валялась на продавленном, потрескавшемся кожаном диване и думала, думала...

«Где сейчас Саша? Как мы встретимся осенью? Ведь он даже не сказал, что любит...»

Возле дивана стоял такой же древний буфет. На его высоченной резной верхушке Галя прятала от бабушки сигареты. Курить, чтобы не заметили, она бегала под дровяной навес.

Удобно устроившись на низкой поленнице, девушка с наслаждением затаилась... и поплыла: перед глазами замелькали белые точки, руки, вдруг ставшие ватными, не удержали сигарету... и Галя вывернуло прямо на дрова.

– Что это? Давление меняется? Отравилась?

Отталкивая плавающие в бочке первые желтые листья, Галя умылась, прополоскала рот, но кислый привкус держался стойко. Казалось, что и диванная кожа пахнет рвотой. В бок впиалась забытая в кармане сигаретная пачка.

«А ведь Наташка весной то же самое рассказывала! Мол, если залетишь, сразу курить бросишь, от одного запаха выворачивать начнет... О Господи! Что же теперь будет?!»

Когда в последних числах августа отец забирал ее с дачи, Галя испугалась еще больше.

– Сумка тяжелая, не поднимай сама! – прикрикнула на нее бабушка.

Неужели догадалась?! Недаром последние недели не ворчит «ну-ка ешь все подряд», а спрашивает, чего бы хотелось повкуснее.

По дороге Галя раза три просила отца остановить машину – ее мутило. Стоило отойти от бензиновой дорожной вони, как становилось легче. «Ох, – думала Галя, – хорошо еще, что мама в городе осталась, не то мигом бы все поняла».

«Квартирант»

Первый учебный день выдался теплым и хрустально-прозрачным. Контраст совсем еще зеленых газонов и золотой листвы над ними был сказочно красив. Но Гале было не до красот. Главное – Саша! Вон он, с девушками балагурит, наверняка договариваются, где первый учебный день отметить. Вот, заметил ее...

Галя повернулась и пошла к дальней скамейке. Он должен, должен, должен ее догнать!

– Соскучилась?

Сашин голос показался Гале чужим: ни нежности, ни теплоты она не услышала. А ведь так надеялась на эту встречу! Уткнувшись в жесткую спинку скамьи, девушка безудержно зарыдала.

– Господи, что с тобой? – Теперь голос звучал по-настоящему обеспокоенно, в нем не осталось ни капли этой ужасной «хозяйской» сытости. Саша обнял девушку, нежно привлек к себе:

– Галчонок, хороший мой, ну не плачь, ну пожалуйста! Что случилось?

– Я... я... я беременна. Уже больше трех месяцев, – едва выговорила Галя и зарыдала еще отчаяннее.

«Черт, вот не было печали!» – подумал Саша. Но вздохнул, еще крепче прижал к себе девушку и почти твердым голосом сказал:

– Давай-ка успокаиваться. А то будешь перед родителями с красным носом.

– П-п-почему п-перед родителями? – опешила Галя.

– Ну им же надо сообщить? Свадьба там, все такое, как без них?

– С-с-свадьба? Ты серьезно?

– А что, у тебя есть другие варианты? Ты собираешься устроить романтическое бегство и тайный брак под покровом ночи? – Саша, собрав все свое мужество, сумел даже пошутить. «Ну что ж поделаешь, – подумалось ему, – раз уж так вышло. Свадьба так свадьба».

Окрыленная счастливой развязкой, Галя ухитрилась все-таки спихнуть злополучный сопромат. А вот из шумной свадебной пестроты почти ничего не запомнила: белое платье смущало, казалось, что все разглядывают ее живот. Хотя и живота никакого еще не было: дед кому-то позвонил, и бракосочетание устроилось в мгновение ока. Но Гале все равно казалось, что догадываются и смотрят. И все время хотелось в туалет... Бабушка Дора, глядевшая на внучку печально и ласково, погладила ее по голове и сказала:

– Запомни, внученька: любовь – это работа. Причем без выходных.

Как в воду глядела бабушка Дора. Саша, похоже, решил, что, женившись, полностью исполнил свой долг – чего вам еще надо? Дома – поселились они у Галиных родителей – молодой муж почти не появлялся.

– Опять «квартирант» не ночевал, – удовлетворенно замечала мама, не скрывавшая своего презрения к зятю.

Галя терпеливо придумывала отговорки: то конспекты нужны, то у однокурсника день рождения, но Зинаида Семеновна только поджимала губы и усмехалась.

Зимнюю сессию Галя все-таки сдала: экзаменаторы косились на ее огромный живот и зеленоватую бледность и ставили тройки из жалости. Только вредный «научный коммунист» попытался спрашивать Гаю по-настоящему, но его одернули собственные коллеги: оставь ее в покое, а то еще родит прямо тут.

В общем-то они были правы: едва Галя закрыла сессию и оформила академический отпуск, как уже пришлось отправляться в роддом.

Дима родился 13 февраля 1978 года.

Красненький сморщенный «старичок» хватал грудь с такой жадностью, что Галя едва не кричала от боли. Сразу треснули соски, и Зинаида Семеновна передала ей «верное средство» – яблочное пюре и облепиховое масло. Галя, сжав зубы, терпела, пока малыш наестся, намазывала трещинки и подходила к окну, как будто высматривала – не придет ли Саша. Саша не приходил, но ей было все равно. Гаю пугало, что она никак не может полюбить сына. «Что же я за монстр? – думала она. – Ведь он моя кровиночка, он такой маленький, такой беспомощный...» Но сердце молчало, и Галя чувствовала себя бездушным чудовищем. Какой уж тут муж – подумаешь, не приходит!

Из роддома ее забирали родители. Медсестра передала Роману Зигмундовичу, оцу Гали, аккуратный сверток, пробормотала дежурные поздравления и скрылась. Галя вдруг ощутила, как больно жгало сердце.

– А где бабушка? – Про Сашу она даже и не вспомнила. – Что с бабушкой?!

– Дома, дома бабушка, – засуетилась мама. – Поедем, а то продует тебя.

Промозглый ленинградский февраль пробирал до самых костей. Чашка горячего чая была почти невероятным чудом.

Войдя в родительскую квартиру, Галя испугалась:

- Бабушка! – казалось, Дора Аркадьевна стала вдвое меньше, как будто съежилась.
- Ну вот, я и с правнуком, – бабушка всхлипнула и быстро скрылась в ванной.
- Мама, что случилось, что с бабушкой?

Зинаида Семеновна увела Галю на кухню, подвинула ей дымящуюся вкусным чайным духом чашку.

- Мама!

- Дедушку вчера похоронили. Только и успел порадоваться, что правнук. А на следующее утро просто не проснулся, и все. Мы хотели, чтобы она с нами хоть немного пожила – представь, каково там сейчас, в пустой квартире, – но она ни в какую, сама, говорит, справлюсь. Это только сегодня, чтобы тебя встретить, приехала.

Саша явился лишь через три дня. Взглянул на сына, одарил Галю дежурным поцелуем – и все покатило по прежней колее.

Галя даже не пыталась наладить отношения – до того ли! Родители были заняты своими делами, бабушка приезжала редко, повторяя «мне нужно привыкнуть к одинокой жизни». Бесконечные пеленки, кормления, бессонные ночи отнимали все силы. Постоянно отключали горячую воду, так что стирка превращалась в подвиг. Да еще прогулки, хотя бы дважды в день. Ленинградская зима неласкова, но «свежий воздух ребенку необходим», и точка. Толкая коляску по ледяным буграм, Галя почти засыпала на каждом шаге, поминутно вздрагивая то от промозглого ветра, то от приступа сжимающего живот страха – а вдруг малыш простудится, а вдруг сосулька на нас упадет, а вдруг машина из подворотни. Страх за крошечное, полностью зависящее от нее существо сменялся раздражением – да где же эти радости материнства! – потом оцепенением. Когда Саша вспоминал, что он все-таки муж, Галя терпела его прикосновения через силу, ужасаясь собственной бесчувственности. Чужой, чужой, чужой. Все – чужие.

Даже отражение в зеркале было чужим. Крутясь как белка в колесе, уставая до беспомощности, Галя тем не менее поправлялась «как на дрожжах» и к апрелю едва влезала даже в «беременный» сарафан. Весна тоже ее не разбудила, тем более что выдалась она слякотная и холодная – не понять, май на дворе или ноябрь.

Приехав навестить правнука, Дора Аркадьевна в один миг поняла – внучку пора спасать.

- Вот что, – решительно сказала она, стараясь не замечать пустого взгляда Гали. – Заберу-ка я вас к себе. Я и с пеленками помогу, и погуляю с Димочкой. А то ведь крутишься одна целый день, скоро на стенку полезешь.

Галя безразлично покачала головой:

- На стенку не полезу – сил нет. Все черно-белое и холодное. Как будто меня зимой на кладбище забыли.

- И я тебя забыла, да? – вздохнула Дора Аркадьевна. – Ну ничего, все наладится. Димочка у тебя вон какой хорошенький: щечки розовые, глазки умные, волосики вьются – ангелочек! Пойдем чайку попьем, я твой любимый вишневый торт привезла.

Галя вдруг всхлипнула.

- Ну-ну, поплачь немножко, все и пройдет, – Дора Аркадьевна заварила чай. – Попей вот, сразу очнешься.

Терпкий чайный вкус мешался со слезами, и Галя чувствовала, что с каждым глотком все внутри оживает. Как по волшебству. Что это она, в самом деле, похоронить себя вздумала?

Переселив к себе внучку с правнуком, Дора Аркадьевна серьезно поговорила с Сашей, и тот тоже будто опомнился: после занятий, нигде не задерживаясь, сразу ехал домой, гулял с сыном и был очень мягок с Галей. Решив по настоянию бабушки осенью вернуться в институт, она все лето посвятила тому, чтобы добиться прежней привлекательности. Дора Аркадьевна ласково, но строго следила за ее диетой:

– Не в булках счастье, дитя мое! Ты молодая мама, ты должна быть красивой. Муж у тебя вон какой!

– Да не нужен он мне вовсе! Только для соседей, чтоб не шушукались за спиной!

– Э-э, внученька, не зарекайся! Ты ведь и не стараешься Сашу заметить, точно и нет его.

– Его не заметишь, как же! Вон какой огромный, – пошутила Галя.

– Вот и замечай его почаще. Женщина для мужчины – как для машины свеча зажигания. Без нее с места не сдвинется. Искорка нужна. Я дедушку твоего всегда хвалила. Мусор вынес – ай, какой помощник! Картошки принес – вообще герой. Молока купил – какой умница, никогда ничего не забывает. Хотя, конечно, что-нибудь он всегда забывал, да все они такие. А похвалишь – расцветет. Вот и старайся.

И Галя старалась. Втянулась в учебу – помогло то, что осенний семестр она проходила повторно и сама удивилась, что, оказывается, кое-что помнит. В общем, жизнь наконец покатила ровно, без провалов: обычная студенческая семья с ребенком.

Черный коралл

– Конечная станция, ла-пуш-ка!

Галя с трудом открыла глаза. Необыкновенно смуглый мужчина в военно-морской форме тряс ее за плечо и белозубо улыбался:

– Ты так сладко спала. Как дети спят, – в его правильной речи чувствовался какой-то непривычный акцент. Не эстонский или финский – эти в Ленинграде не редкость, – а что-то другое, необыкновенное. Гале вдруг показалось, что где-то далеко шумит морской прибой. И... да, еще попугаи на прибрежных пальмах кричат. Она встряхнула головой, отгоняя наваждение.

У Димки лезли зубки, и после бессонной ночи где-то к середине дня позванивало в голове. А сейчас, к вечеру, уже и чудится невесть что!

Но на эскалаторе смуглый военный опять оказался рядом:

– Хосе.

Он улыбнулся, и далекий прибой загремел почти оглушительно...

– Меня называли в честь Хосе Марти, это наш кубинский поэт и лидер освободительного движения.

– Зачем вы мне это говорите?

– Ты ми-ла-я. Как Мадонна, – он говорил медленно, почти по слогам, точно пробуя каждое слово на вкус.

Галя смутилась. Мадонна? Вынырнув из депрессии, она почувствовала наконец свое материнство: душа переполнялась любовью и нежностью к маленькому Димке, к первому «мама» и доверчиво протянутым ручонкам. И зеркало тут же отразило внутренние изменения: вместо толстой куклы с пустым «пластмассовым» взглядом там появилась очаровательная юная женщина. Глаза стали глубокими и засияли теплым, почти загадочным светом.

– Темно. Тебе не надо идти одной. Я провожу.

Внимание смуглого красавца было неожиданно приятно. Галя иногда просила Сашу ее встретить – идти от метро в темноте было и впрямь страшновато. Но бабушка в последнее время стала сильно сдавать, и оставлять ее одну с ребенком не стоило.

– Как тебя зовут?

– Галя.

– Га-ля, – нежно повторил он.

Она неожиданно испугалась самой себя и поспешила расставить точки над «i»:

– Я замужем. У меня есть сын.

– У меня тоже, – опять улыбнулся Хосе, и Гале вдруг захотелось идти вот так подольше, она даже свернула на кружный путь. – Моя семья на Кубе. У нас всегда солнце.

– Вот я и дома. Спасибо, Хосе, что проводил, – Галя приоткрыла дверь парадного.

– Как я тебя увижу? – он придержал ее руку. – Завтра?

Галя заколебалась – Господи, что я делаю? Но... В конце концов, а что тут такого?

– Хорошо, – тихо согласилась она. – Я в политехе учусь, завтра заканчиваю в три...

– Я буду ждать! Ла-пуш-ка...

Дома у нее все валилось из рук. В ушах звучало нежное «ла-пуш-ка» и шумел океанский прибой. Когда Саша попытался ее обнять, она легко выскользнула и принялась разгребать завал грязной посуды в раковине.

Саша, нагулявшись с многочисленными подружками, в последнее время наконец-то оценил собственную жену. Что подружки! Темленькая, светленькая, рыженькая, худенькая, пухленькая... в общем-то все одно и то же. А Галя – родная и единственная. Саша искренне любовался тем, как она склоняется над конспектами, как играет с сыном: пушистые кудряшки над нежной шеей, женственная гибкость, сияние огромных глаз.

Галя же как будто не замечала перемен. Должно быть, обида за прежнее равнодушие, «квартирантство» и бесконечные измены засели слишком глубоко. Какая любовь без доверия? Да и то сказать – была ли она, любовь-то? Просто обстоятельства так сложились.

Ей снились ослепительно горячее солнце и кипящие – как бурлит вода на сильном огне – грохочущие волны. За линией прибоя вода становилась голубой, зеленой, стеклянно-прозрачной. В глубине фантастическими букетами распускались гроздья разноцветных кораллов. Она пыталась нырнуть, но вода становилась настоящим стеклом, и его

осколки больно впивались в тело. Промаявшись всю ночь, к рассвету Галя решила: будь что будет.

Она увидела Хосе издали: прямой, гордый, такой необыкновенный посреди мрачной ленинградской осени. Ветер толкал в спину, и она почти летела навстречу...

– Ла-пуш-ка! – он прижал Галю к себе. – Пойдем...

В гремящем переполненном трамвае Хосе нежно подтолкнул ее в угол и загородил собой от всего мира. Галя чувствовала, как его губы касаются ее волос, вдыхала странный, невероятно притягательный запах его форменного кителя... Или это его собственный запах?..

Она даже не спрашивала, куда ее ведут. Только увидев две железные койки под одинаковыми синими одеялами, поняла – они в казарме. Обшарпанный стул, две табуретки, шаткий стол, заваленный книгами...

Хосе усадил ее на единственный стул, опустился перед ней на колени:

– Ла-пуш-ка моя, – от его хриплого шепота опять повеяло шумом океанского прибоя. – Ты... останешься?.. Или... ты можешь уйти...

Галя поднялась, хотя ноги совсем не слушались.

– Вот это – твоя кровать?

– Но... как ты догадалась? Они же одинаковые... – Голос его сорвался.

Почему так трудно дышать? – удивилась Галя и медленно, почти не понимая, что делает, расстегнула верхнюю пуговицу...

Грохот прибоя стал оглушительным, высокое белое солнце сияло все ослепительнее...

– Ла-пуш-ка! Почему ты плачешь?

В сумерках каждая черточка, каждая жилка, каждая линия его смуглого тела, казалось, светится изнутри теплым золотистым светом.

– Мне никогда не было так хорошо, – прошептала Галя. – Но... мне нужно возвращаться.

Хосе поцелуями осушил ее слезы.

– Га-ля. Га-ля. Мне... У меня тоже семья. Их нельзя бросить. И... я военный человек. Подводник. Мы уходим в рейс.

– А... когда вернешься?

– Нам ведь не говорят, – печально прошептал Хосе. – Но я вернусь, обязательно. Скажи мне свой телефон.

– А вдруг трубку поднимет Саша?

– Я не причиню тебе вреда. Никогда. Легче умереть.

Провожая, Хосе больно сжимал ее руку. «Еще шесть остановок осталось, – думала Галя, – еще пять... две... еще четыре дома... еще один...»

От последнего поцелуя в парадном у Гали, казалось, остановилось сердце.

– Тебе надо идти, ла-пуш-ка? – Его голос был горьким, как апельсиновая косточка, попавшая на зуб: пронзительно свежая солнечная мякоть и вдруг...

Саша встретил ее с сонным Димкой на руках.

– Что так долго?

– С Наташкой в библиотеке засиделись, – не задумываясь, бросила Галя, радуясь, что они теперь на разных курсах и муж не знает никого с ее потока.

Она с облегчением закрылась в ванной. Желтая ленинградская вода пахла ржавчиной...

Невский ветер, когда Галя каждый день с замиранием сердца вглядывалась в клубящуюся возле института толпу, тоже, казалось, пах ржавчиной. День проходил за днем, неделя за неделей, месяц за месяцем... Димку отдали в ясли, потом в садик, Саша начал где-то подрабатывать вечерами. Где – Галя не интересовалась. Ей было все равно...

– Ла-пуш-ка моя, – Хосе прижал ее к себе, увлек к стоящему рядом такси.

– Я так скучала по тебе, – выдохнула Галя, почти теряя сознание от его поцелуев. – А куда мы?

– Катаемся, – грустно сказал он. – Нам сегодня некуда ехать.

– Есть куда! – встрепенулась она и назвала адрес родительской квартиры. – Там до семи никого не будет, все на работе.

Поднимаясь по лестнице, они останавливались на каждой ступеньке не в силах оторваться друг от друга. Уже у двери Галя испугалась – где же ключи? Почти в отчаянии она вытряхнула сумку прямо на бетонный пол... вот они! Не глядя, сгрэбла всю кучу обратно – скорее, скорее... Черт, она же в другую сторону открывается!

И снова этот оглушительный грохот прибоя, и ослепительное солнце в недостижимой высоте!

– Ла-пуш-ка моя! Единственная, нежная, любимая...

– Господи! Уже полседьмого! – Галя непослушными руками путалась в тряпичной кучке – в каком же порядке все это надевают? Хосе, как и положено военному, собрался за минуту. Мягко остановил:

– Ты надеваешь наизнанку, – и одел ее сам. Бережно, как ребенка. Галя едва не разрыдалась.

За стеной соседи крутили последний диск Пугачевой: «Ленинград, Ленинград, я еще не хочу умирать!»

Всю дорогу Хосе прижимал ее к себе и отводил глаза.

– Ты что-то недоговариваешь? – не выдержала Галя.

– Ла-пуш-ка, мы здесь только один день. Завтра опять в рейс. Надолго.

– Господи, нет! – Галя едва сдерживала рыдания.

– На полгода или даже больше, – выдохнул Хосе.

– Дача! У нас ведь есть дача! Я сейчас только домой забегу...

Он покачал головой:

– Нет. В двадцать один ноль-ноль я должен быть на месте.

– Я провожу! Хоть немного еще...

– Не надо, Га-ля. Ты будешь мучиться. Ты будешь одна. И будет темно. Не надо.

И Галя послушно повернула домой, к мужу и сыну.

– Мама, на! – Димка протянул ей тапочки.

Галя прижала сына к себе:

– Мой маленький мужчина! Самый любимый!

– Бабушка опять чайник в раковине забыла, потоп на всю кухню, – сухо сообщил Саша.

– И мыть ее, по-моему, пора.

Дора Аркадьевна сдавала буквально на глазах. Она забывала, какой сегодня день, не узнавала близких, с трудом двигалась. Иногда бабушка становилась совсем прежней, но это случалось все реже и реже. Вдобавок от слабости и склероза у нее началось недержание. Галя заглянула в комнату и почувствовала, что бабушку действительно «пора мыть». Да и на пол с клеенки натекло...

Она меняла постель, мыла Дору Аркадьевну, стирала загаженные простыни и плакала от жалости к бабушке и к себе:

– Господи, за что мне это?!

Уже перед сном дрожащими от усталости руками Галя открыла «Робинзона Крузо». Это лекарство она придумала для себя еще в детстве: какие бы неприятности ни случились – раскрой «Робинзона» на случайной странице, обязательно найдешь совет и поддержку. Сегодня книга сказала: «Я увидел, что не следует унывать и отчаиваться, так как в самых тяжелых горестях можно и должно найти утешение...»

«А ведь я могла бы никогда не встретить Хосе, – думала Галя, – прожить всю жизнь, не узнав об этом слепящем горячем солнце... Значит, несмотря на все невзгоды, я счастливая! Спасибо, Господи!»

Через неделю Галя увидела возле детского сада «Скорую». Сердце оборвалось. Задышавшись, она подбежала к воротам. Санитар нес на руках вялого, пышущего жаром Димку:

– Ваш мальчик? Госпитализируем срочно: головная боль, рвота, подозрение на менингит. В Боткинскую приезжайте.

В больнице Галю не пустили дальше приемного покоя. Толстая сердитая тетка только отмахивалась:

– Езжайте домой, мамочка. Ну поступил, ну подозрение на менингит, будут анализы делать, там врачи, а от вас одно беспокойство. Езжайте, езжайте.

Часа два Галя просидела на ледяной кушетке, но в конце концов тетка все же заставила ее уйти.

Квартира встретила ее жутковатой тишиной.

– Бабуля! Димочку в больницу забрали...

Галя распахнула дверь в комнату Доры Аркадьевны и остолбенела: бабушка, странно скрючившись, лежала на полу. Галя бросилась к ней и отдернула руку – бабулина щека обожгла ее восковым холодом.

Вернувшийся через час Саша с ужасом увидел, что жена сидит на полу, обняв бабушку, и раскачивается, точно баюкает ее.

– Где Димка?

– В Боткинской, – сквозь рыдания пробормотала Галя. – Подозрение на менингит.

Саша нежно обнял ее, увел на кухню, заставил выпить валерьянки и начал звонить в «Скорую» и Зинаиде Семеновне.

Чтобы похоронить бабушку, как она хотела, рядом с мужем, пришлось согласиться на кремацию. Прямо с кладбища Саша с Галей поехали в Боткинскую: страшный диагноз не подтвердился, и Димку выписали долечивать острую простуду дома.

– Надо отремонтировать бабушкину комнату, – предложил Саша. – Сделаем там детскую.

– Как ты можешь об этом сейчас? – опять разрыдалась Галя.

– Жизнь продолжается, Галчонок, – попытался успокоить ее муж. – Ну ладно, потом.

«Потом» настало очень скоро. Кружилась голова, по утрам мучила тошнота. Галя вспомнила свидание в родительской квартире и все поняла. Аборт? Ни в коем случае! Галя не могла и не хотела забывать Хосе, казалось, он все время где-то рядом. Значит, пусть будет рядом по-настоящему. И она буднично сообщила:

– У нас будет еще ребенок.

Саша подхватил ее на руки, закружил по комнате:

– Любимая моя женушка!

– Пусти, голова кружится. Как мы справимся с двумя? На что жить будем? Опять у мамы просить?

– Я заработаю, не волнуйся! И справимся, конечно! С Димкой-то никаких хлопот...

Крупный серьезный Димка и вправду был очень тихим, что называется, беспроблемным ребенком. Играл самостоятельно, очень любил, чтобы ему читали, а если взрослым было некогда, усаживался с книжкой и аккуратно водил пальчиком по страницам – «читал».

Саша, едва выдавалась свободная минута, с удовольствием играл с сыном. Галя смотрела на их возню и отгоняла тревожные мысли: что будет, если ребенок родится смуглым? Правда, говорят, что любящий мужчина сомневаться не станет, и сходство найдет, и какого-нибудь предка с подходящими генами отыщет. Но мало ли что говорят. Вдруг он будет очень-очень смуглый? Как Хосе или даже темнее? Ведь кубинская кровь – смешанная, в ней оставили свой след и испанцы, и индейцы, и негры. Чьи гены окажутся сильнее?

Впрочем, мысли одолевали нечасто. Саша работал допоздна, прихватывая иногда и выходные, так что институт и домашние заботы занимали Галю целиком. Времени и сил не хватало не то что на мысли – на визиты в консультацию. Живот был огромный, как при двойне, но месяцах на шести акушерка со всей определенностью сказала, что сердцебиение одно. Галя сходила на прием еще два раза и больше в консультации не появлялась – далеко ехать, тяжело, сил нет. В конце концов, роды не первые,

осложнений не обнаруживается, чего себя выматывать?

Уже поздней осенью, вздрагивая от порывов ледяного ветра с Финского залива, Галя осторожно, чтоб не поскользнуться, шла из института – и вдруг кто-то обнял ее сзади.

– Ла-пуш-ка... – он печально посмотрел на ее огромный живот.

Галя, легко догадавшись о его сомнениях, усмехнулась про себя – мужчины, что с них взять!

– Не ревнуй...

– Я... нет... да... – смутился Хосе.

– Не ревнуй. Помнишь, тогда, у моих родителей? Вот... Это наш с тобой, – она выделила «с тобой», – ребенок.

– Ла-пуш-ка... – на его глазах показались слезы. – Ты очень смелая. Я даже не знаю, когда теперь вернусь. Может быть, даже...

– Не говори так! – Галя ладошкой прикрыла его губы. – Это очень страшное слово. Лучше говори «всегда». Помнишь, как ты меня утешал? Нашу любовь уже не отнять, мы можем быть за десять тысяч миль, но все равно мы вместе. Так?

– Так. Ты удивительная, Га-ля. Вот, – он протянул ей клочок бумаги, – здесь телефон моего друга, сообщи через него, кто родится. Если будет сын... назови его Валерием. Если сможешь. А если девочка – Валерией. Мне Валерий жизнь спас, сам чуть не погиб.

Хосе стянул с мизинца гладкое черное кольцо и вложил его в Галину ладошку:

– Возьми. На счастье. Это акабар, черный коралл – наш кубинский камень. Его почти нигде больше нет. Акабар приносит удачу и защищает от сглаза. У нас его дарят детям – как защитный амулет. И еще... – Хосе горько усмехнулся. – Говорят, он приносит покой в семью. Если уж нам не судьба быть вместе... Возьми.

Люди и манекены

Галя с трудом – мешал огромный живот – спустила ноги с кровати, тяжело встала – и схватилась за дверь. Низ живота опоясала резкая тянущая боль. Она с ужасом посмотрела на лужу под ногами:

– Воды отошли. Как быстро... Хорошо, что Димка у мамы. Ох, и Сашка уже на работу уехал. Господи, помощи!

Почти теряя сознание от боли, она вызвала «Скорую» и едва смогла дойти до входной двери, чтобы открыть замки.

В роддоме ее сразу отвезли в родильный зал.

– Господи! Тазовое предлежание, – причитал молоденький врач. – Ольга Юрьевна уже заступила? Господи, господи!

– Да не мельтеши ты! – отодвинула его пожилая акушерка. – Тазового предлежания не видел? Что ж вы, мамочка, в консультацию не ходили?

– Хо-ди-ла... дав-но... – едва выговорила Галя.

– Давно она ходила! И гимнастику надо было делать, чтоб повернулся! Да ладно, не

бойся, не впервой чать! И ты тут под руку не причитай! – прикрикнула она на позеленевшего от страха врача. – Раскрытие хорошее, справимся и без Ольги Юрьевны.

Этот уверенный голос и твердые теплые руки прогнали весь Галин страх.

– М-м-может, к-к-кесарево? – проблеял молодой.

– Куды – кесарево?! Вон ягодички уже пошли! Давай, красавица, умница моя, старайся – мальчишку рожает! Такой мальчишка отличный, давай, милая, все хорошо будет, давай еще, а то пуповину пережмешь, ну давай же!

Последний Галин крик слился с громким требовательным «уа».

– Отличный мальчишка! – сообщила пожилая акушерка. – И ты молодец. Муж-то иностранец, что ли? Пацан темненький совсем.

– Дедушка, – почему-то сказала Галя и провалилась в забытье.

– Дедушка, говоришь? Ну-ну, – покачала головой акушерка.

В этот раз Галя почувствовала страстную материнскую нежность с первого кормления. Только сердце сжималось от страха: малыш был почти коричневым. Что будет? День выписки надвигался неотвратимо.

И вот наконец настал.

– Вот ваш наследник, – медсестра, передавая Саше аккуратный «конверт», скептически вздернула бровь, но оставила свои замечания при себе.

– Что это? Перепутали? – И Саша, и родители недоуменно уставились на Галю. Она вздохнула, распрямила плечи:

– Не устраивайте здесь семейных сцен, дома поговорим.

Саша побледнел. Мама заплакала:

– Галя, что же ты натворила?

В машине Зинаида Семеновна вновь принялась ее допрашивать:

– Может, объяснишь все-таки?

– Нечего объяснять, – Галя старалась сохранить хоть минимум спокойствия, а то вдруг молоко пропадет. – Да, я полюбила другого человека, но мы никогда не сможем быть вместе. Это было как удар молнии.

– И этот удар тебе мозги отшиб? – уколола мама. – Предохраняться надо было!

– Ну что ты, Зиночка? – попытался успокоить жену Роман Зигмундович. – Все бывает, что уж теперь. Ты только посмотри, какой чудесный мальчик.

– Идиотка! Наша дочь вся в тебя – полная идиотка! – распалялась Зинаида Семеновна. – Саша у тебя такой... – Она, похоже, уже забыла, как унижала зятя презрением.

– Бабник! – не выдержала Галя. – Я все терпела, все его гулянки, все измены, ему на меня было наплевать!

Саша, съежившись в углу заднего сиденья, кусал губы и прятал глаза. А Галя не унималась:

– Я едва с собой не покончила! Если бы не бабушка... А потом я встретила Хосе и ни о чем не жалею, понятно вам?! Ах, Саша такой... Это теперь он стал «такой».

– Ну Галочка, – отец еще раз попытался утихомирить бурю. – Вы ведь очень рано поженились. Саша просто не догулял тогда еще.

– А теперь, значит, нагулялся? И я по этому поводу должна таять от счастья?!

– Может, тебе лучше у нас пожить? Или на даче?

– Ничего, папа, все наладится. Я справлюсь, – Галя тихонько прижала к губам черное кольцо. – Только Димку сейчас сами из садика заберите, мне бы домой сразу.

Дома, уложив малыша в кроватку, Галя залюбовалась: ты мой смуглый ангел! Черные «девичьи» ресницы, точно нарисованные бровки, четко очерченные пухлые губы.

Хлопнула входная дверь.

– Мамочка, я соскучился! – Димка со всего маху прижался к ней.

Саша обнял ее с другой стороны.

– Прости меня, – всхлипнула Галя.

– Ничего, каждый может ошибиться. Я так тебя люблю... – Саша наклонился над кроваткой. – Ну здравствуй, сынок! Смотри, Димка, какой у тебя братик.

– Его помыть надо, – серьезно заявил Дима.

Галя смутилась, а Саша уверенно сказал:

– Это он просто загорел.

– Как же он в животе загорел? – не унимался Димка.

– А ты вспомни, какое летом солнышко было – вот и загорел. Есть хочешь?

– Хочу!

Саша бережно отвел Галю на кухню, усадил, открыл холодильник:

– Зинаида Семеновна борщ сварила и котлеты оставила. А я торт купил. И сосиски. Будем греть борщ?

– Торт! – радостно завопил Димка.

Поздним вечером Галя вытащила из «секретной» шкатулочки записку с телефонным номером. Может, не стоит? Но она обещала. И что это изменит?

Номер долго не отвечал. Галя уже собралась положить трубку, когда услышала мужской голос:

– Вас слушают.

– Добрый вечер, – дрожащим шепотом произнесла Галя. – Меня зовут Галя, ваш телефон...

– Здравствуйте, Галя, – перебил мужчина. – Он говорил о вас.

– Он просил вам позвонить, сообщить... В общем, я родила сына.

– Поздравляю! – голос вдруг замолчал. – Галя! Он не вернется в Ленинград, его перевели...

– И вы не сможете ему сообщить? – перебила она.

– Я постараюсь. Будьте счастливы!

Ну вот и все! Галя стянула с пальца черное кольцо, спрятала его в шкатулочку. Медленно дошла до кухни, чиркнула спичкой, поднесла к бумажке с номером... Последняя ниточка, связывавшая ее с Хосе, заструилась тонким голубым дымком...

– Ты звонила... ему? – Саша появился на кухне совсем неслышно.

Галя покачала головой:

– Его другу. А он... он не вернется, не бойся.

– Галчонок! Не хочешь – не рассказывай. Я не виню тебя. Я тоже виноват. Но... ты живешь, как в скорлупе, я не могу до тебя достучаться. А я ведь живой! Что нам делать дальше?

Галя с изумлением взглянула на мужа. Почти пять лет они рядом, а ей и в голову не приходило, что Саша – не бездушный красивый манекен, а такой же человек, как она сама. Со своими мыслями, желаниями, тревогами. Галя вдруг с ужасом подумала, что не может вспомнить, сколько ложек сахара Саша кладет в чай. Она ведь и не пыталась сделать хоть шаг навстречу мужу, только принимала знаки внимания и обижалась, когда их не было. Так стоит ли удивляться, что он ищет «понимания» на стороне? Да ведь уже и не ищет – и давно. Ох, как права была бабушка: любовь – это работа без выходных.

Галя вытерла слезы и осторожно взяла его за руку:

– Саша...

– Галчонок, давай попробуем начать все сначала?

Но сказать куда легче, чем сделать. Да, Галя постаралась отодвинуть воспоминания «в самый дальний угол», но разбудить в себе чувства к мужу так и не сумела. А Саша искренне любил жену. И страх ее потерять превращался в жгучую испепеляющую ревность. Зачем новые туфли, почему улыбаешься, о чем задумалась, куда собралась... Он требовал буквально поминутных отчетов, получасовая очередь в овощном – где так задержалась?! – провоцировала очередную вспышку.

Поначалу Галя еще жалела мужа, пытаясь смягчить его нападки то шуткой, то нежностью, но, казалось, любые попытки лишь усиливают его подозрения. И ей стало все равно. Надо просто терпеть. Да и что еще можно было сделать? Устроиться на работу? С «троечным» дипломом и двумя маленькими детьми? Да и Саша тогда вовсе с ума от своей ревности сойдет.

Больше всего Галя боялась за Валерика. Один вид смуглого малыша приводил мужа в бешенство, малейший повод заставлял взрываться. А поводов хватало. Димка рос тихим и серьезным, Валерик же был как ураган. Он ронял посуду и мебель, рисовал на стенах, пытался развинтить все, до чего мог дотянуться, однажды разобрал Сашины часы. Галя едва сумела выхватить у мужа ремень:

– Остановись! Он же маленький!

– Как же я его ненавижу! – Саша бессильно опустился на пол и зарыдал.

– Все, хватит, – твердо сказала Галя. Быстро собрала самое необходимое, одела детей. – Не можешь с собой справиться, живи один.

Саша долго сидел, вслушиваясь в оглушительную тишину опустевшей квартиры. С трудом поднялся, доковылял на неожиданно непослушных ногах до холодильника, достал припасенную «для компрессов» бутылку водки, налил полный стакан и выпил, как воду, не чувствуя обжигающего вкуса. Кажется, я впервые в жизни пью водку, промелькнуло в голове. Желудок скрутило жестокой судорогой, Саша едва успел добраться до ванной. Ему казалось, что организм извергает из себя вместе с водкой и всю накопившуюся ревность, все обиды, всю черную злобу...

Появление Гали родителей, мягко говоря, не обрадовало.

– Что, на мужниной шее надоело, решила на нашу пересесть? – поджав губы, буркнула Зинаида Семеновна. Роман Зигмундович привычно отвлек свою суровую супругу и начал играть с внуками.

– Не обольщайся, – бросила ему Зинаида Семеновна, уходя в спальню. – Все равно они помирятся. Не завтра, так через неделю.

Саша приехал уже на следующий день, осунувшийся и побледневший. С охапкой белых роз на длинных стеблях – для Гали – и подарочными пакетами для всех остальных. Даже раздобыл каким-то чудом, невзирая на горбачевский «сухой закон», бутылку коньяка для тестя.

Мальчишки, мгновенно забывшие о вчерашней ссоре, тут же стали увлеченно осваивать новенькие игрушечные машинки. За взрослым столом висело тягостное молчание.

Саша осторожно взял Гаю за руку...

– Пап, ты самый лучший! – Димка, размахивая дареной машинкой, полез к отцу на колени.

И Галя неожиданно для себя самой сказала:

– Поехали домой!

Полет валькирий

– Ну, Сашка, ну что ты все маешься? Подумаешь – жена!

У Володи, лучшего Сашиного друга еще с институтских времен, терзания приятеля вызывали лишь недоумение. Для него самого все выглядело очень просто: семья – это святое, жену и детей мужчина обязан достойно обеспечить, но при чем тут душа? «Для души» вокруг десятки и сотни привлекательных и страстных женщин. Не продажных, что вы, ни в коем случае. Просто одиноких. Два-три ласковых слова – и получай свою порцию любви и нежности.

Трагедий Володя боялся с детства, когда привык прятаться от родительских ссор. Его жена, сухая и «правильная до мозга костей» Римма, разумеется, никогда и никаких ссор не устраивала. Она родила Володе сына и дочь, она твердой рукой вела дом: чистота, отличная кухня, послушные дети... Но – любовь и нежность? Римма, кажется, и слов-то таких не знала.

Свою суровую супругу Володя слегка побаивался и все интрижки тщательно скрывал. Впрочем, Римме никогда бы не пришло в голову контролировать «личную жизнь» мужа. Семью обеспечивает? На семейных торжествах присутствует? Чего же еще?

Обеспечивал семью Володя более чем прилично. Еще молодым специалистом, едва после института, он ухитрился находить какие-то «левые» подработки. А уж когда началась перестройка, Володя мгновенно оценил новые возможности и, сколотив, как все, на перепродажах, первые деньги, тут же вложил их в похоронный бизнес. Приглашая Сашу в компаньоны, он сказал: есть, болеть и умирать люди будут всегда, независимо от окружающей обстановки. Значит, надо пользоваться ситуацией.

И вот, понимаешь, лучший друг и партнер дурит, от дел отвлекается. Из-за жены!

– Можно подумать, на твоей Гале свет клином сошелся!

– Я жить без нее не могу! – Саша стукнул кулаком по столу. – И с ней не могу. Она как ледяная, понимаешь? Кукла замороженная!

– Ну ты даешь! Я без Римки тоже не могу. И замороженная она тоже. Хотя нет, Римка не замороженная. Она у меня вобла сушеная. И чего, переживать из-за этого? Так и должно быть, она жена.

– Но я-то не сушеный и не замороженный! Я-то живой!

– Так и я живой, кто мешает? Вот что. На выходные поедem к моим родителям. У них така-а-а-я соседка – пальчики оближешь! И все остальное, – Володя заговорщицки ухмыльнулся. – Сам не могу, тут родители рядом, вдруг до Римки дойдет, зачем мне такие проблемы. А тебе – в самый раз. Сразу все свои трагедии забудешь.

– Я с детьми в цирк обещал сходить, – вяло возразил Саша.

– Вот пусть твоя Галя и сходит. Пообещай, что в следующий раз – непременно. А сейчас тебя в чувство приводить пора. Все. Решили. На выходные едем в Гатчину.

Дверь им открыла статная улыбчивая дама.

– Знакомьтесь. Это моя ненаглядная мамочка Ляля Макаровна. А это Саша, – представил их Володя.

– Проходите, проходите, – приветливо зажурчала хозяйка. – Наконец-то! А то только рассказывает – Саша да Саша, а какой Саша...

Саша церемонно поцеловал ей руку.

– Вовчик! – воскликнула Ляля Макаровна. – Почему ты раньше нас не познакомил? Я думала, у вас в бизнесе сплошь бандиты, а у тебя, оказывается, такой воспитанный компаньон. Как мило!

Договорить Ляля Макаровна не успела. Белокурая красавица с сияющими глазами вылетела из-за ее спины и повисла на Володиной шее.

– Инга! – Голос хозяйки был суров, но глаза смеялись. – Что о тебе гость подумает?

– Сестрица моя, – высвобождаясь из объятий, сообщил Володя. – Все тайфуны в одном флаконе. Хороша?

«Валькирия!» – подумал Саша, вдруг вспомнив, как полгода назад Галя вытащила его в оперу.

– Эй, Сашок, ты не столбеной давай! Ей и двадцати нет, я же про соседку тебе... Инга! Учти: у этого оборота жена и двое детей.

Но кто смог бы остановить молнию?

Полная противоположность Гале. Открытая, дерзкая, темпераментная Инга всегда добивалась, чего хотела. Сейчас главное место в ее планах занимал медицинский институт. Здравое рассудив, что необходимого для поступления блата у нее нет, а просить денег на взятки у брата не хочется, девушка выбрала единственный беспроигрышный вариант – «красный» диплом медучилища. Поэтому ни о каком замужестве она пока и не думала. А вот закрутить головокружительный роман с таким симпатичным приятелем брата – почему бы и нет? Если, конечно, его не смущают гниль и нищета «медицинского» общежития.

Сашу не смущало ничто. Ему казалось, что даже небо над городом стало другим. Выше, что ли?

Чтобы не зависеть от соседей Инги по общежитию, он снял для нее небольшую квартиру, придумывал для Гали какие-то совещания, переговоры, командировки – выискивал любые возможности, чтобы провести лишний час или день со своим «нежданым счастьем». Независимая Инга начала потихоньку ловить себя на том, что, пожалуй, совместная жизнь – это не так уж и плохо...

Перелом

– Опять картошка с котлетами! – Саша раздраженно отшвырнул вилку. – Я могу дома нормально поужинать?

– Но, Саша, в магазинах ничего нет, даже за хлебом очереди, – робко объяснила Галя.

Начало девяностых опустошило прилавки, и она уже сбилась с ног, стараясь хоть как-то накормить семью. Хорошо еще, что с сыновьями проблем не было: Дима вообще был непривередлив, а Валерик после тренировок готов был сжевать хоть старый ботинок. Только Саша регулярно закатывал скандалы. Похоже, он просто искал поводы, чтобы сбежать из дома.

– А мне плевать, что там в магазинах! Деньги тебе мешками ношу, а еды приличной не дождешься! Придется в ресторане ужинать. Ночевать не приду! – Саша хлопнул дверью.

Это был вечер 18 августа 1991 года.

Саша не вернулся и на следующую ночь. А потом позвонила незнакомая женщина и сообщила, что он в клинике Военно-медицинской академии.

Галя обессиленно уронила трубку, но тут же вскочила:

– Дима, позвони бабушке. Папа в больнице, я поехала к нему. Двери никому не открывайте, у бабушки ключи есть, – она лихорадочно собиралась, роняя сумку, кошелек, плащ, не попадая в рукава...

– Мамочка, это разные туфли. Не нервничай, все будет в порядке. – Димка, который последние полгода вел себя совсем как взрослый, подал ей нужную обувь.

Выскочив едва не на середину проезжей части, Галя отчаянно замахала рукой. Визг тормозов слегка отрезвил ее.

– Дама, вы чего? Жить надоело?

– В Военно-медицинскую академию!

– А! – понимающе кивнул пожилой таксист. – Нам еще повезло, пострадавших нет почти. Ну там кто-то с милицией не поладил, кто-то с баррикады свалился.

Галя ничего не понимала. Далекая от всякой политики, она даже телевизор не включала неделями. Таксист рассказал ей про ГКЧП, про путч, про митинги и баррикады на улицах.

– Да не волнуйтесь. Тяжелых вроде не было. Вон в Москве, говорят, погибших куча, люди под танки ложились. Устроили разборку, делать им больше нечего! Тьфу! У вас кто? – он оценивающе оглядел Галю. – Муж?

Дежурный врач проводил ее к Саше, сочувственно поддерживая под локоть.

– Это... это он? – Галя с ужасом, не узнавая, вглядывалась в землисто-серое лицо и обведенные темными кругами глаза. – Его... избили?

– Да нет, непохоже. Видимо, в толпе помяли сильно, и упал неудачно. Черепно-мозговая травма – видите, «очки» вокруг глаз, несколько ребер сломано, ключица треснула. Состояние тяжелое, но стабильное. Динамика положительная. Внутренние органы целы, позвоночник тоже. Правда, ушиб в поясничной части сильный, но перелома нет. Поправится.

Галя просидела в отделении до вечера и в метро едва не проспала свою остановку. Долго не попадала ключом в замочную скважину, потом не могла вспомнить, в какую сторону нужно поворачивать.

Наконец дверь распахнулась. Она обошла стоящего на пороге отца и, не раздеваясь, прямо в туфлях, побрела в спальню. Глухо, как издали, доносились голоса:

– Мам, он меня...

– Доченька, что...

– Не трогайте ее.

Разбудил ее телефонный звонок. Галя механически взглянула на часы – половина одиннадцатого. Неужели она проспала почти полсутки?

– Александра позовите! – потребовал властный мужской голос.

Галя едва нашла в себе силы ответить:

– Его нет, он в больнице.

– Черт! Ох, извините, – голос заметно смягчился. – Вы Галя? Я Володя, партнер его. Он в офисе не появляется и не звонит. Что с ним? В какой больнице?

Выслушав Галю, собеседник тут же распорядился:

– Одевайтесь, я сейчас за вами заеду, отвезу вас к нему. И зачем Сашку в эти толпы митингующие понесло? Ну ничего, не расстраивайтесь так, мы его быстро на ноги поставим. Специалистов найдем, процедуры там всякие, лекарства – все, что можно за деньги купить. А купить, вы не поверите, можно почти все, – Гале показалось, что Сашин «партнер» даже засмеялся.

– Спасибо. Там хорошие специалисты.

– А, ну да, конечно, где же, как не там. Собирайтесь, сейчас буду.

По грубоватому голосу и решительности Галя представила себе Володю угрюмым бритым «быком» – в последние годы такие стали вдруг попадаться на каждом шагу. Но угадала

она только рост. Партнер оказался улыбочивым светловолосым парнем с озорными глазами. Правда, твердый подбородок и резкая поперечная складка на лбу «подсказывали», что внешняя легкость обманчива и характера Володе не занимать. Машину он вел почти расслабленно, слегка поигрывая пальцами на руле. Но скорость держал такую, что Гале показалось: доехали они в одно мгновение...

На коленях возле Сашиной кровати, прикинув к его безвольно свисающей руке, стояла медсестра. Володя рванулся к ней:

– Инга?! Что ты тут...

Галя прислонилась к двери – ноги вдруг стали ватными, в затылке зашумело, а в глазах забегали суетливые искорки. Вздохнув поглубже раз, другой, третий, она почувствовала, как дурнота отпускает, и медленно двинулась к выходу.

Володя догнал ее уже на крыльце:

– Галя! Я тоже ничего не знал.

О своих «подумаешь, жена» он благоразумно умолчал, здраво рассудив, что с соседкой так ничего и не вышло, значит, и говорить об этом нечего. Про стремительный, как удар молнии, роман Инги и Саши он действительно не знал – скрывались они очень тщательно.

– Кто это?

– Инга? Сестра моя, но... Галя! Я и подумать не мог! Галя!

Но она смотрела как будто сквозь него. Сквозь кружевную зелень придорожных деревьев, сквозь прохожих, сквозь дома вокруг... Володя сильно встряхнул ее за плечи – бесполезно. Как тряпичная кукла. Она безвольно дала увести себя от больничного подъезда, посадить в машину... и закашлялась – Володя приложил к ее губам красивую серебряную фляжку:

– Ничего, хороший коньяк еще никому не повредил. Пей! Сашка, конечно, гад...

– Я его ненавижу!

Володя ободряюще сжал ее плечо. Галя вздрогнула. С ней происходило что-то странное: по телу прошла горячая волна, кожа как будто натянулась и стала болезненно-чувствительной, мышцы напряглись, мягкое автомобильное сиденье вдруг стало жарким и неудобным... Ничего подобного она не чувствовала уже лет десять, с момента прощания с Хосе.

– Прошу! – Володя распахнул дверь маленького домика возле кладбищенских ворот. – Ты чего, испугалась? Офис у нас тут.

Галя ступила на рыжий пушистый ковер – нога утонула почти по щиколотку – и огляделась: кожаные диваны, камин, стеклянный столик с баром. Офис?

– Ну, собственно офис там, – он махнул рукой вправо. – А тут комната отдыха. Тебе ведь просто необходимо отдохнуть, разве нет? – нежным движением Володя отвел прядь волос с ее щеки...

Домой Галя вернулась, когда все уже спали. После душа она долго не могла заснуть. Но вместо привычно мучительного стремления хоть ненадолго забыться ее переполняла удивительная легкость. Казалось, каждая клеточка ликует: живая! живая! живая!!!

Готовя завтрак, Галя буквально летала по кухне и даже напевала что-то себе под нос.

Мама смотрела на нее почти с ужасом:

– Ты в своем уме? Муж в больнице, а...

– Все нормально, мама.

– Я сварила бульон, разогреешь и отвезешь ему!

– Спасибо за помощь. И приезжать вечером не нужно, я теперь сама справлюсь.

– Галя, у вас что-то еще случилось? – забеспокоился проникательный Роман Зигмундович.

– Да, папочка. Мы разводимся. У Саши другая женщина, – равнодушно сообщила Галя.

– И ты от этого так сияешь? Это он тебе сказал? – засуетилась Зинаида Семеновна.

– Нет, мама. Я сама увидела. Все нормально, не беспокойся.

– Зиночка! Опоздаем! Дети, быстро!

Выпроводив семейство, Галя взялась за генеральную уборку: отдраила ванну, раковины и плиту, перетерла хрусталь, вымыла окна и зеркала. Ей казалось, все делается само собой. Не прошло и трех часов, и квартира точно вздохнула облегченно и свежо. Едва Галя успела принять душ и выпить чашку чая в сияющей кухне, как раздался звонок в дверь.

Лица Володи было не видно из-за огромной охапки белых, розовых и алых георгин.

– Они такие же эффектные, как ты. Устоять невозможно, – его голос стал хриплым и очень тихим...

Через два часа Галя огорченно сказала:

– Ну вот, пора в больницу, а то мальчишки из школы вернутся, я не успею. А я хочу ему сейчас сказать...

– Галя! – растерялся Володя.

– Не бойся, про тебя я говорить не буду. Скажу, что подаю на развод. Хватит жить, как мертвая кукла.

– Галя! Я... ты понимаешь, я сейчас... У меня ведь тоже дети. И Римма... Она сложный человек, но она-то ни в чем не виновата. Может быть, постепенно...

– Я не тороплю тебя. Все это тяжело и больно. Но, знаешь, рожать тоже больно. А я не хочу больше жить, утопая в бесконечной лжи. Ничего, я справлюсь.

Оделась она с особой тщательностью – точно не в больницу, а в театр собралась. Узкая черная юбка подчеркивала талию и плавный изгиб бедер, высокая грудь под тонкой водолазкой выглядела еще пышнее, волосы рассыпались по плечам мягкими волнами, тронутые помадой губы казались ярче и соблазнительнее, глаза сияли.

– Ты сегодня очень красивая!

– Это благодаря тебе, – улыбнулась Галя.

В клинику, опасаясь встречи с Ингой, Володя заходить не стал. Галя махнула ему рукой, взглянула на свое отражение в стеклянной двери и, собрав всю свою решимость,

двинулась навстречу судьбе.

Страшные темные «очки» вокруг Сашиных глаз заметно побледнели, губы слегка порозовели, с лица почти сошла землянистая серость. «Побрить бы его надо», – некстати подумалось Гале.

– Вот сок ананасовый, твой любимый. Пять магазинов объехала. Можно через соломинку попить. Хочешь?

– Уходи! – раздраженно буркнул Саша.

Вчера вечером он не позволил Инге подать ему судно, а когда она попыталась настаивать – я же без пяти минут врач, меня можно не стесняться! – разозлился от собственной беспомощности и прогнал ее. А тут еще Галя со своей заботой, черт бы ее побрал!

– Сказал, уходи, – еще злее повторил он, – значит, вон отсюда, ясно? И сок свой заberi. Мне ничего не нужно.

– Да, Саша, ясно, – спокойно ответила Галя. – Я уйду. И пойду заявление подавать. На развод.

– Ох, фу-ты, ну-ты! Какие мы гордые да обидчивые! Или уже решила, что я инвалидом останусь? Где твоя гордость была, когда ты за кубинцем своим, как собачонка, бегала? Гадина! Убирайся!

Однажды Саша в своем стремлении «начать все сначала» сумел вынудить ее на откровенность и теперь старался ударить побольнее.

– Нет, Саша, я не обиделась, – Галя с удивлением поняла, что говорит чистую правду. – И на ноги тебя обещают быстро поставить. Да и ухаживать за тобой есть кому. Правда ведь? Инга ее зовут, кажется? Тебе ничего не нужно, и я тебе не нужна.

Гордо выпрямившись, Галя направилась к дверям.

– До свидания всем. Выздоровливайте!

– Дурак ты, парень, – сказал Сашин сосед справа. – Такую жену на руках надо носить: мало того что красавица, так еще и умная, и с характером. Инга твоя тоже, конечно, штучная девочка... А, – он махнул рукой, – разбейся сам со своими бабами.

Лечащий врач пожал плечами:

– Ушиб в поясничной области, конечно, сильный – то ли он сам на что-то упал, то ли на него что-то упало, он не помнит, – но позвоночник цел, так что подвижность скоро восстановится. Да вы не волнуйтесь так, подлечим, поставим вашего мужа на ноги.

Но он ошибался.

Чувство долга

– Саша, ты спишь?

Шторы были задернуты неплотно, но кинжально-тонкий луч, наполненный танцующими пылинками, ничего не освещал, лишь углубляя заливший комнату полумрак. Все, как обычно. Сиделка уходила в пять, и Саша после вечернего массажа нередко засыпал. Прямо в инвалидном кресле – Володя раздобыл самую навороченную модель, оборудованную по последнему слову медицинской техники, так что спать было удобно. Он вообще все эти почти три года как мог старался облегчить жизнь сестры и друга:

удобная квартира на первом этаже, специалисты, процедуры, лекарства – действительно все, что можно купить за деньги.

Но оказалось, что купить можно не все. Саша принимал все заботы как должное и даже не пытался хоть что-нибудь сделать для собственного выздоровления. К перекладине, которую ему поставили для лечебной гимнастики, подъезжал только после долгих уговоров. Перед сиделками изображал несчастного страдальца, а Ингу шпынял по любому поводу. Галю, когда она привозила мальчиков повидаться с отцом, мог просто выгнать: мол, развелась, вот и иди отсюда, чужие люди, и вообще – это ты во всем виновата.

Врачи искренне не могли ничего понять, не находя никаких причин для паралича. Еще в клинике они сказали, что с позвоночником все в порядке и подвижность должна восстановиться вот-вот. Но «вот-вот» растягивалось на недели, превращалось в месяцы, а теперь уже в годы. Советы обратиться к психотерапевтам Саша воспринимал как личное оскорбление.

Володя бился за здоровье друга изо всех сил, но Инга понимала: без желания пациента вся мировая медицина бессильна.

Недаром она выбрала медицинский и так упорно шла к своей цели. Врач из нее получился хороший. Завотделением говорил, что такие диагносты рождаются раз в десять лет. И больные, несмотря на ее молодость, стремились попасть именно к ней. Да, на работе все было – лучше не бывает. А вот дома...

В последнее время она все чаще ловила себя на мысли, что домой идти не хочется, и даже радовалась, заставляя Сашу спать.

Но сегодня привычная тишина вдруг испугала Ингу. Она рывком отдернула шторы. Саша безвольно обвис в кресле, из уголка рта тянулась струйка слюны. На полу валялась пустая бутылка.

Инга потрясенно опустилась на пол. Откуда это? Саша не пьет. Тем более он же на кресле. Да, первый этаж, и на лестнице пандус, но не мог же он вот так взять и поехать в ближайший магазин. Невероятно. Не сиделка же принесла! Это уж совсем невероятно.

Она заставила себя встать и взяться за телефон.

Володя приехал только через полтора часа:

– Извини, пробки, – он поцеловал Ингу, вошел в комнату и присвистнул. – И давно у вас такое?

– Володь, я не знаю, – Инга всхлипнула. – Да, я врач, я должна была заметить. Но его же спиртом растирают, запах практически не выветривается. А Сашка так на меня рычит все время, что и подходить лишний раз не хочется. Глаза мутные? Так они давно уже не горят. Но я не понимаю – спиртного-то у нас в доме особо не водится, откуда это? – она брезгливо ткнула ногой бутылку.

– Ну, сестренка, тоже мне, бином Ньютона! Вы же не на Луне живете. Погоди немножко.

Вернувшись минут через двадцать, Володя доложил:

– Сосед ваш, Василь Петрович, сознался: ну да, бывает. Говорит, Сашка в стенку стукнет, я сбегая – а чего, жалко же мужика, без ног-то! Вот тебе и откуда. Ну с соседом я воспитательную работу провел, больше не повторится. Но, Инга, у вас первый этаж. Сашка подьедет к окну, любого из мужиков во дворе попросит, ему принесут. Я же всем по макушке не настучу. И ставни железные на окна не поставлю, так ведь?

Инга горестно кивнула.

Они вдвоем переложили Сашу на кровать.

– Галя-то давно была? – спросил Володя.

– Недели две назад. Он и ей сцены закатывает. Почти три года прошло, а он все развод простить не может. Как собака на сене, честное слово! И Димка к нему даже не подходит – шестнадцать лет, взрослый совсем, все уже понимает, конечно, ему за мать обидно. Про его идею с учебой в Израиле и говорить нечего. Не понимаю, чего Саша так упирается. Не дам разрешения, и все. Знаешь, даже странно. Дима – родная кровь, а Сашка с ним как на войне. А вот Валерик...

– Так, может, именно потому? – предположил Володя. – Сашка и так себя ущербным чувствует. А перед Димкой еще и виноватым: ну вроде как не отец, а не пойми что. А тут сынок еще и в Израиль собрался. Я не говорю, что это плохо, пусть парень учится. Но Сашке обидно, что от него только разрешение на выезд нужно. Вот и изображает: я отец, и мое слово главное. А Валерик раз чужой, значит, перед ним никаких обязательств.

– Может, и так, – согласилась Инга. – Потому что... ну ты же знаешь, он ведь к спиртному никогда не прикасался, бокал-другой вина хорошего на праздник. А вот после Диминого дня рождения, когда он про учебу эту израильскую сказал и поругались они, – да, после этого в Саше что-то совсем надломилось. Только с Валериком нормально и разговаривает. Как они про спорт заведут, я половины слов не понимаю. И в шахматы с ним играет. Кажется, это единственное, что Сашка еще любит. А вы с Галей... по-прежнему?

– А что тут изменишь? Прикипел я к ней. Любовь – не любовь, а держит что-то.

– Надежный ты наш, – Инга обняла брата. – Взвалил на себя три семьи и тащишь.

– Что поделывать, судьба такая, – улыбнулся Володя. – Римма... ну ты сама понимаешь, она меня не отпустит никогда.

– Да, достается тебе.

– Нормально, сестренка. Должен же тут быть хоть один мужик.

Проводив брата, Инга долго стояла под душем. Но сегодня даже струящаяся вода не приносила обычного успокоения.

– Хоть бы ты тогда умер! – она со всего маху ударила в стену. Боль в разбитых костяшках отрезвила, а собственные слова ужаснули Ингу. Она посильнее открыла горячую воду, потом почти ледяную и почувствовала, что как будто просыпается. Сашка стал такой, потому что все прыгают только вокруг него. Хватит. И чего она боялась? Ведь так хотелось стать матерью! Но Инга прятала это желание в самый дальний уголок. Как же, рискнуть к мужу-инвалиду еще и ребенка добавить! «Трусиха, трусиха», – ругала она себя. Вон у Володьки на три семьи сил хватает – и ничего, не жалуется. И она справится. Да и у Сашки, глядишь, что-то в душе повернется. Небось супружеские-то обязанности он с удовольствием исполняет, хотя и не слишком часто.

И Инга решительно выбросила в мусорное ведро упаковку противозачаточных таблеток.

Утром она проснулась в начале седьмого, хотя прием у нее был вечерний. Саша маялся от головной боли. Инга собрала для него кое-какие медикаменты, чтобы прочистить организм, заставила выпить побольше воды и чуть не силой влила в него горячий бульон.

– Ну как? Полегчало?

– Ты специально изображаешь идеальную сиделку, чтобы мне стыдно стало?

– Саш! По-моему, это ты все время что-то изображаешь. Не надоело? Хватит уже. Взрослый мужик, а ведешь себя, как избалованный ребенок. Володя зашивается с работой – между прочим, мог бы часть и на себя взять. Хотя бы ведение документации. Все меньше времени на idiotские мысли оставаться будет. Да и в офис тебя вполне можно было бы возить.

– На кладбище? – съязвил Саша. – Чтобы привыкал?

– Брось, надоело. Да тебе и самому уже, по-моему, надоело, только не знаешь, как из этой роли выбраться. Вот давай вместе. Что ты, в самом деле, сам себя хоронишь? Ноги у него не двигаются, надо же! Голова у тебя не двигается, вот что. Пора ее включить, пока мозги окончательно не отказали. И вот еще что. Еще немного – и мне поздно будет рожать. Так что хватит с этим тянуть, договорились? Я хочу, чтобы у нас наконец был ребенок.

– А я не хочу, чтобы моему ребенку кто-то сказал, что его отец – инвалид.

– Подумайте, какой ужас! Знаешь, гораздо хуже, если твоему ребенку кто-нибудь скажет, что у него отец – идиот и слабак. Ясно? Инвалид – не тот, кто на коляске, а тот, кто сдался.

– Ну ты еще Маресьева вспомни и Николая Островского!

Но Инга почувствовала, что огрызается Саша только по привычке. Улучив минутку, она тайком позвонила Валерику:

– Валерик! Я на работу после обеда уйду. Приезжай к нему сегодня. Может быть, что-то получится...

Вниз по лестнице

О том, что он с другом Герой хочет ехать учиться в Израиль, Дима торжественно сообщил в день своего шестнадцатилетия. На праздничный обед собралась вся семья: мама, бабушка Зинаида Семеновна, дедушка Роман Зигмундович, отец с Ингой, Валерик и, конечно, неизменный Гера.

– Сынок, а как же мы? – только и смогла вымолвить ошарашенная Галя.

Дима обнял ее, и она вдруг заметила, какой он стал высокий.

– Mamочка, я очень тебя люблю, но пойми – это моя дорога.

– Твоя, говоришь? – неожиданно вмешался Саша. – Тебе пока на любую дорогу разрешение родителей нужно, не забудь.

– Родителей! – воскликнул Дима. – А ты кто? Только называешься отцом...

– Как ты смеешь, щенок?! Ты тоже пока еще никто, ясно?

– Ну и ладно! Все равно я уеду! Вот будет мне восемнадцать, и никакого разрешения не понадобится! – Дима вылетел из комнаты, хлопнув дверью.

– Ишь ты, какой самостоятельный стал! – зло бросил Саша.

– Саша, что ты? – Роман Зигмундович, как всегда, попытался сгладить конфликт. – Мальчик учиться хочет, не какие-нибудь глупости.

Но это, казалось, только подлило масла в огонь:

– Вы одну доченьку уже воспитали? Мне на радость, прочим на утешение, тьфу! Вот и не встравайте. Со своими детьми я как-нибудь сам разберусь. Инга, поехали, нечего тут делать.

Валерик помог вывезти Сашу на лестничную клетку.

Лифт оказался неисправным – застрял между этажами. Спускаться в инвалидном кресле по лестнице с очень высокими, неровными, перекошенными от старости ступенями было слишком опасно. Димка обиделся и ушел, Роману Зигмундовичу физические нагрузки запретили строго-настрого.

– Я поймаю такси, попрошу водителя помочь, – предложила Инга.

Но Валерик уже звонил в соседскую дверь.

– О, Сашок! – дядя Гена был уже «хорош». – Опять наша железяка кирдык? – он махнул в сторону лифта. – Конечно, помогу, без проблем! А то заезжай, Сашок, ко мне, придут, починят, а мы с тобой посидим, как мужики, – он помахал недопитой бутылкой и, видимо, заметил ужас в глазах Инги. – Да ладно, ладно, красавица! Не журись, спустимся в лучшем виде! Лестница хоть кривая, да широкая. Я спереди, потому как мужик, а ты с пацаном сзади и сбоку придерживай, чтоб не завалиться.

Он набросил куртку – в сочетании с полосатыми пижамными штанами Гена выглядел очень смешно, – сунул во внутренний карман бутылку, обошел инвалидное кресло и неожиданно легко приподнял его спереди.

– Ну что? «Он сказал – поехали»?

На каждой площадке дядя Гена останавливался, чтобы приложиться к бутылке, и всю дорогу непрерывно балагурил:

– Вот чего ты, Сашок, такой смурной? Подумаешь, на коляске! Да на твоём кресле я сам бы всю жизнь катался – «Мерседес», а не кресло! Без ног, оно, конечно, не очень. Но главное-то цело? – он сделал очередной глоток и подмигнул. – Вон какая краля у тебя, не хуже Гальки бывшей. Даже лучше. А что на коляске, так подумаешь – горе какое! Руки на месте, голова на месте. У тебя ж, Сашок, голова! Я помню! Живи да радуйся! Вон как я! – он снова глотнул. – Ты думаешь, я совсем уже плохой, даже дверь свою закрыть забыл, да? А я не забыл, я спе-ци-аль-но не закрыл. Чего у меня брать-то? Струмент только – да ведь к струменту еще руки надобны. Как у меня, к примеру сказать. Все уважают: Геннадий Степаных, зайди, Геннадий Степаных, сделай! О как! Ну пью! А чего ж не выпить-то? Легко на сердце от водки хорошей! – вдруг запел он и серьезно добавил: – А плохая-то она и не бывает. Все. Приехали, красавица! Бывай, Сашок! Заезжай когда-никогда, посидим, побалакаем...

Гольфстрим

Галя ломала голову, как добиться, чтобы Саша подписал для Димы разрешение на выезд, и вспоминала...

– Мама, я хочу бармицву!

– Что, Димочка?

– Ну, мамочка, мне ведь уже тринадцать, значит, я взрослый. Вот в синагоге...

– В синагоге? Почему вдруг в синагоге?

– Я же тебе рассказывал. Раньше еще, помнишь? Про Геру, одноклассника своего, они в субботу свечи зажигают, а мама в парике ходит, – голос мальчика звучал мечтательно-нежно.

– Ну да, некоторые женщины носят парик. Но при чем тут свечи в субботу? – недоумевала Галя. Свечи в субботу – это было что-то давнее, бабушкино и дедушкино. Но парик? Кажется, Димка действительно рассказывал про какого-то Геру, вот только Галя, замкнувшаяся в своих переживаниях, не очень-то прислушивалась. Она радовалась, что Саша вдруг перестал ее изводить своей безумной ревностью, и старалась не вдумываться – почему. Зачем? Не буди лихо, пока спит тихо. К тому же у Валерика вдруг обнаружился спортивный талант, и поездки в секцию тоже отнимали немало времени и сил. А серьезный самостоятельный Димка никогда не создавал проблем и почти ни о чем не рассказывал.

– Ты не понимаешь? Они религиозные. И я тоже так хочу!

Гале показалось, что всегда невозмутимый Дима сейчас заплачет. А еще говорит, что взрослый, подумалось ей некстати. Ну да, вымахал уже выше матери, а ведь ребенок совсем. Маленький обиженный ребенок. Бармицву ему вынь да положи! Галя вспомнила давние дедушкины рассказы про избранный народ, про верность – «если я забуду тебя, Иерусалим»...

– Димочка, если ты так хочешь, то конечно. Мне нужно что-то сделать?

– Ну... ты пойдешь с нами в синагогу. Нас с Герой его дедушка поведет, а ты... это ведь праздник, надо, чтобы ты пришла...

– Хорошо, сынок. Я попрошу папу, ой, прости, твоего дедушку, забрать Валерика после секции, а сама пойду с тобой, да? Или, может быть, лучше наоборот? Я заберу Валерика, а дедушка пойдет с тобой в синагогу?

– Мама! При чем тут дедушка?! Я тебя хочу к Богу приблизить!

– Меня? К Богу? – опешила Галя.

Да, Димка всегда был «другой». Не Валерик с его «чужой» кровью, а именно Димка. Когда Дора Аркадьевна, большая поклонница классической музыки, доставала бережно хранимые пластинки Моцарта, Баха, Чайковского, у крошечного еще Димки начинали сиять глаза. Он устраивался в уголке возле старого, совмещенного с радиолой проигрывателя – и замирал. Галя звала его смотреть новый выпуск «Ну, погоди!», а он отмахивался и слушал, слушал, слушал.

Дима рано почувствовал свою «отдельность»: я такой маленький, а мир такой большой. Это было больно и страшно. Музыка успокаивала бушевавшую в душе бурю, приносила покой и тепло. Но музыка была «бабушкина», а бабушка умерла. И это тоже было страшно.

С веселым очкастым Герой Димка подружился сразу. Тот был самым маленьким в классе, и мальчишки частенько его задевали. Но Гера никогда не унывал. Подумаешь, синяк! Подумаешь, нос разбили! Заживет. Димка очень не любил драк, но на защиту друга кидался не раздумывая. Ого-го, вместе мы – сила!

Впервые попав к Гере домой, он очень удивился:

– Почему твои бабушка с дедушкой по-иностранному говорят?

– Это же идиш! Разве ты не понимаешь? Ты ведь тоже еврей!

– Еврей? Откуда ты знаешь?

– Ты обрезанный, я видел.

– Ну... да. Мама говорит, так бабушка хотела. Ее бабушка, мне она прабабушка, – как всегда серьезно объяснил Дима.

– Разве она тебя не учит идишу?

– Она умерла. Давно уже. Я маленький еще был. И прадедушка тоже.

Семья друга притягивала Диму, как магнит. Загадочная речь, молитвы, субботние свечи, непривычная еда. В десять лет Герин дедушка Моисей Захарович впервые привел мальчиков в синагогу:

– Видите, какая большая! Ее построили по указу Александра II. Здесь даже в блокаду молитвенные собрания проходили. В подвале. И любавичский ребе в Ленинграде жил, его чудо спасло от расстрела. А у ребе Лубанова, он тоже был из любавичских хасидов, я сам учился.

Но сильнее всего поразила мальчика «притча» о Гольфстриме:

– Есть на земном шаре река, – дедушкин голос звучал глубоко и торжественно, – которая никогда не пересыхает и не меняет своего течения. Она берет свое начало в Мексиканском заливе и доходит до самых арктических морей. Такого громадного и величественного потока нет больше во всем мире. Он мощнее Амазонки, Нила и Миссисипи вместе взятых. Это удивительная река, река в океане – Гольфстрим. У берегов Флориды его голубые воды такие яркие, что граница с окружающим океаном видна издали. Как будто Гольфстрим не желает смешиваться с другими водами. Такая же река есть и в океане человечества – это еврейский народ..

Димка слушал рассказы Моисея Захаровича, как ту самую «бабушкину» музыку. На душе становилось тепло и спокойно.

Галя ничего этого не знала. Стоя в день бармицвы на втором, «женском» этаже синагоги, она дотрагивалась до непривычного платочка на голове и любовалась сверху на торжественную церемонию. Лицо Димки казалось необыкновенно прекрасным: одухотворенным и почти светящимся. Гале думалось, что она сама отдала от себя старшего сына, что надо уделять ему больше внимания, попытаться прикоснуться к его мыслям и чувствам, к этому прекрасному свету... Но ведь с Валериком столько хлопот, а Дима – она вздохнула – уже действительно совсем взрослый.

А потом наступил август, Сашина травма, развод. У Романа Зигмундовича сдало сердце – его увезли с работы прямо на операционный стол. Мама на нервной почве перестала есть – не могла проглотить даже крошечного кусочка, пришлось ложиться в клинику неврозов. Галя разрывалась между больницами и домом, едва урывая мгновения для свиданий с Володей. Эти свидания были единственным, что придавало ей силы.

Чтобы наладить душевный контакт с Димой, ни времени, ни сил уже не оставалось. Да он и сам не проявлял желания впустить ее в свой мир.

И вот теперь он решил, что его путь лежит в Израиль. Сам решил, не предупреждая и не советуясь. Закончил девятый класс – как всегда, на «отлично» – и после этого, кажется, замкнулся еще больше. На все попытки поговорить отвечал: «Мне нужно побыть одному». Молча уходил куда-то, молча возвращался, надолго скрывался в своей комнате. Галя, напряженно вслушиваясь, иногда разбирала почти беззвучное бормотание и догадывалась – Дима страстно молится.

Галя разрывалась между двумя противоположными чувствами. Ей хотелось помочь сыну – хотя Сашино упрямство казалось неодолимой каменной стеной, – и в то же время сердце холодело от страха: как отпустить? Одного, в чужую страну, где ни единого – Гера не в счет, он и сам еще мальчишка – близкого человека.

Брату моему

– Ма, Димка дома?

Валерик всегда влетал в квартиру, как вихрь. Казалось, все оживает, начинает двигаться, шуметь, дышать. Обувь полетела в одну сторону, сумка в другую, куртка приземлилась на подзеркальник трюмо. Галя механически повесила ее в шкаф, поставила на место кроссовки, подняла сумку. Валерик уже ломился в дверь к брату:

– Димка! Да Димка же! Выходи! Выходи, подлый трус! – цитата из мультфильма прозвучала до неприличия неуместно. – Ну все! Смотри! Сейчас обижусь и сам уйду!

– Привет, Валер! Что-то случилось? – Дима говорил очень спокойно. Гале в последние месяцы казалось, что он как будто строил из своего спокойствия каменную стену: все выше, все прочнее, все непроницаемое. Точно боялся: рухнет стена, и сам он рассыплется на кусочки.

– Пляши! – Валерик, прыгая вокруг брата, выхватил у матери свою сумку.

Дима молчал.

– Ну ладно уж, – чуткий Валерик тут же перестал кривляться и вытащил из сумки голубую канцелярскую папку. – На, держи.

– Валерик! – прошептала Галя, мгновенно догадавшись, какое «сокровище» скрыто под скучными бледными корочками. – Ты у отца был? И?.. Как тебе удалось?

– Пф! – фыркнул он. – Подумаешь! Долго ли умеючи! В шахматы выиграл! Что, не веришь?

Двенадцатилетний Валерик иногда казался Гале очень взрослым и почему-то похожим на Володю. Вспыльчивый, решительный, отважный – но при этом смешливо-легкий, как будто не желающий ничего принимать близко к сердцу. Однако это впечатление, конечно, было обманчивым. Просто спорт – хороший воспитатель. Многолетние тренировки приучили Валерика к тому, что проблемы – личное дело каждого. Тяжело тебе – отойди в сторонку, разберись сам с собой, а посторонних не грузи. Вряд ли он сумел бы выразить все это словами, но чувствовал именно так. В сущности, он был таким же замкнутым, как Дима, но за внешней эмоциональной легкостью этого никто бы не замечал.

Дима осторожно заглянул в голубую папку, снова закрыл ее и прижал к груди как величайшую драгоценность.

– Валер, я... ты... я...

– Ты да я, да мы с тобой! – дурашливо запел Валерик. – Ты уж нас там не забудь, посреди пустыни дикой! Напиши нам как-нибудь... ой, дальше не получается!

Валерик легко встал в стойку на руках и смешно заболтал задранными ногами.

– Дима, – робко сказала Галя. – Только все-таки как же ты там будешь? Совсем один?

– Мам, почему один? Я объяснял: таких, как я, будет много, мы будем учиться.

Вспомни, что дедушка говорил – я же не за пустяками еду.

Но Галин страх разрастался все сильнее. Чтобы не отравлять сыну радость, она старалась себя не выдавать, но внутри все дрожало.

Успокоил ее отец:

– Галочка, мы тебе раньше не хотели говорить, но раз уж так сложилось... Мы ведь тоже собираемся.

– Куда собираетесь?

– В Израиль. Я ведь так и продолжаю болеть, а там хорошие кардиологи. Мы с мамой давно уже об этом думаем. А сейчас, если Дима уедет, чего тянуть? Он будет учиться, а мы – где-нибудь поблизости, он сможет приезжать на выходные, у него тоже будет семья.

– А я? А Валера? У него здесь клуб, тренер прочит ему большое будущее.

– Вот пусть тренируется. А там уж – как сложится. Не расстраивайся, Галочка, все наладится.

Голубое и белое

В день отлета Дима вскочил ни свет ни заря. Ему казалось, что серое питерское утро сверкает самыми яркими красками. Только что же это стрелки совсем не двигаются?! Может, часы сломались?

Галя в мыслях о предстоящей разлуке с сыном не сомкнула глаз всю ночь. Ей хотелось, чтобы день тянулся долго-долго, чтобы можно было забыть о неотвратимо надвигающемся прощании. И в то же время хотелось подогнать часы: пусть уже наступит вечер, и можно будет тихонько поплакать.

Она долго стояла под душем, собирая всю свою выдержку и повторяя: надо улыбаться, для Димки этот день – праздник, ничто не должно испортить ему настроения. Чтобы занять себя и отвлечься от грустных мыслей, Галя затеяла блинчики с разными начинками. Во-первых, оба сына их очень любят. А главное – покрасневшие заплаканные глаза будут выглядеть вполне обыкновенно: разве бывает мясной и рыбный фарш без лука?

Дима, увидев блинчики, пришел в полный восторг:

– Валерик! Вставай, соня, а то я все съем!

Галя смотрела, как братья уплетают блинчики, и чувствовала, как сжимается сердце: последний совместный завтрак. Едва удерживаясь, чтобы не расплакаться, она умылась холодной водой, тщательно накружилась, причесалась, выбрала нарядное бело-голубое платье.

– Мам, ты прямо как израильский флаг, – обрадовался Димка.

– Дедушка с бабушкой приехали, – сообщил подбежавший Валерик. – Говорят, пора выходить уже. Димка, ты мне камушек с Мертвого моря пришлешь?

– Пришлю, – улыбнулся Дима.

– Только не забудь! А я стану чемпионом и в гости к тебе приеду! И ты мне все там покажешь, – Валерик чуть не подпрыгивал от нетерпения.

У подъезда они увидели Ингу и Сашу в кресле.

– Вот. Приехал попрощаться, – тихо сказал он. – Подниматься уж не стали, чего эту железяку, – Саша похлопал по креслу, – туда-сюда таскать.

– Спасибо тебе, – сказала Галя, присев перед ним на корточки. – Для Димы это очень важно – и отъезд, и то, что ты его провожаешь.

По дороге в Пулково Дима наклонился к Гале и сказал шепотом:

– Дядя Володя почему-то не приехал. А он мне обещал.

– Может быть, по работе занят? Или решил прямо в аэропорту попрощаться.

Но Володя не приехал и в аэропорт. Димка только грустно вздохнул и пожал плечами.

Предотлетную суету Галя запомнила смутно: режущий голос диктора, объявлявшего рейсы, носильщики с грохочущими тележками, суровые таможенники, группа подростков рядом с Димой, очень разных, но в то же время чем-то – может быть, светом в глазах – неуловимо похожих. Плачущие вокруг родственники казались лишними, почти посторонними.

Проводив глазами самолет, уносящий сына, Галя торопливо попрощалась с родителями:

– Мы с Валериком на метро поедem, пока!

– Что ты выдумала?

– Пробки сейчас, Валера может на тренировку опоздать, – объяснила Галя, и отец нехотя согласился.

– Мам, а у меня тренировка вечером, мы бы успели, – напомнил Валерик, когда они остались одни.

– Я знаю, сынок. Хотелось с тобой вдвоем побыть. Сейчас приедem, заварим чаю...

Но когда они с Валериком подходили к дому, со скамейки поднялась высокая сухая женщина:

– Вы Галя? – незнакомка внимательно оглядела ее с головы до ног и скептически усмехнулась. – Пойдемте.

Галя почувствовала, что возражать этой суровой даме просто невозможно. Она не разговаривала и не просила – она отдавала распоряжения. Уверенно, как к себе домой, вошла в квартиру, отмахнулась от предложенного чая:

– Оставьте это. Садитесь.

– Мам, я на тренировку! – крикнул Валерик.

Галя услышала, как хлопнула входная дверь, и послушно уселась напротив гостьи.

– Меня зовут Римма.

– Римма? – опешила Галя.

– Да. Нам нужно поговорить. Володю позавчера избили.

– Как? – Галя вскочила.

– Сядьте, – распорядилась гостья. – Он в хорошей больнице, с ним все будет в порядке, били... аккуратно. – Римма поморщилась. – Но это только начало. Вы не ребенок и не на Луне живете, видите, что сейчас происходит. В общем, там проблемы с «крышей», передел влияния или что-то в этом роде. Могут и убить. Нужны деньги, срочно. Вы должны продать эту квартиру. Я уже нашла покупателя.

– Как? – Гале вдруг показалось, что это какая-то дикая шутка, совсем несмешной розыгрыш. – Что вы говорите такое? Это бабушкина квартира, я тут живу. Почему бы вам не продать свою?

– Милая, – улыбка Риммы ничуть не смягчила ее лица, – даже если бы у меня было десять квартир, это не ваше дело. Пока с вами нянчился Саша, меня это не касалось. Но последние три года вы вместе с детьми сидите на шее моего, – она подчеркнула слово «моего», – мужа. Фактически он содержит сейчас три семьи: свою, вас с детьми и Сашу с Ингой. Я ничего не имею против Саши – они бывшие компаньоны... сядьте и слушайте! Именно бывшие, Саша уже почти три года в делах никакого участия не принимает. Тем не менее я готова признать правомерность Володиных перед ним обязательств. В конце концов они друзья, с этим не поспоришь. Но какие обязательства у Володи перед вами? Сядьте, я сказала. Факты таковы: мой муж три года полностью обеспечивает совершенно постороннюю женщину и ее двоих детей. Многоженства у нас пока нет, да и он не мусульманин. В качестве платы за сексуальные услуги – дороговато. А для благотворительности есть масса людей, которые нуждаются в помощи гораздо больше, чем вы – молодая здоровая женщина. Если ваше призвание быть домохозяйкой, живите с родителями или вешайтесь опять на бывшего мужа – меня это не касается. Но долги, милая, нужно платить. Все ясно? Вот список и образцы документов, которые вам нужно подготовить для продажи квартиры.

Римма положила на стол белую папку и вышла.

Гале показалось, что ее окатили ведром помоев. Первым желанием было – как обычно в эти три года – разыскать Володю. Но где его искать, в какой больнице? В больнице, подумала она, вот самое главное. Его проблемы сейчас гораздо серьезнее. В сущности, в словах Риммы была своя правда. Володя – ее муж. Галя ему никто. Своими ласками он пробуждал ее к жизни, он приносил деньги, он решал ее проблемы...

Да, долги нужно отдавать.

Галя перебралась к родителям, которые уже готовились к отъезду в Израиль, и начала искать работу. Но что она могла предложить, кроме серенького диплома более чем десятилетней давности и полного отсутствия хоть какого-нибудь профессионального опыта? Значит, идти продавцом на рынок или уборщицей?

Как-то вечером, за несколько дней до отъезда, Зинаида Семеновна вдруг спросила:

– Галя, ты помнишь тетю Симу?

Тетю Симу, бабушкину знакомую, Галя помнила смутно: раздраженный голос, вечно дурное настроение и постоянные замечания по любому поводу.

– Она моложе Доры Аркадьевны, но сейчас сильно сдала, и ей нужна сиделка. Убирать, готовить, ходить за продуктами и лекарствами. С деньгами проблем нет: дочь живет в Штатах, сын – в Израиле, он довольно известный ювелир. Квартира у нее трехкомнатная, и Сима не возражает, чтобы ты жила там вместе с Валерой.

Правда, с первой же встречи Галя поняла: жить у тети Симы с ребенком – это утопия. Она сама еще сможет выносить дурной характер хозяйки, сварливость и постоянные придирки, но темпераментный Валерик... Нет, придется разрываться на два дома.

К Саше она больше не ездила. Даже в рассказы Валерика – мальчик навещал отца регулярно – почти не вслушивалась. А именно Валерик научил Сашу методике визуализации результата, о которой услышал от своего тренера:

– Представь, что ты поднимаешься с кресла и идешь на кухню. Подробно представь: и как встаешь, и как шаги делаешь. Надо все это увидеть и, главное, почувствовать. Наливаешь себе чаю и чувствуешь каждый глоток, потом несешь стакан в раковину...

Саша закрывал глаза и послушно выполнял все указания.

– Сынок, у меня после этих упражнений ноги дрожат. Даже страшно.

– Это не страшно, это хорошо. Значит, ты все правильно делаешь.

– Может, я все-таки даже встану?

– Конечно, встанешь, – уверенно говорил Валерик. – Давай еще раз.

Встань и иди

– Инга?! Что с тобой случилось?

Со Светой Инга подружилась в институте – они учились на одном курсе, только та была гинекологом. Но из-за Сашиной болезни подруги постепенно перестали не только встречаться, но даже перезваниваться. И теперь, случайно столкнувшись со Светой по дороге с работы, Инга как будто увидела себя со стороны: бесформенный темный сарафан (если бы не красные бусы, подумалось ей, то хоть на поминки), сама бледная, отечная, почти толстая...

– Кто-нибудь подумает, что ты беременная, но я-то специалист, как-никак, вижу, что нет. Что-то с Сашей? Или с братом? – теребила ее подруга, усаживая за столик в подвернувшемся рядом кафе.

– С Сашей как раз все нормально. Он даже вставать начал, спасибо Валерику. На работу вернулся, водитель его возит. С новой «крышей» сумел договориться, с теми, из-за кого Володька тогда в больницу попал, когда поугагать его решили. Да не бойся, ничего внутри не отбили, несколько ребер сломано было и сотрясение мозга. Сейчас уже все в порядке.

– Значит, все в порядке? – скептически усмехнулась Света. – И поэтому ты теперь стала такая прекрасная, что Клаудиа Шиффер тебе в подметки не годится. Ну-ка рассказывай.

– Да что там рассказывать. Сашка за себя взялся, когда я ему ультиматум поставила: хватит киснуть, и вообще я ребенка родить собираюсь. К работе вернулся, Володьке-то помочь надо было. Гимнастику начал делать, с Валериком заниматься, почувствовал, что ноги могут шевелиться. А уж когда я ему сказала, что ребенок будет, он от счастья расцвел...

– Ну и?

– Да глупо все вышло. Я в ванной что-то уронила, а он услышал, испугался за меня и на помощь рванулся. Я из ванной выскочила и вижу – он стоит уже в коридоре, шагов десять, наверное, сам сделал. Когда до него дошло, что он встал и пошел, он, похоже, еще больше испугался. И начал падать. Я попыталась его подхватить...

– Понятно. Медицинские рефлексы. Дальше, в общем, понятно.

– Срок уже солидный был, а Сашка ведь больше восьмидесяти кило весит. Ну что я тебе

рассказываю, ты про такие случаи лучше меня знаешь, со своей-то специальностью. Схватило так, что я чуть сознание от боли не потеряла. В общем, когда «Скорая» приехала... он лежит, я лежу, лужа крови во весь коридор... я еле поднялась, чтоб дверь им открыть. Господи! Светка! Я так хотела этого ребенка!

– И ты стала заедать горе, – констатировала Света, покосившись на заказанные Ингой пирожные. – Может, еще и гормоны начала принимать?

– Свет! Ну родить-то я все равно хочу!

– А забеременеть опять не получается, вот и хватаешься за любые средства. Ладно, молчи, сама знаю, навидалась уже.

– Даже предложила Саше сперму на активность проверить, а он обиделся насмерть.

– Еще бы! Эта беременность от него была? Ну вот, а ты – проверить. Конечно, обиделся. Мужики, они такие. Значит, так. Вот это, – она отодвинула пирожные, – забыть. Понаблюдаешься у меня, сбросишь вес...

– Да бесполезно! Один раз растолстеешь – и все. Сбрасывай не сбрасывай, все вернется. Вон Людка, медсестра наша, героически тридцать два кило сбросила, и что? Набрала потом все сорок.

– Ну, подруга, ты даешь! Мужика на ноги поставила – ходить-то он все-таки начал, так? – а на себя рукой махнула. Бесполезно, видите ли! «Бесполезно» говорят те, кому самому лень пошевелиться. Вот они и стараются, чтобы все вокруг такие же были. Про муху знаешь?

– Про какую муху?

– Аристотель в своих трудах написал, что у мухи восемь ног. Это повторяли все учебники чуть не две тысячи лет. А потом один нахальный тип, не признающий авторитетов, поймал муху и пересчитал ноги. Оказалось – шесть. Намек понятен? Ты меньше слушай все эти бабские разговорчики. Да и тебе не тридцать кило сбрасывать надо. – Света критически оглядела подругу. – Килограмм пятнадцать, и будешь опять куколка. Я тебя за три месяца в порядок приведу. А там и гормональный фон наладится, и забеременеешь нормально.

– Ох, Светка, ты меня прямо оживила – не даром у тебя имя такое. Светлое. Спасибо тебе!

– Вот еще, спасибо! Было бы за что. Просто меня бесит, когда вижу, как человек руки опускает. Шевелиться надо, и все получится. И вообще можешь считать, что я для себя стараюсь, – Света заразительно рассмеялась. – Это здорово, что ты мне сейчас встретишься, прямо судьба, честное слово! Я тут надумала центр здоровья для женщин открыть, мне компаньонка нужна. Ты же врач божией милостью, мы с тобой такое дело закрутим – ух!

Название придумалось само собой – «Светинг». Правда, помещение удалось найти только полуподвальное, зато в центре. Излучающая энергию Света и «проснувшаяся» вдруг Инга в считанные недели превратили сырые катакомбы в уютный «дом», куда хотелось приходиться снова и снова. Им даже не понадобилась реклама: женщины, заглянувшие в новый центр из любопытства, становились постоянными клиентками, да еще и приводили своих подруг.

Инга, вновь ощутившая радость жизни, летала, как на крыльях. Она похудела, расцвела, глаза засияли, на щеки вернулся румянец, а самое главное – она наконец снова забеременела.

– Завтра же скажи Свете, что работать больше не будешь, – потребовал растерявшийся от счастья Саша.

– Милый, ну что ты такое говоришь! Она столько для меня сделала, что это, считай, наполовину ее ребенок. Если бы не она, так ничего бы и не получилось. И подумай: мне же нужно наблюдаться, мало ли что. А Светка – лучший гинеколог из всех, кого я знаю. Вот и буду совмещать работу и заботу о здоровье.

– Ну... наверное, ты права. Только смотри – чтобы никаких «допоздна», договорились?

– Ты же знаешь Светку! Она теперь станет надо мной трястись больше, чем я сама вместе с тобой. Какое там «допоздна»! Режим составит, диету распишет, еще и гулять заставит, вот увидишь. Кстати, и тебе полезно будет, ноги-то надо разрабатывать.

– Только ты уж мальчика роди, постарайся! – пошутил Саша. – А то кому потом дело-то передавать?

– Вот теперь вижу, что ты у меня совсем прежний стал, – расцвела Инга.

– Твоими молитвами, счастье мое! – Саша прижал ее к себе и долго-долго не мог разомкнуть объятий.

Бен-Гурион

– Галя! Я совершенно определенно просила чай, а не кофе! Что это с вами в последнее время? Ранний склероз? Или о страстных свиданиях мечтаете?

На «вы» тетя Сима переходила, когда «гневалась».

– Извините, Серафима Ильинична!

Галя совсем не обижалась на постоянные замечания и язвительные подковырки. Она быстро поняла – дело совсем не в дурном характере. Серафима Ильинична очень мучилась от постоянных болей в подагрических, страшно распухших суставах. Но больше всего старуху раздражала собственная беспомощность.

На старой фотографии в комнате тети Симы неправдоподобно тоненькая большеглазая девочка замерла у балетного станка в арабеске. Старуха часто смотрела на этот снимок:

– Невозможно поверить, что вот это чудо превратилось в такую старую развалину, да? Вот как бывает. И ведь всегда так, вот в чем главная пакость-то. Нет, ты не думай, я никогда примой не была, даже до второстепенных партий не доросла. И никогда на свой счет не обольщалась. Но балет – это, деточка, такая штука, которая тебя целиком забирает. Даже если танцуешь только «у воды» – ну в массовке, все равно счастье. А потом заработала привычное растяжение голеностопа, ну и все, в общем. Замуж вышла, детей родила. Давно бы надо убрать эту карточку с глаз подальше, а я все люблюсь на нее, дура старая!

Услышав об очередной, с ее точки зрения, правительственной глупости, Серафима Ильинична начинала заговаривать об отъезде «из этой тупой страны» и вспоминать о детях:

– Вот к кому ехать? Сонечка там, в своей Америке, чем-то руководит. Не то колледжем, не то змеиным питомником – я никогда не могла запомнить. Впрочем, разницы не вижу. Представляешь, у нее четыре автомобиля. И еще мотоцикл! Вот зачем человеку сразу четыре автомобиля? А сынок, Арон, в Израиле. Знаешь, что такое алмазная крошка? Отходы от шлифовки бриллиантов, ее используют для напильников и прочих инструментов. Арон придумал свой способ напыления на всякие ювелирные

штучки. Ну и эскизы тоже сам сочиняет, рисовал он всегда, сколько помню, изумительно. Живет теперь, как король. Жена-красавица, ребятишек двое. Вот и думай – к кому ехать? У Сонечки чего делать? Она там руководит, а мне что, на четырех авто сразу кататься? К Арону? Я старая мегера, меня не переделаешь, а жена у него тоже с характером, чего ж я буду его семейное счастье рушить?

Впрочем, откровенничала тетя Сима редко. Все больше скандалила – только на «вы», – язвила и ругала все подряд: погоду, медицину, качество хлеба, политические события... и Галю, конечно. Но сегодня она цеплялась как-то беззлобно, точно по привычке. А после обеда вдруг усадила Галю рядом, что случалось лишь в моменты особого благоволения:

– Ну-ка объясни, что происходит? Ты в последние дни сама не своя. Вот только хлюпать не надо. Неужели мы в две головы любую проблему не решим? Ну!

– Валерик...

– Что с ним?! Травма? Да говори уже, что ты жилы-то тянешь?

– Проигрывать он начал, – утерев слезы и глубоко подышав, объяснила Галя. – На трех последних соревнованиях выше десятого места не поднимался.

– Сколько ему? Почти четырнадцать? Ну да, так тоже бывает: пока маленький был, подавал надежды, а вырос – и фьюить! Куда что девалось. Взрослеет, гормональная система перестраивается. Да не реви ты, жизнь-то еще не кончилась!

– Тренер говорит, иди-ка ты, дружок, восвояси, чего с тобой возиться, – всхлипнула Галя. – А Валерик... он ведь чемпионом хотел стать...

– Ну не всем же быть чемпионами, – флегматично заметила тетя Сима. – Вот что. Здесь его оставлять нельзя. Сейчас от огорчения, глядишь, еще глупостей наделает. Старший-то у тебя в Израиле учится? Пишет?

– Редко, – призналась Галя. – Больше мама с папой. Пишут, он совсем религиозный стал, ходит в черном лапсердаке, в шляпе, штаны в гольфы заправляет, чтобы земли не касались. Дома у них не ест ничего – говорит, мама кашрут не соблюдает.

– Ну если ему от этого хорошо, почему бы нет. Я вот подумала – а чего это я все маюсь: к Сонечке ехать или к Арону. Какая разница? Не понравится – они ж меня с королевскими почестями на другую сторону Земли доставят. Раз уж так сложилось, начнем-ка мы с тобой с Израиля.

– Со мной?

– А куда ж я одна-то поеду? Я ж одна до сортира не дойду, не то что... Дай-ка мне телефон.

Она набрала номер, что-то спросила и вдруг закричала надрывно:

– Не-ет!!!

Трубка выпала и закачалась на витом шнуре.

– Галя, Галя, дай!

Галя подала рыдающей тете Симе трубку и чуть не силой сунула ей горошину нитроглицерина.

– Мальчик мой! Почему ты не позвонил? Я приеду, я быстро приеду, и Галя со мной.

Да, она все сделает, она хорошая девочка. Господи, как же это?! – Серафима Ильинична сунула трубку Гале и начала, рыдая, раскачиваться в кресле.

– Галя, – произнес очень спокойный мужской голос. – Продиктуйте мне все ваши данные, я сделаю все, чтобы вы могли выехать как можно скорее. Позаботьтесь о маме, спасибо вам.

Галя как могла успокоила тетю Симу и наконец услышала:

– Галочка! Они все погибли – и Ларочка, и малыши. Проклятые палестинцы! Каждую неделю взрывают. Господи, покарай их!

Через месяц они втроем летели в Тель-Авив. Отправлялись тихо, одни, без провожающих. Саша с Ингой как раз поехали в роддом, а Володе Галя звонить не стала. Зачем?

«Температура в аэропорту Бен-Гурион плюс двадцать восемь градусов...»

– Мам, а дедушка с бабушкой нас встретят?

– Конечно.

– А Димка?

– Не знаю, сынок. Серафима Ильинична, как вы себя чувствуете? Что-нибудь нужно?

– Спасибо, Галочка, все хорошо.

Тетя Сима за этот месяц куда-то растеряла всю свою сварливость, разговаривала ласково, замечаний не делала. Только часто плакала.

Галя со стюардессой помогли ей подняться. Вторая стюардесса предложила:

– Может быть, достать инвалидное кресло? У нас есть на борту.

Но Серафима Ильинична отказалась:

– Не хочу Арона пугать, дойду уж потихоньку.

Из толпы встречающих к ним рванулся высокий сидящий мужчина:

– Мама! Как ты?

Галя хотела незаметно уйти, но он ее остановил:

– Вы Галя? Мама писала, вы столько для нее сделали. Я очень, очень вам благодарен. Если вам вдруг что-то понадобится, вот здесь все телефоны... – он протянул ей очень простую визитку.

Галя механически сунула ее в карман.

– Спасибо, извините, нас встречают.

– Галя! Валерик!

– Димка, какой ты смешной стал!

– Доченька!

– Меня теперь зовут не Дима, а Давид.

Галя обняла старшего сына и заплакала.

Сердце на двоих

– Давид, ты уже совсем взрослый, – голос ребе походил на шелест древних страниц Торы.

– Да, ребе! Да! Я...

– Что, мальчик?

– Я... я встретил девушку...

– Вот как? Что же, это хорошо. Кто ее родители, какая у них семья?

– Я... я не знаю, – растерялся Давид. – Они недавно приехали.

– Ничего. Это нетрудно узнать. Сначала пусть она тебе расскажет.

– Мы еще не разговаривали... – убитым голосом сообщил Давид. – Но я знаю, я почувствовал сердцем! Ведь муж и жена – две части одной души.

– Ты хороший мальчик, Давид. Я думаю, раз она тебе нравится, это хорошая девушка. Но узнать нужно. Как ее зовут? Где она живет?

– Там же, где моя мама, только квартира выше. А зовут – Олеся. Я один раз с ней поздоровался и спросил. А она спросила, почему я так одеваюсь.

Ребе вздохнул:

– Ну хорошо, мой мальчик. Дай мне телефон и подожди.

Сделав несколько звонков, ребе долго молчал, потом очень ласково сказал:

– Ничего, Давид, все будет хорошо. Поговори с ней, погляди на ее родителей, там посмотрим.

Окрыленный напутствием, Давид не чуял под собой ног. Ему повезло – Олеся как раз спускалась по лестнице.

– Олеся, здравствуй. Я... – Он растерялся, не зная, как начать разговор, и бросился, как с головой в воду: – Кто твои родители?

– Как это – кто? А, вон ты о чем? Мама еврейка, папа украинец.

– Мама – еврейка? – обрадовался Давид. – Значит, ты тоже еврейка?

– Ну да. Дедушка, мамин папа, и в синагогу ходил все время, он очень не хотел, чтобы мама за папу замуж выходила. Но дедушка с бабушкой уже умерли. А зачем тебе это?

– Потому что... потому что я, когда тебя увидел, сразу понял – мы с тобой одно. Понимаешь? А если бы ты, если бы твоя мама... тогда все очень трудно. Так нельзя, понимаешь?

– Что – нельзя? – удивилась девушка. – Погоди, ты что, жениться на мне собрался?

– Конечно! Я сразу понял! Тут невозможно ошибиться. Если бы мы были не одно, я бы ничего и не почувствовал.

– Давид! Тебя ведь Давид зовут, я не перепутала? Давид... – Олеся не знала, смеяться или плакать, глядя на восторженного юношу. – погоди. Это ведь Израиль. Я через три дня в армию уйду. Понимаешь?

– В армию? Да, я понимаю. Но... нет... ничего, я подожду.

– Да, давай подождем, хорошо? – Она говорила очень бережно: Давид был такой искренний, такой трогательный, что обидеть его казалось так же невозможно, как обидеть ребенка. – И давай пока не будем ничего объявлять, ладно? Ты ведь понимаешь?

– Да. Но как же? Мне нужно с твоими родителями... Но если ты говоришь... Хорошо. Но ты ведь будешь домой приходить? Мы сможем встречаться.

Олеся только вздохнула.

Через год он встретил ее на той же лестнице в сопровождении высокого молодого человека в такой же, как у Олеси, форме.

– Олеся, кто это?

– Прости, Давид. Это мой жених. Мы с тобой с разных планет. У нас все равно ничего бы не вышло.

– Но как же?..

Услышав голоса, на площадку выглянула Галя. Давид только взглянул на нее, на Олеся, на ее спутника – и сбежал вниз по лестнице, как будто что-то толкало его в спину.

– Ребе, что мне теперь делать?

– Не плачь, мальчик. Все будет хорошо. Есть другие девушки. И хорошие девушки.

Сухая невзрачная Двора, которую тщательно подобрал ребе, смотрела на Давида, как на дар небес. И Гале думалось, что это главное, а внешность не так уж и важна. Но за то время, пока готовили свадьбу, девушка изменилась так, что ее трудно было узнать. Худая угловатая фигура стала неожиданно грациозной, а сияющие любовью глаза превратили «серую мышку» в настоящую красавицу.

Единственное, что огорчало Галю, – Дима теперь совсем перестал их навещать.

– Ну вот, Валерочка, остались мы с тобой одни. Да и ты, наверное, вот-вот женишься.

Куба, любовь моя!

Десять лет, думала Галя, надо же – уже десять лет здесь. Десять лет, заполненные какими-то случайными, лишь чтобы прокормить себя и Валерика, работами: сиделка, няня, рабочая на конвейере. Саша недавно написал, что их с Ингой сын пошел в третий класс. Володя... Володя теперь не только не звонит, но даже не пишет. Воспоминания перепутывались, отодвигались, бледнели. Как она старалась заново сблизиться с Димой! Строго соблюдала законы кашрута, завела все отдельное для мясной и молочной пищи, носила платки и длинные юбки. Но он даже не приезжает теперь, не до этого – Двора рождает каждый год. А Галя даже внуков видит редко. Папа стал чаще болеть, приходится его с мамой навещать каждый день. Лекарства, продукты, убраться, приготовить...

Да и Валерик отдалился. Кадровый офицер... ох, только бы ничего...

Телефонный звонок заставил вздрогнуть.

– Галина? Валера в госпитале, приезжайте.

Это до озноба напомнило девяносто первый год: такой же звонок, госпиталь... Господи!

В госпитале Галю успокоили: ранение тяжелое, но опасности для жизни нет, Валеру уже перевели из реанимации в обычную палату. Ей даже позволили на него взглянуть, но предупредили: лечение затянется надолго, потребуется еще несколько операций, чтобы Валера не остался инвалидом.

На стене приемного покоя в красивой рамке висел список спонсоров – попечителей госпиталя. Третья фамилия бросилась в глаза. Это же Арон, сын Серафимы Ильиничны! А она за десять лет даже ни разу не позвонила – все стеснялась.

Дома она перерыла шкатулку с документами и разыскала ту самую визитку. Наверное, за десять лет все телефонные номера сто раз изменились, подумала Галя, неуверенно набирая номер.

– Здравствуйте.

Удивительно, но Арон узнал ее сразу:

– Галя? У вас что-то случилось? Я могу помочь? Говорите адрес.

Он приехал через полчаса.

– Ну здравствуйте, Галя! Израиль пошел вам на пользу – вы даже помолодели за эти десять лет.

– У меня... Валера... сын... – робко начала Галя.

– Да-да, я так и понял и сразу позвонил в госпиталь. Не волнуйтесь, у него будет все самое лучшее – любые специалисты и все, что нужно. Но это надолго. Вам нельзя здесь оставаться, это ужасно, – он обвел глазами обшарпанные стены и разномастную мебель. – Не обижайтесь, – он улыбнулся и как будто сбросил двадцать лет. – Это ведь съемная квартира, да? Поэтому я и не смог вас разыскать. Израиль не такой маленький, как кажется.

– Вы... вы искали меня? Что с Серафимой Ильиничной?

– Мама умерла три года назад. Не огорчайтесь, вы молодец, что ее привезли: ей было хорошо здесь, и ноги болеть перестали. Она даже танцевала. А однажды просто не проснулась утром. Вот, это она для вас оставила. – Арон протянул ей старую фотографию, ту самую, с юной балериной в арабеске. Теперь на обороте появилась надпись «Галочка! Спасибо тебе за все, будь счастлива». – Она очень хорошо вас вспоминала. И я не могу вас здесь оставить. Собирайтесь, я подожду. Возьмите только самое необходимое, все, что понадобится, у вас будет.

Гале показалось, что она попала в сказку. Арон не только сделал все возможное и невозможное для Валерика – вскоре о ранении напоминала только легкая хромота. Но Арон, казалось, поставил себе целью исполнять любые, даже невысказанные Галины желания. Поначалу она стеснялась такой ошеломляющей заботы, но Арон только повторял:

– Бриллиант требует достойной оправы, Галочка! И не говори мне про свои сорок пять, ты моложе завтрашнего рассвета. Ты самая прекрасная, самая добрая, самая лучшая

женщина на Земле. Сколько бы я ни положил к твоим ногам, этого недостаточно.

Через полгода они сыграли скромную свадьбу.

– Куда хочет отправиться моя королева?

– Я не знаю, Арон... – растерялась Галя.

– Тогда пусть выбирает судьба, – он расстелил на столе карту мира. – Закрой глаза и ткни пальчиком.

– Куба? Прекрасно. Варадеро считается одним из лучших курортов Западного полушария, там самые чистые пляжи и сказочная природа.

Галя почувствовала, как при слове «Куба» дрогнуло сердце, засомневалась... Но едва самолет коснулся земли, болезненные воспоминания отдалились, потускнели, почти исчезли. Куба оказалась непрерывным праздником: ярким, буйным, ошеломляющим. Дни казались очень длинными, и завершающим аккордом становился ужин.

– С национальной кухней надо знакомиться на ее родине, – говорил Арон, тщательно выбирая ресторан – каждый вечер новый и обязательно с живой музыкой.

Это трио ничем не отличалось от других музыкантов. Старший, очень смуглый и почти седой, сильно хромал, женщина и второй мужчина, помоложе, бережно поддерживали его под руки. Впрочем, Галя их почти не видела: оберегая ее стеснительность, Арон всегда выбирал столик где-нибудь в глубине зала, подальше от эстрады. Посетители ресторана аплодировали, подпевали, а под хабанеру некоторые даже вышли на танцевальный круг. Песни сменяли одна другую, как вдруг...

– Ле-нин-град, Ле-нин-град, я еще не хочу умирать...

Галя вздрогнула. Не может быть!

– Что с тобой, Галочка?

– Подожди, Арон. Я не знаю, мне нужно...

Она подошла к музыкантам, дождалась окончания песни.

– Хосе?

– Га-ля?

Они смотрели друг на друга и молчали. Галя почти пожалела о своем порыве – зачем она подошла? И вдруг Хосе заговорил. Бурно, горячо, почти со слезами:

– Га-ля. Га-ля. Ла-пуш-ка моя. Я так виноват перед тобой. Я должен был вернуться!

– Ничего, Хосе, – она нежно, как ребенка, погладила его по почти совсем седой голове. – Ничего. Не вини себя. Все прошло.

Галя почувствовала за спиной какое-то движение и, стремительно обернувшись, увидела, как Арон медленно оседает на пол...

* * *

Ну зачем, зачем, зачем их понесло на эту проклятую Кубу?! Неужели на карте не хватало других мест? Почему ее палец угодил именно сюда?!

Она подняла голову: к ней стремительно шел смуглый молодой врач, до боли похожий на «ленинградского» Хосе, чудом явившегося из двадцатилетней пропасти. Галя даже зажмурилась и помотала головой, отгоняя наваждение. Что ей вдруг почудилось? Смуглый, высокий, черноглазый – вот и все.

– Сеньора! Не плачьте, сеньора! – Врач, как и многие здесь, говорил по-русски. – Не плачьте, все хорошо. Угрозы для жизни нет, он скоро поправится. Не плачьте, сеньора!

– Господи, спасибо Тебе! – сквозь слезы прошептала Галя.

Все дороги ведут в Иерусалим

Глава 1

Знойное московское лето не щадило никого – асфальт плавился под ногами, солнце обжигало кожу и слепило глаза, а проезжающий транспорт съедал драгоценный кислород. По улицам шли вспотевшие и покрасневшие люди, с трудом переставляя ноги, и надежды на то, что где-то будет спасение, не было ни у кого.

Тяжелая деревянная дверь одного из московских домов со скрипом приоткрылась, выпуская из темноты на солнечный свет женщину средних лет в ситцевом сарафане. Она полноватой рукой разгладила какую-то бумажку, потом поправила волосы и, не оглядываясь на тех, кто остался там, в душном помещении, убежала прочь.

По темному душному коридору пронесся вздох зависти и робкой надежды на собственную удачу, и несколько десятков глаз уставились на дубовые двери, за которыми решалась судьба, их судьба. Здесь сидели на стульях и подоконниках, стояли возле стен и просто посреди коридора женщины разных возрастов, которые хотели поехать работать за границу. Никто не знал, что их ждет в будущем, однако каждая из них надеялась, что именно ей повезет и она сможет вырваться в мир, который считает лучше существующего. Осознавая важность момента, женщины замерли от волнения, боясь даже пошевелиться, словно нечаянный жест рукой может спугнуть их удачу.

Прошло два томительных часа с тех пор, как счастливая обладательница возможности уехать за границу выпорхнула из душного помещения в адскую городскую жару. Очередь не двигалась, застыли, словно мраморные статуи, и посетительницы. Молодая худенькая блондинка прикрыла глаза и зевнула – она устала от напряжения и духоты. Темноволосая толстушка, сидевшая рядом с ней, вдруг широко раскрыла рот и зевнула тоже. Через секунду, как по цепочке, начали зевать остальные ожидающие: кто прикрывая рот ладошкой или журналом, кто отворачиваясь к стене; кто тихонько и стыдливо, а кто громко и смачно. Ухоженная женщина лет тридцати обвела глазами коридор и прыснула от смеха – напряжение, витавшее в воздухе, мгновенно лопнуло, как натянутая резинка, и люди расслабились – сначала они несмело стали двигаться, потом вставать и ходить и, наконец, заговорили – каждой из них было что сказать.

– Меня Валя зовут, – произнесла толстушка, обратившись к тоненькой молоденькой блондинке, которая начала «парад зевающих».

– А меня Света, – девушка посмотрела на соседку сверху вниз, а потом перевела взгляд – ей было интересно, среди кого она оказалась и каковы ее шансы по сравнению с остальными.

– Эх, вот сейчас не примут меня, – вздохнула пухленькая Валя, по-прежнему обращаясь к соседке, – и все!

– Что «все»? – не поняла Света. – Что, больше приема не будет?

– Да нет. Просто я денег не взяла – я даже комнату на ночь снять не смогу, – женщина опять вздохнула. – Придется здесь ночевать.

– Нет, – немного надменно произнесла блондинка. Она поняла, что по сравнению со своей соседкой она более опытная – в этом коридоре Света провела уже не один день.

– Нас всех отсюда выгонят, когда рабочий день будет закончен. Я точно знаю.

– Ой, и что же тогда делать? – заерзала на стуле Валя. – Как же тогда?

– Можно на Белорусский вокзал пойти, – худощавая женщина средних лет с короткими волосами и в очках в роговой оправе подошла к ним, вытирая влажный лоб носовым платком. – Там можно поспать по очереди. У меня просто глаза слипаются от усталости.

Света привсталала, поправив юбочку, и открыла рот, чтобы ответить, однако в этот момент распахнулись дубовые двери. Через секунду женщины смолкли и в немой просьбе усталились на сотрудницу службы.

– На сегодня прием закончен. Приходите завтра к десяти утра, – бесцветным голосом произнесла она и, не попрощавшись, исчезла за дубовыми дверями.

– Я так и знала, – добродушно улыбнулась Валя и пожала плечами. – Ну что ж? Завтра – так завтра.

– Черт! – выругалась блондинка. – Не могу больше ходить сюда! Каждый раз одно и то же! Я уже пятый раз прихожу!

– Вот у женщины хорошее предложение было – переночевать на вокзале, – толстушка продолжала мило улыбаться, пока уставшие и расстроенные посетительницы по очереди выходили на солнечный свет. – Меня Валя зовут. А вас?

– Ира, – сухо представилась инициатор ночевки на вокзале. – Пойдемте, спать очень хочется.

Света снова поправила короткую юбочку и замешкалась – ей не хотелось ночевать на вокзале, но, видимо, выхода у нее не было, ведь иных предложений не поступало. Та девушка, которая по доброте душевной дала крышу над головой незнакомке из душевного коридора, сегодня уже улетела в Болгарию, еще вчера получив заветную бумажку.

Валя и Ира, будучи примерно одного возраста, быстро нашли общий язык и уже приоткрывали входную дверь. По ступенькам сбегала красивая ухоженная девушка, и дамы уступили ей дорогу, не желая вставать на пути у длинноногой модели. Дверь снова протяжно заскрипела, пропуская посетительницу, и затихла; каблучки зацокали по асфальту, а в тишине опустевшего коридора раздался негромкий звон.

– Что это? – Валя быстро нагнулась и подняла с пола золотую сережку с голубым камнем.

– Это девушка потеряла, наверное... – Ира рассматривала украшение, лежащее на влажной ладони новой знакомой.

Обе растерянно смотрели на свою находку, и только Света быстро сообразила, что надо делать. Она вылетела вслед за незнакомкой с криками:

– Девушка, постойте, вы сережку потеряли! Подождите!

Красавица услышала крик сзади, но не повернулась, так как не отнесла этот вопль к собственной персоне, однако машинально потрогала мочки ушей – одной сережки не было. Круто развернувшись на каблуках, она остановилась посреди улицы – к ней спешили молодая блондиночка в мини-юбке, полная брюнеточка в застиранной одежде и похожая на пацана женщина в огромных очках.

– Вот, смотрите, вы обронили, – запыхавшаяся толстушка протягивала находку.

Женщина засмеялась:

– Спасибо вам, девушки, но разве так делается? Вы бы сначала попросили меня описать сережку. Вдруг я чужую заберу, все-таки золото.

– Нет, мы видели, что это вы уронили, – затрещала Света.

– Да вон у вас в ухе точная копия этой висит, что уж сомневаться? – хрипло произнесла Ирина.

– Ваша, ваша, берите, – захихикала Валя.

– Ну спасибо вам, девочки, еще раз, – незнакомка взяла сережку и вставила ее в ухо, проверив замочек на прочность. – Меня Лиза зовут, а вас, спасительницы моих украшений?

– Света... Ира! Валя, – наперебой произнесли все трое.

– Вы подружки, что ли? – удивилась Лиза и стала рассматривать новых знакомых.

– Да нет, – смутилась Света. – Только что познакомились, пока в очереди сидели. Они вон на вокзал собрались спать, а я... А я не знаю, куда мне идти.

– Почему на вокзал? Больше некуда?

– Некуда, – вздохнула Валя. – Я думала, мне прямо сегодня дадут вызов, а оно вон как оказалось... А я и не рассчитывала, денег вот не взяла...

– А я предложила по очереди поспать на вокзале, – вступила в разговор Ирина. – Одна спит – вторая караулит. Если несколько человек будет, еще удобнее. Пока одна спит, другие разговаривают – так время быстрее проходит.

– Знаете что, – Елизавета задумалась на секунду, теребя пальчиками сережку. – Пойдемте-ка со мной. Я здесь живу у подружки. Не думаю, что она очень обрадуется, однако и против тоже не будет.

– Я с удовольствием, – воскликнула Света. Она не могла поверить, что удача снова ей улыбнулась.

– А хозяйка квартиры точно не будет возражать? – Ирину очень тревожило, что она вторгнется в чье-то личное пространство.

– Она такая добрая? – Валя подняла по-детски наивные глаза на собеседницу.

– Нет, – Лиза нахмурилась. – Она такая пьяная.

Все трое смутились от ответа, однако пошли за Елизаветой. Безоблачное голубое небо быстро становилось черным, а где-то вдалеке слышались раскаты грома.

Глава 2

Перескакивая через лужи и укрываясь сумками и пакетами от дождя, все четверо вбежали в продуктовый магазин.

– Надо купить еды, – сказала Лиза, отряхивая капли со своей сумки. – Ну и бутылку для Наташки. Иначе она меня со свету сживет.

– У меня совсем нет денег, Лиза, простите, – смущенно прошептала Валя. – Но у меня коньяк есть, молдавский. Мамика дала.

– Вот и хорошо, – улыбнулась женщина. – Сэкономим на водке, если не жалко, конечно.

– Ну что вы? – Валя полезла в сумку за бутылкой. – Мы и так у вас в долгу, Лиза.

– Нет, Валя, сейчас не доставайте, – девушка мягко остановила толстушку.

– У меня есть немного денег, – Света стала копаться в кошельке, вытаскивая оттуда мелочь.

– И у меня, – деловито произнесла Ирина.

– Ну и замечательно, на ужин хватит, – Лиза обвела глазами «подруг». – А теперь вперед – очень кушать хочется.

Через полчаса, когда ливень сменился мелким морозящим дождичком, четыре женщины, неся в руках пакеты, направились к многоэтажному панельному дому, который издали светился желтыми глазками окон. Осторожно обходя лужи, четыре пары ног пробирались туда, где их ждал приют.

– Эх, вот нас занесло-то, – вздохнула Валентина. – Никогда не думала, что в Москве окажусь.

– А ты издали? – коротко спросила Ирина.

– Издали, – мило улыбнулась Валя. – Из Кишинева.

– Да разве это далеко? – Света вклинилась в разговор. – Вот я издали, из Магадана. У меня вообще обратной дороги нет.

– А я из Харькова, – коротко произнесла Ира и поправила на переносице очки.

– А я из Киева, – Лиза мило улыбнулась. – А встретились здесь, в Москве. Наверное, все дороги ведут в Москву.

– Наверное, – вздохнула Света. – Только здесь можно свое счастье найти. Ну или за границей.

– Да нет, девочки, здесь тоже не так хорошо, как вам представляется, – Лиза поправила густые волосы и переложила пакет из одной руки в другую. – Вот Наташка, подруга моя, приехала из Киева за любовью и счастьем. И вроде бы все удачно так было – замуж вышла, квартира, прописка, работа... А потом развелась. И это тоже удачно сделала, кстати, – квартира ей досталась и средства какие-то на проживание. Так нет, запила от одиночества...

– Пьют не из-за одиночества, а по дурости, – зло вставила Ира, и Лиза внимательно посмотрела на женщину.

– По дурости? – переспросила она. – Может, и по дурости, однако без мужа и детей ей ничего не хочется – ни квартиры, ни денег, ни Москвы этой. Так что и здесь не в каждом доме счастье есть.

– По дурости, – сурово повторила Ира.

– А я ее понимаю, Наталью эту, – вздохнула Света. – У меня тоже детей нет. И быть не может – все отморозила себе. Мне вот ничего в жизни больше не надо, кроме материнства. Я хочу уехать за границу и заработать себе денег на искусственное оплодотворение. Говорят, что это моя последняя надежда...

– Что? Как это? – Ира встрепенулась. – Это как у коров, что ли?

– При чем тут коровы? – удивилась Валя. Ей этот разговор тоже стал интересен. – Коров осеменяют. Это другое. В определенное время производят осмотр телок на готовность к осеменению и проводят его дважды: при определении охоты, то есть когда ей хочется, и потом, через десять-двенадцать часов, повторно...

– Ну, сельскохозяйственницы, мы пришли, – рассмеялась Лиза. Она никак не ожидала, что простой разговор сведется к теме разведения крупного рогатого скота.

Железная дверь с грохотом распахнулась, и перед женщинами предстала хозяйка квартиры. Шелковый халат еле сходил на полной груди, когда-то красивый материал был залит чем-то красным. Девушки перевели взгляд на лицо новой знакомой – когда-то чистая упругая кожа приобрела землистый оттенок, а в отекающей физиономии с мутными глазами угадывались довольно правильные аристократичные черты. Наталья почесала спутанные, давно не мытые волосы и устало махнуло рукой – видимо, этот жест обозначал «Проходите!». Лиза кивнула женщинам головой и первой зашла внутрь, остальные гуськом потянулись за ней.

– Боже, какая красота! – воскликнула Валя и обвела глазами дом, который давал им приют. Качественный паркет отливало всеми красками породистого дерева, и даже пыль и сор не лишали его величественного вида; стены были покрыты дорогими обоями, а по верху и низу проходили красивые карнизы с лепниной; хрустальная люстра все еще блестела и переливалась, несмотря на то что ее давно не мыли, и вызывала ассоциации роскоши и богатства.

– Не стойте на пороге, – Лиза сняла туфельки и босиком прошла на кухню. – Пойдемте готовить ужин.

– Я могу курочку пожарить, – быстро отозвалась Валя и прошла мимо Натальи, которая сидела в кресле и нажимала на кнопки телевизионного пульта, не обращая внимания на происходящее. Ира и Света покосились на хозяйку квартиры, но ничего не сказали – проследовали за подругами по коридору туда, откуда доносился мягкий голосок толстухи Валентины:

– Какие шкафчики! Они просто потрясающие! Я впервые вижу, чтобы кухонный гарнитур был стеклянным! Это ж как здорово придумано! Можно красивые сервизы выставлять, чтобы все видели!

– Ага! – едко вставила Ира. – И чтобы алюминиевые кастрюли да чугунные сковородки тоже все видели.

– Ира, ну что ты?! – Валя не понимала сарказма подруги. – Посмотри, какая тут

плита! Это ж просто королевская кухня! Это кто ж придумал такое – поставить мраморный стол посреди кухни и вмонтировать туда газовую плиту?

– Кто-то не очень умный, мне кажется, – Ира стояла на своем. – Обычно посредине ставят обеденный стол.

– Да тут, с другой стороны, человек десять, не меньше, поместится. – Валентина была искренне восхищена. – Посмотри, а тут еще подсветка какая!

– Это вытяжка, – Лиза с мягкой улыбкой наблюдала за спорщиками. – Чтобы запаха не оставалось.

– Вот видишь, Ира, это очень удобная кухня, – сияла Валя. – Мне не терпится здесь что-нибудь приготовить.

– У тебя есть все шансы сделать это, – Ирина пожала плечами и отвернулась. Ей было некомфортно, и она не знала, куда ей спрятаться, оттого и высовывала иголки, словно маленький ежик, который чувствует угрозу. Лиза мягко дотронулась до плеча новой знакомой и ласково провела по спине – Ирина недоверчиво посмотрела на женщину.

– Эх, она живет как королева, эта Наталья! – воскликнула Света, меряя помещение своими длинными ногами.

– Ага, ты видела эту королеву? – Ирина кивнула головой в сторону гостиной. – Да она же пьяница!

– Девочки, Наташка – моя подруга, кроме того, вы находитесь в ее доме, поэтому, будьте добры, держите свои комментарии при себе, – Лиза круто развернулась к гостям и захлопнула дверцу сияющего никелем холодильника.

– Нет, а что? – Света распахнула свои огромные голубые глаза. – Я на самом деле восхищена ее квартирой! Это просто дворец! Вот бы мне выйти так удачно замуж, а потом так развестись, чтобы стать хозяйкой такого жилья!

– У тебя есть все шансы, – Ира продолжала нападать. – Такие длинноногие блондинки всегда пользуются спросом на рынке.

– Ты что, завидуешь? – Света встала в позу.

– Завидую? – Лицо Иры перекосила ненависть. – Чему? Я вообще мужиков ненавижу.

– Девочки, мойте руки и давайте готовить ужин, – Лиза еще раз внимательно посмотрела на Ирину, и ей показалось, что женщина очень похожа на бывшую заключенную. Ее хотелось пожалеть и приласкать, однако тюремные нравы внушали опасение, поэтому на мгновение поднятая рука безвольно опустилась.

Глава 3

Наталья зашла на кухню, когда женщины расставляли на мраморном столе приборы.

– Наливайте, – хриплым голосом сказала хозяйка квартиры.

– Поешь сначала, – Лиза передала подруге тарелку, на которой лежал румяный кусок курицы и жареная картошка.

– Наталья, вот блинчики еще, – Валя подвинула блюдо с ароматными масляными блинами.

– А выпить? Выпить есть?

– Поужинай, а потом мы тебе нальем коньяка, – Лиза не отступала.

– Да, у нас хороший, молдавский. Мне мамика передала. – Валя раскрыла свою клетчатую кошелку и извлекла бутылку, наполненную янтарной жидкостью.

– Все, девочки, за стол. – Лиза командовала процессом, так как она чувствовала себя в ответе и за подругу, у которой жила, и за новых знакомых, которые находились в чужой квартире. Да что там – в чужом городе. – Приятного вам аппетита. Наташа, не смотри на меня – сначала все поедят, а потом мы выпьем.

Наталья уставилась в тарелку и принялась ковыряться вилкой, всем своим видом показывая, что есть она не собирается, пока ей не нальют. Однако запах зажаренной на сале картошки сломил даже ее – через минуту она вместе со всеми уплетала хрустящую соломку и откусывала от сочного куска курицы.

Через двадцать минут с едой было покончено – женщины раскраснелись и расслабились. Перед каждой из них стояла стопка с коньяком, из которой они медленно потягивали восхитительный молдавский напиток. Напряжение ушло...

– Ира, тебя мужчины сильно обидели, да? – осторожно спросила Света. Ей необъяснимым образом хотелось узнать, почему эта еще не старая женщина так ненавидит противоположный пол.

Ирина затравленно посмотрела на собравшихся, и Лиза почувствовала почти животный страх новой знакомой.

– Ирина, если тебе больно, не рассказывай, – она мягко погладила худощавую руку Иры. – Хотя иногда выговориться надо, особенно попутчикам, – легче станет.

– Конечно, Ира, – вступила в разговор Валя. – Мы, считай, что попутчицы сейчас.

– Да нет, девочки, какие вы теперь мне попутчицы? – Лицо Ирины разгладилось, боль и страх ушли. – Вы же мне за этот день ближе близких родственников стали – мы же делим с вами стол и кров. Лиза, Наташа, спасибо вам. И вам, Валя, Света, спасибо.

– Нас-то не за что благодарить, – улыбнулась Валя. – Это Лизе «спасибо» надо говорить. И Наталье.

– Нет, я вам всем «спасибо» говорю, потому что так чувствую. И историю свою я вам расскажу. Кому же, как не вам, рассказывать?

– Мы слушаем, Ира, – Света даже наклонилась вперед, словно боялась пропустить хотя бы слово.

– Я вышла замуж рано, в восемнадцать лет, – в интонации Ирины, как ни странно, сейчас звучала совсем не ненависть, а нереализованная любовь. – Мы познакомились в политехническом институте, на первом курсе. Как встретились 1 сентября, так чувства накрыли нас с головой – дня не могли прожить друг без друга...

– Посмотри, как она похорошела, – шепнула Лиза Вале. – Щеки зарделись, в глазах появился блеск.

– Да, – так же шепотом ответила Валентина. – И губы уже не сжимает. Какая она

красивая, оказывается...

– ...Боря не был красавцем, но дело-то не во внешности. Девочки, вы не представляете, как он был прекрасен! Нежный, внимательный, интеллигентный... А сколько он читал! Он знакомил меня с Мопассаном, О'Генри, Джеком Лондоном, Диккенсом, Мериме... Мне такую литературу доставать было негде, вот Боря и таскал мне эти толстые тома в кожаных переплетах... А я... Я дни проводила в институте, вечера с любимым, а ночи – в романах зарубежных классиков.

– А у него они откуда, эти книги? – Лиза осторожно вставила свой вопрос.

– У него дома была замечательная частная библиотека, и Боря хотел, чтобы я стала культурно подкованной перед знакомством с его мамой.

– Понятно, и тут без мамы не обошлось, – пьяно вставила Наталья, потом икнула и нетвердой походкой вышла из кухни. Видимо, что-то вызвало в ней неприятные воспоминания, которые ей очень хотелось отодвинуть на задворки своего сознания.

– А потом нас отправили на картошку, – продолжила Ира, когда хозяйка квартиры вышла.

– Залетела, что ли? – подалась вперед Валя.

– Ну да, – Ирина опустила глаза. – Я такой молодой и наивной была. Вообще не думала о последствиях... Не знала... Да если бы и знала, все равно бы каждую ночь сбегала на эти волшебные свидания. Когда он дрожащей рукой касался моего тела, я забывала обо всем, я хотела впитать его в себя целиком, хотела, чтобы моя кожа пропиталась его запахом, чтобы его дыхание стало моим дыханием... Я жила только этими встречами... И хотела, чтобы это чудесное время не кончалось, но...

– Но всему приходит конец, – тихо произнесла Валя.

– Да. Начался учебный год. Все вроде было как всегда, только вот времени на встречи у нас стало меньше, а потом... Потом начался токсикоз, только я и тогда не поняла, в чем дело, сообразила лишь тогда, когда живот начал увеличиваться.

– И что Боря? – Света открыла рот. Тема детей для нее была очень и очень актуальной.

– Боря? Я пришла к нему и говорю: «Я беременна», а он молчит, ни слова не произносит. Растерялся, наверное, а мне-то каково? У меня родители с трудом младшеньких на ноги поднимают! Ну куда я к ним с младенцем? Нет, я не могла кусок хлеба у сестричек забирать. «Давай поженимся», – говорю я ему. А он молчит опять.

– Ира, ну как же не сказать родителям? Они бы помогли тебе! – Лиза, явно выросшая в дружной семье, никак не могла понять поступка своей знакомой.

– Может, и помогли бы... – Женщина взъерошила короткие волосы. – А может, и нет... А если бы и помогли, то сестренкам бы меньше досталось. А им и так не очень много перепадало.

– И что дальше? – Свете хотелось услышать историю дальше.

– А дальше мы все-таки пошли знакомиться с его мамой. Только вот по дороге к его дому я уже была не рада, что так все повернулось – Боря со мной не разговаривал, не обнимал, не целовал, даже не держал за руку. Он словно чужим стал. Приходим мы – нам открывает дверь Людмила Семеновна, моя будущая свекровь, и так холодно и сурово смотрит на меня. Боря молчит, она молчит... Я пролепетала: «Здравствуйте, меня зовут Ира», а она на сына смотрит, его слов ждет. Так и стоим на пороге. Наконец Боря

выдавил из себя: «Мамочка, мы с Ирой решили пожениться». И что тут началось! Она втащила меня и Борю за шкуру в коридор и начала орать: «Вы на шею мне решили сесть! Думаете, я вас содержать буду? Вас, девушка, вас! Сына я и так содержу и не отказываюсь от этого! Я про вас, девушка, и про вашего отпрыска, которого вы родите!» Тут я не выдержала и говорю: «Это и Борин ребенок тоже». А она продолжает кричать: «Борин? Не верю! Мой сын – очень чистый мальчик! Он не мог этого сделать до свадьбы!» И тут мне стало плохо! Я рванула по коридору, зажимая рот рукой, даже не спросив, в какую сторону бежать. Я закрылась в ванной, где меня вырвало, а в коридоре продолжался разговор: «Женилка у тебя выросла, а мозгов не появилось, – распалилась Любовь Семеновна. – Она русская, ты не можешь на ней жениться!» Услышав эти слова, я разозлилась: «Я украинка! И горжусь этим! И еще горжусь тем, что ношу ребенка, зачатого в любви!» – «Какой любви, деточка? – мама Бориса не могла успокоиться. – Что ты знаешь о любви, оборванка?»

– А Боря что? – Лиза почувствовала, что именно здесь и кроется обида Ирины на мужчин.

– А Боря стоял и молчал, – в глазах Иры появились скупые слезы. – И мне стало так обидно, что отец моего ребенка не защищает нас, что я выскочила на улицу и, не дожидаясь любимого, уехала в общежитие. Всю дорогу я плакала, а живот болезненно сжимался... А ночью мне стало плохо, и меня увезли в больницу.

– И что с ребенком? – тихо спросила Света.

– Врачи выходили меня, спасибо им огромное. Кололи меня витаминами, ставили капельницы и постоянно измеряли мой живот. Я встревожилась, спрашиваю, в чем дело, а мне в ответ плечами пожимают и говорят: «Живот у вас большой слишком для вашего срока». Так я и лежала. А Боря ко мне не приходил даже. Через некоторое время меня выпустили, и я продолжала учиться и выживать на стипендию. Голодно было очень, но меня соседки по общежитию подкармливали – спасибо им большое. А Боря все не приходил и не приходил. А я его ждала и ждала... Помню, садилась на скамеечку после занятий и мечтала, как мой любимый идет с нашим малышом по улицам, как отводит его в детский садик, а потом мы вместе провожаем сына в первый класс... Однажды я так вот уснула на скамеечке, унесясь в мир своих грез, и вдруг слышу любимый голос: «Ира, что с тобой?» Открываю глаза – передо мной Боря стоит, такой родной, близкий... Я заплакала, а он поднял меня и говорит: «Все, хватит, идем в ЗАГС». А там нас расписали сразу – живот мой увидели. Он же у меня действительно огромным был, врачи не обманывали. И началась совсем другая жизнь, хорошая, счастливая. Я так радовалась, что у моего ребеночка будут отец и бабушка, которая, кстати, смирилась с моим присутствием в их жизни и даже заботилась обо мне. А Боря нашел работу почтальона, чтобы не сидеть на шее у Любови Семеновны, и перед лекциями и парами разносил корреспонденцию. В то утро, как только за мужем закрылась дверь, у меня между ног потекла вода...

– Чайку налить? – заботливо, словно Ира была беременна сейчас, спросила Света. Женщина кивнула в ответ, погружаясь все глубже в свои воспоминания.

– Я бросилась к свекрови, придерживая руками живот. Хорошо, что она была дома, потому что я сама и не поняла, что со мной произошло. Любовь Семеновна быстро вызвала «Скорую» и поехала вместе со мной в роддом, чтобы там уточнить список необходимых вещей. А может, и поддержать меня хотела, вместо сына своего... А в роддоме начались схватки... И все смешалось: боль, какие-то люди в белых халатах, обрывки фраз «тридцать восемь недель, а живот какой огромный!», «многоводие», «раскормила себя как»... Мне страшно так стало и жалко так себя... Я плачу, и тут ко мне заходит врач – молодая, красивая, спокойная! А руки у нее какие! Тонкие, с длинными пальцами! А нежные и мягкие какие! Я ее увидела и успокоилась почему-то сразу. Она меня погладила и говорит: «Давай, Ирочка, я тебя посмотрю. Вот молодец, раскрытие – три сантиметра. Лежи, рожать еще не скоро». И тут я снова в панику: как выдержать эту адскую боль?

- И как же ты? – Света участливо поставила кружку со сладким чаем перед Ириной.
- Когда раскрытие было девять сантиметров, я была уже без сил, поэтому роды первого мальчика я не помню.
- Первого? – все трое удивленно переглянулись.
- Да, первого... Только вытащили Петьку и показали мне, как у меня снова начались потуги. Было невыносимо больно... Я уже не кричу, а просто скулю. В голове одна лишь мысль: «Когда это закончится?» Потом стала проваливаться в какую-то черноту. Вдруг слышу голос врача: «Тужься, быстро! Сердцебиение слабое!» Я ничего не понимаю, спрашиваю: «У меня?» А она кричит: «Нет, у второго ребенка! Тужься! Не трать силы на разговоры». Вот тут-то я действительно потеряла голову от боли: «Я не хочу второго! Он мне не нужен!» Глупая женщина, чуть от Славочки своего не отказалась.
- У тебя двойня родилась, да? – с легкой завистью промолвила Света.
- Да, близнецы – мальчишки, три сто и два семьсот, здоровенькие, – Ира улыбнулась.
- Я когда послед рожала, так испугалась. Думала, что третий у меня там на свет Божий просится.
- А дальше что?
- Нас выписали из роддома, а Боря, узнав о двойне, ушел. К нашей однокурснице Маринке. Оно и правильно, она еврейка. Ему мама всегда говорила, что жениться надо на своих. В общем, уехал отец моих детей через несколько месяцев в Израиль с новой женой.
- И как же ты одна с двумя детьми?
- Свекровь помогала. Очень. Если бы не она, не справилась бы. Давала мне поспать, готовила, стирала, гладила пеленки. А то они-то у меня все одновременно делали: плакали вместе, засыпали и просыпались вместе, болели вместе... Не подняла бы я их одна... Очень благодарна Любове Семеновне, очень благодарна... Как я была не права, когда злилась на нее первое время!
- А что, муж не помогал?
- Нет, не помогал. Вообще. Даже когда его мать умерла у меня на руках, а мне похоронить ее не на что было, он не приехал! Просто отрезал прошлую жизнь, и все. Ничего, я сама справилась. Мальчикам моим сейчас по двадцать лет, и они служат в израильской армии. Так что всех моих мужчин забрал у меня Израиль. Хочу к ним, хочу в Израиль. Пусть служанкой, мне все равно. Просто хочу быть с моими мальчиками в той стране, которую они выбрали для себя.
- Ничего, ты попадешь, обязательно, – Лиза ободряюще улыбнулась подруге.
- Сначала надо отбор пройти, – наклонилась вперед Валя. – Тебе ведь уже за сорок.
- А тебе? – Ира пошла в атаку. – Не думаю, что ты сильно моложе меня!
- Да, мне тоже за сорок, – Валя смутилась и покраснела.

На кухне повисла угнетающая тишина.

- Так, девочки, давайте спать, – Лиза поднялась из-за стола и начала собирать тарелки. – Завтра у нас еще один тяжелый день.

Глава 4

Их опять не приняли. Четыре женщины шли уже знакомым маршрутом к дому Натальи.

– Жалко ее, – сказала Валя, рассматривая свои огрубевшие руки.

– Кого? – не поняла Света.

– Наталью жалко. Сопьется же.

– Да она уже спилась, – жестко откликнулась Ира.

– Я не знаю, как ей помочь, девочки, – грустно ответила Лиза. – Я пробовала убедить ее лечь в клинику, обратиться к врачу, но все бесполезно – она не считает себя алкоголичкой.

– Может, я поговорю с ней? – спросила Валя. – Я врач, я попробую объяснить ей с медицинской точки зрения ее состояние.

– Врач? – Света удивленно посмотрела на толстушку. – И ты хочешь поехать за границу служанкой? Это бред полнейший!

– Света, ты не знаешь подробностей жизни каждой из нас, – остановила ее Лиза. – Нельзя судить о человеке только по отдельным фразам. Жизнь – очень сложная штука. Ты вчера слышала рассказ Ирины, скажи, твое мнение о ней изменилось?

– Да, – смутилась Света. – Валентина, прости меня, пожалуйста. Я была очень резка, но лишь потому, что мне кажется, что ты достойна лучшего, чем быть служанкой у иностранцев.

– Мне очень приятно слышать такое, – Валя улыбнулась. – Но у меня на самом деле есть веские причины для этого.

– Давай ты расскажешь нам о них за ужином, – предложила Ира. Она знала, что такая исповедь в теплой дружеской обстановке помогает облегчить душу и жить дальше.

Валя в ответ улыбнулась и пожала плечами.

Женщины доели последнюю котлету, приготовленную заботливыми руками Вали, отвели пьяную Наталью спать и снова разместились за кухонным столом.

– Валентина, расскажи, пожалуйста, – Света заерзала на стуле. – Расскажи про свою жизнь.

– Ну хорошо, девочки, слушайте. – Валя уперлась локтями в столешницу, положила подбородок на ладони и стала рассказывать: – Я родилась и выросла в деревне. Мои родители очень хотели, чтобы их единственная дочь выбилась в люди, и я не могла подвести маму с папой. Я закончила школу с золотой медалью и поступила в Медицинский институт в Кишиневе. Учиться было очень тяжело, жить в общежитии – еще тяжелее, однако я справилась – получила диплом врача. У меня началась новая жизнь – взрослая, самостоятельная. К родителям я возвращаться не хотела, тем более что по распределению попала в Онкологический центр Кишинева. Работа мне нравилась, хоть и было тяжело смотреть на умирающих людей. И вот я встретила его, Витю. Мне казалось,

что это счастье никогда не закончится – мы любили друг друга так, словно были одним целым, несмотря на то что он был младше меня на пять лет. Я думала, что разница в возрасте ничего не значит. В общем-то для любви она ничего и не значила, но... Ему было 18 лет, а это значит – армия. Его забрали, а тут выяснилось, что я беременна. Что делать? Поехала к родителям, конечно. Там родила Андрюшу, оправилась после родов и вернулась на работу, в больницу свою. Все вроде хорошо было – мы с Витей писали друг другу, сыночек рос у мамки крепеньким и здоровеньким, я хорошо зарабатывала. Девочки, я сейчас даже не верю, что тогда я получала такие деньги – мне на квартиру хватало в Кишиневе. А связей сколько у меня появилось! Онкология не щадит никого, даже сильных мира сего! Уж какие мне только деньги не предлагали, чтобы больной выжил. Да разве от меня это зависит? Хотя я, безусловно, делала, что могла – по крайней мере, уход обеспечивала всегда на высшем уровне. В общем, радовалась я, ждала любимого из армии, а он вдруг пропал... Просто пропал, понимаете? Боже, я думала тогда, что я умираю... Я взяла отпуск за свой счет и бросилась всеми правдами и неправдами искать Витеньку! Сначала узнала, что его отправили в Афганистан, в горячую точку. А потом...

– Валечка, не плачь, – кинулась Света к женщине. – Вот тебе водичка, успокойся.

Слезы ручьями текли по пухлым щекам Валентины и никак не хотели высыхать. Лиза достала из сумки носовой платок и молча протянула подруге – никакими словами нельзя унять боль женской души.

– Я нашла Витю, – наконец продолжила Валентина, когда воспоминания перестали так сильно ранить ее душу. – В госпитале, в Ленинграде. С черепно-мозговой травмой. Приезжаю, влетаю в палату – а он меня не узнает. Совсем не узнает. Вообще. Я ему: «Милый, любимый, это я, твоя невеста!» А он молчит. Я ему: «Сынок у нас, Андрюша!» А он молчит. Врачи сказали, что у него полная амнезия и прогнозов никаких они дать не могут.

– И что дальше? – Свете не терпелось узнать продолжение этой истории. – Что ты сделала?

– Я уволилась из больницы в Кишиневе, переехала в Ленинград. Комнату сняла какую-то убогую. Да мне хоромы и не нужны были – я же все время с Витенькой проводила в больнице, выхаживала его, медсестрам и врачам помогала, чтобы они терпимо относились к моему присутствию. В общем, 8 месяцев мы провели в ленинградской больнице, а потом Витю выписали – он начал самостоятельно ходить, все функции организма возобновились... Только он пока до сих пор ничего не помнил. Мы приехали домой, в Кишинев. В мою квартиру, которую я купила, пока он был в армии. Боже, как там было грязно, когда мы вошли! Я три дня квартиру в порядок приводила, чтобы любимому комфортно было... Мы прожили где-то месяц, я вышла обратно на работу... И он начал вспоминать... Вспомнил меня, вспомнил нашего сыночка, нашу любовь... И наступило счастье... По крайней мере, мне так казалось... Я прописала его в свою квартиру, мы расписались... И все так было радужно и прекрасно, пока последствия черепно-мозговой травмы не стали давать о себе знать. Сначала я не обратила внимания, хотя должна была, ведь я же врач, – он стал агрессивным. Первое время это были просто приступы злости, потом он начал бить посуду, стучать кулаком по столу или стенам. А когда я поняла, что это болезнь и что надо обращаться ко врачам, было уже поздно. Вернее, не так... В тот день я ему сказала, что договорилась о встрече с хорошим доктором, а он... Он избил меня табуреткой, по голове, по лицу, по ребрам... Я не помню, как я выбралась из квартиры... Очнувшись уже в больнице – какие-то добрые люди вызвали «Скорую», когда увидели на улице меня, истекающую кровью. Я пролежала в больнице почти три месяца – сотрясение мозга, множественные переломы и отбитые почки. А потом уехала к мамике – приходит в себя, зализывать душевные раны.

– Подожди, как уехала? А Витя? – Лизе в этой истории была не понятна дальнейшая судьба мужа Валентины. – Ты заявила в милицию? Суд? Хотя что-то? Или он тебя задобрил, пока ты лежала на больничной койке?

– Нет, что ты? Как задобрил? Он ко мне даже и не пришел ни разу! – Валентина опустила глаза. – А в милицию я заявлять не стала – он же болен. Как я могу на больного человека заявить? Он же не со зла! Это все болезнь!

– Дура ты, Валя! Он на тебе места живого не оставил, а ты жалела его! Зачем? Чтобы он потом какую-нибудь другую такую же дурочку изрешетил?

– Откуда вы знаете про другую? – Валя недоуменно подняла глаза. – Я когда в квартиру вернулась, там уже была другая женщина. В моей квартире.

– Ты их выгнала, я надеюсь? – Лиза строго посмотрела на подругу.

– Нет, я уехала обратно к родителям, развелась с Витей, оставила квартиру им... И все... Началась черная полоса в моей жизни, которая до сих пор не закончилась. У меня умер папа, мама очень тяжело переживала его уход и подорвала здоровье – стала инвалидом. Сыночек – моя отрада. Андрюша закончил школу с отличием и сейчас собирается ехать в Румынию учиться. Мне деньги нужны: сыну – на учебу, маме – на жизнь.

– А в больнице почему не хочешь работать? Ты же врач!

– Я не могу больше на это смотреть! Не могу видеть смерть! Вы не представляете, что это – видеть, как человек умирает, медленно, день за днем, а ты ничем не можешь ему помочь, потому что у больницы нет средств, нет медикаментов, нет квалифицированного персонала. Конечно, а кто за такие копейки работать будет? Да еще когда сама... – Валя запнулась.

– Что сама? Валя? Что сама? – Лиза с тревогой наклонилась к женщине.

– У меня онкология, – прошептала Валентина. – Рак шейки матки был. Удалили все... Химиотерапия, курс гормонов... Это после них я такая толстая стала – до этого я стройненькая была... Но, к сожалению, никто мне не может гарантировать, что метастазы не проникли в какие-нибудь другие органы...

– Валя, но ты же врач! – Света смотрела на подругу широкими от ужаса глазами. – Как ты могла не заметить?

– Я и сама не знаю, как недосмотрела. Наверное, не думала, что меня это коснется. Даже классические симптомы – бели, боли и кровотечения – упорно не замечала, хотя именно эта триада является характерным признаком онкологического заболевания органов малого таза. Пошла к врачу только тогда, когда две недели не могла остановить кровотечение. А дальше как кошмарный сон: Людмила Павловна, главный врач отделения онкологии, диагноз поставила сразу, уже при влагалищном обследовании, на ощупь. Ее слова «Рак шейки матки, вторая, может, третья стадия» звучали как приговор. «Не может быть», – шептала я, не желая верить ее словам, но, к сожалению, все подтвердилось. Людмила Павловна сделала пробу Шиллера, приложив ватный тампон, смоченный в растворе Люголя, к шейке матки, и, увидев бледные пятна с четкими границами на темно-коричневом фоне, сказала: «Операция послезавтра». У меня не было времени даже испугаться: сначала я сдавала все необходимые анализы, потом побежала к маме и сыну, чтобы оставить им деньги, написать все телефоны, которые им могут понадобиться, сделать максимум домашних дел...

– А ты им сказала, маме и сыну, да? – Ира впервые за этот вечер вставила слово.

– Нет, конечно, – Валя опять беспомощно улыбнулась. – Ну как я им скажу? Мама после смерти папы и так слаба здоровьем. Ее эта новость вообще могла убить. А Андрюша? Ну зачем мальчику знать такие страшные подробности? Он еще молод, его жизнь еще побьет. Я не собираюсь это делать своими руками. Я им сказала, что еду в

командировку, однако сын не поверил. «Какая командировка, мама?» – спросил он у меня, недоверчиво поглядывая на меня. «Повышение квалификации, сынок», – ответила я, отводя взгляд. Мне было очень тяжело врать сыну, но выхода у меня не было. Не знаю, поверил он или нет, однако времени раздумывать у меня не было – операция была уже назначена.

– А работать-то ты сможешь? – участливо поинтересовалась Лиза. – Тебе же щадящий режим сейчас нужен?

– У меня нет выхода, Лиза, – Валя опять улыбнулась. – Кто-то должен работать и зарабатывать деньги. Кроме меня, больше некому.

– Ну хорошо, надеюсь, у тебя все сложится прекрасно, – улыбнулась ей в ответ Елизавета. – А теперь, красавицы, пора спать! Завтра снова в бой!

Глава 5

– Меня отправляют во Францию, – закричала Света, которую в этот день приняли первой. – В многодетную семью! Ура! Господи, спасибо! Я лечу во Францию, в Европу! Как я счастлива!

Света на радостях обнимала и целовала девушек, которые ей стали близкими и родными за прошедшие дни. Она так надеялась, что они все вместе уедут за границу и там продолжат общение, однако ее мечтам сбыться было не суждено: Лизу отправили в Англию помощницей в семью олигарха, а вот Ире и Вале отказали – по возрасту.

Вечером подруги сидели за столом и разговаривали о будущем, которое так настойчиво разделяло их.

– Интересно, свидимся ли еще? – задумчиво спросила Лиза. – Или как встретились, так и разойдемся, кто куда...

– Девочки, мне так не хочется терять связь с вами, – чуть не плакала Света. – Давайте что-нибудь придумаем, чтобы не потеряться друг с другом?

– Ну а что тут придумаешь? – Лиза подняла глаза. – Мы с тобой уезжаем в разные страны, адресов, куда нас направляют, не знаем. Ира с Валею никуда не едут, но я уверена, что это вопрос времени. Вот Ира наверняка найдет способ к сыновьям уехать...

– Конечно, я что-нибудь придумаю, – пробормотала расстроенная отказом Ира. – Вот, я напишу вам паспортные данные сыновей. Если очень буду нужна, разыщите их, они точно будут знать, где я...

– А я вам напишу адрес моей мамы в Киеве, – сказала Лиза и полезла за блокнотом, из которого вырвала три одинаковых листочка, а потом написала на каждом координаты своего дома. – Вот, если что – ищите меня там.

– А я – паспортные данные мужа, – сказала Света и потянулась за листочками бумаги.

– Мужа? Ты замужем? – хором переспросили женщины.

– Ну да, – покраснела Света. – Только он почти год назад уехал в Израиль и больше не давал о себе знать.

– В Израиль? Да что же страна это такая, которая любимых забирает? – воскликнула

Ирина.

– Мне кажется, что хорошая страна, – пробормотала Лиза. – Не так просто она манит к себе. Вероятно, есть в ней что-то, что не дает людям, попавшим туда однажды, забыть ее, променять на что-то иное... Наверное, там действительно святое место.

– Да вот еще, святое? – Ирина была не согласна – слишком много боли в ее жизни было связано именно с Израилем. – Бермудский треугольник какой-то.

– Не суди, Ирина, – осадила Лиза. – Ты там не была, ты не знаешь эту страну...

– А я, – быстро вставила Валя, чтобы разрядить накалившуюся обстановку, – оставлю адрес мамки. Не знаю, куда я подамся, чтобы заработать денег, но дома точно не останусь, поэтому связывайтесь с мамой и сыном, если он еще не уедет в Румынию.

– Девочки, я улетаю уже завтра, в 17.00, – осторожно начала Лиза. – Если одной из вас еще нужна будет крыша над головой, то вы можете остаться здесь без меня... Но прошу вас, не обижайте Наташу... Она беспомощна и одинока, за себя постоять не сможет. Я очень надеюсь, что вы не воспользуетесь ее беззащитностью.

– Лиза, о чем ты говоришь? – воскликнула Валя. – Мы уедем завтра же! Я прям сегодня пойду на вокзал за билетами!

– Лиза, у меня тоже вылет завтра, – зашебетала Света. – Даже раньше, чем у тебя, – в 12.35 вылетаю.

– Я на вокзале могу переночевать, – сухо вставила Ирина.

– Девочки, не обижайтесь, – Лиза мягко посмотрела на подруг. – Я говорю вам о том, что в крыше над головой вам никто не отказывает. Однако за Наташу я тоже переживаю, поэтому сочла своим долгом встать на ее защиту.

– Но я на самом деле завтра же пойду за билетом, – сказала Валя.

– И я с тобой, – тут же присоединилась Ира. – Я денег тебе одолжу. У тебя же совсем нет.

– Ой, – смутилась Валентина. – Ирочка, спасибо... Я тебе сразу вышлю, как до дома доеду.

– А дома у тебя есть деньги?

– Ну я в долг у кого-нибудь возьму, – пробормотала женщина.

– Ну вот считай, что взяла в долг у меня. Отдашь, когда снова увидимся, – улыбнулась Ирина и похлопала Валю по руке, давая понять, что разговор на эту тему закончен.

На следующее утро подруги вышли из дома Натальи одновременно; они посчитали, что так будет правильнее и легче – оставаться в неполном составе на той кухне, где они сидели и раскрывали душу вчетвером, никому не хотелось.

– Ну прощайте, девочки, – Лиза обернулась к женщинам и потянулась к ним, чтобы поцеловать.

– Не «прощайте», а до свидания, – поправила суровая Ирина и вдруг улыбнулась. Эта первая улыбка обиженной жизнью женщины почему-то дала веру в то, что удача им

обязательно улыбнется.

Лиза села в такси и отправилась в аэропорт, который находился в противоположной стороне от дома подруги. Сквозь стекло автомобиля она видела, как Света нырнула в метро – ей спешить было некуда, ее рейс был в 00.35, о чем она потом сообщила подругам, когда конфликт по поводу квартиры Натальи был исчерпан, а Ирина и Валентина отправились к вокзалу...

Аэропорт Хитроу поразил Лизу масштабами и количеством людей – казалось, что она сейчас попала в другой мир, где была абсолютно чужой. Да так оно и было – люди неслись в разные стороны, увлекаемые своими делами, всюду мелькали стрелочки и вывески на английском языке, не вносящие ясности. Лиза растерялась – она остановилась посреди зала, наполненного улетающими и прилетевшими, и стала смотреть по сторонам в надежде, что какое-то чудо поможет ей найти дорогу к выходу. Вдруг девушка увидела молодого человека, который сидел в салоне самолета через проход от нее, и побежала за ним. Тоненькие каблочки ее туфелек отбивали барабанную дробь.

Стриженный затылок рыжеволосого паренька встал в одну из очередей, и Лиза пристроилась за ним. Видимо, преследуемый заметил такое внимание к своей персоне со стороны очень красивой женщины, поэтому обернулся и с улыбкой сказал что-то по-английски.

– Извините, – смущенно улыбнулась Лиза, – я не понимаю. Я говорю только по-русски.

– Ок, – незнакомец понимающе кивнул и указал глазами на соседнюю очередь.

– Спасибо вам, – опять по-русски сказала Елизавета и встала за грузным мужчиной.

Дальше Лизе было уже проще: то тут, то там слышалась знакомая речь, да и никаких проблем на паспортном контроле и при выдаче багажа не возникло. А на выходе ее уже ждал парень, держащий табличку с ее именем.

– Здравствуйте, меня зовут Лиза, – бросилась к молодому человеку девушка в надежде, что тот говорит с ней на одном языке. Однако черноволосый паренек молчал. Он кивнул ей головой, взял ее чемодан и направился к выходу, Лиза засеменила за ним. «Боже, ну зачем я решила надеть туфли на шпильках? – про себя восклицала женщина. – Это только русские женщины так делают! Да еще и в избу горящую заходят, и коня на скаку останавливают!» Скоро мучениям девушки пришел конец – парень остановился перед огромным черным джипом, пикнул сигнализацией и открыл заднюю дверцу перед гостьей. Лиза с наслаждением расположилась в прохладном салоне дорогого автомобиля, вытянула гудящие длинные ноги и откинула шикарные густые волосы. В этот момент молодой человек сел на водительское сиденье и завел двигатель.

– Спасибо вам, – Лиза решила еще раз попробовать завязать беседу – уж очень не хотелось ей ехать в томительном молчании, да и любопытно было, куда же ее везут. Ответа снова не последовало. – А ехать нам долго?

Молодой человек плавно вел автомобиль по дорогам города. Лиза смотрела в окно и чувствовала, что теряет ощущение реальности – левостороннее движение было настолько непривычным, что девушке казалось, что она находится в другом измерении. Пошел дождь, и картины за окном стали нечеткими, оттого еще более удивительными и нереальными.

Водитель стал снижать скорость, и Елизавета увидела старинный особняк, стоящий среди зелени вдалеке от города. Она выхватывала глазами башенки, черепичную крышу, окна в готическом стиле, и вдруг ей показалось, что она уже видела когда-то этот замок или даже жила в нем... «Боже, я схожу с ума? – подумала Лиза. – Отчего это

дежавю? Откуда мне знакомо это место? Что с ним связано? Что оно принесет мне?» Конечно, ответов на череду вопросов, промелькнувших в ее голове, не было, а между тем машина остановилась перед парадным входом, и водитель молча открыл ей дверь.

Лиза медленно высунула точеную ножку на высоком каблуке и улыбнулась себе: «Какая я молодец, что надела каблочки! Все-таки встречают по одежке!» Но тут каблук глубоко вошел в землю между гравием, и она чуть не упала. Девушка громко вскрикнула, и молчаливый парень тут же оказался рядом и подхватил падающую гостью. Лиза оказалась в крепких руках водителя, уткнувшись лицом в его плечо. Переведя дух, она оторвалась от парня и подняла взгляд на особняк – в центральной башне мелькнула фигура девушки. Сердце Лизы испуганно забилось. «Что я так разнервничалась? – успокаивала себя женщина. – Это может быть хозяйка дома. Или дочь хозяев. Или кто-то из прислуги. С чего такой страх?»

Через некоторое время Лиза поняла, что прислугой мелькнувшая тень была вряд ли, потому что весь персонал особняка был мужского пола. Дверь открыл дворецкий в белых перчатках, приблизительно пятьдесят лет. Он без слов кивнул головой и сделал жест, означающий «проходите». Растерянная девушка вошла в холл и остановилась, не зная, что ей делать дальше, а водитель поставил рядом с ней чемодан.

– Скажите, – обратилась Лиза к молодому блондину, который вышел откуда-то из глубин дворца, – что мне делать? Куда мне идти? – Она надеялась, что водитель и дворецкий окажутся единственными немymi в этом доме. Но ошиблась: блондин приветливо улыбнулся ей, подхватил ее багаж и кивнул, указывая, что ей надо следовать за ним.

Тут девушке стало по-настоящему страшно: «Я попала к какому-то маньяку! Что здесь со мной сделают? Почему они все молчат? Это что, игра такая? Или они на самом деле немые? Что здесь происходит, черт возьми?!» Пока девушка терзалась вопросами, на которые она опять не могла получить ответа хотя бы потому, что здесь никто не разговаривал, они шли по узким коридорам, освещаемым только тогда, когда по ним проходили люди – в остальное время они были абсолютно темными, и остановились возле дубовой резной двери.

– Я здесь буду жить? – снова попробовала нарушить молчание Лиза, но ответа опять не последовало – светловолосый молодой человек открыл дверь, занес чемодан в комнату, положил ключ с деревянным набалдашником на маленький столик при входе, поклонился и вышел. Девушка осталась одна.

Новое жилье Лизы поразило ее воображение: перед ней был маленький салон с кухонькой, в которой, несмотря на мизерные размеры, было все: плита, холодильник, чайник, посудомоечная машина, микроволновая печь. Маленькие резные шкафчики, висевшие на стенах, придавали ощущение уюта и совсем не портили интерьер салона отчасти из-за того, что очень подходили по стилю, а отчасти из-за маленькой барной стойки, визуально отделяющей кухонную зону от гостиной. Лиза оглянулась – свет попадал в помещение из круглых окошек, находящихся почти под потолком. «Как похоже на каюту корабля! – воскликнула вслух девушка, и этот возглас резанул ей слух. – О, неужели я настолько привыкла к полной тишине и абсолютному молчанию, что теперь пугаюсь собственного голоса?! Так я, того гляди, вообще разговаривать разучусь... Однако я подумаю об этом попозже, а сейчас надо найти спальню – здесь нет даже диванчика. Вряд ли предполагалось, что я буду спать на креслах... Где же тут вход в спальню?» Ответ нашелся через минуту – в углу салона располагалась маленькая винтовая лестница, которая как раз и вела в еще одну комнату.

«Какая красота!» – опять воскликнула Елизавета и прислушалась к своему голосу. Она словно заново училась говорить и слышать, но восклицание было не на пустом месте – перед ней стояла кованая кровать, застеленная белоснежным бельем с кружевами; на маленьких круглых окошках висели такие же белоснежные с кружевами занавесочки, на небольшом столике лежала белая кружевная салфеточка. Здесь же, за резной белой дверью, были туалет и ванная, хотя и тоже маленькие, но очень современные и

красивые.

Разложив вещи на полочках белого шкафчика, Лиза приняла душ и переоделась. Не зная, что делать дальше, она присела на неудобное английское кресло, и в тот же момент в дверь тихо постучали. Машинально Лиза осмотрела комнату: «Нет ли здесь камер наблюдения?» Камер она не увидела, но интуитивно поняла, что за ней наблюдают. Девушка осторожно открыла дверь – на пороге стоял уже знакомый ей светловолосый молодой человек. Он снова кивнул ей головой, приглашая за собой, но Лиза не выдержала:

– Вы что, глухонемые? – зашипела она, схватив слугу за рукав.

Молодой человек приложил палец к губам, достал из кармана блокнот и написал: «Нам запрещено разговаривать!» – и быстро сунул блокнот во внутренний карман. Лиза кивнула головой в знак согласия и подумала: «Значит, я попала в глухонемое царство... Ну и ладно... Потом подумаю об этом».

Глава 6

Света сияла от счастья – она увидит Париж буквально через несколько минут! «Боже, я даже на Валеру не злюсь за то, что он улетел в Израиль! Если бы он ждал меня дома, то я бы вернулась к нему и никуда бы не поехала!» Сидя возле иллюминатора в салоне самолета, Светлана вспоминала свое детство в Магадане, в лагере для детей, матери которых находятся в заключении.

Ее мама была красавицей и умницей: длинноногая блондинка с тонюсенькой талией, высокой грудью, белой кожей и потрясающими голубыми глазами получила экономическое образование и быстро шла по карьерной лестнице, пока не стала директором «Детского мира». А потом нехватка, суд и приговор – десять лет в исправительно-трудовом лагере в Магадане. Жизнь там была нелегкой, особенно для молодой и красивой женщины, поэтому Елена решила очаровать надсмотрщика, чтобы получить защиту от других заключенных и поблажки от тюремного режима. Через десять месяцев родилась Света...

Девочка росла подвижной, шаловливой и очень общительной. В ней явно угадывались черты матери – красота, кокетство, легкость характера и некая изворотливость. Однако если Елена была наделена умением быстро и четко мыслить, получила прекрасное образование, то Светочка умом не отличалась – среднее образование далось ей с трудом, а дальше ей был доступен только техникум. Но и его девушка не закончила – не сдав первую же сессию, она бросила учебу и отправилась работать на стройку Байкало-Амурской магистрали. Именно там девушка и застудила себе внутренние органы, после чего ей поставили диагноз «бесплодие». И там же она познакомилась с Валерой, красивым, но простоватым и не отличающимся умом мужчиной, и влюбилась в него, влюбилась без памяти! Молодые люди поженились, и первые пять лет, несмотря на то что мама Светы зятя не выносила, жили душа в душу... А потом Свете захотелось детей, а желанная беременность так и не наступала... Тогда девушка, не имеющая образования, но обладающая потрясающей внешностью, решила заработать денег на ЭКО[1 - ЭКО – экстракорпоральное оплодотворение (от лат. Extra – снаружи, вне и лат. Corpus – тело) – оплодотворение в пробирке.], продавая себя. Она без зазрения совести заводила богатых любовников, которые слетались на нее как мухи на мед, и их можно было понять: красивая, с легким характером, кокетливая и дико сексуальная, но при этом не интересующаяся семьей, не желающая выйти замуж, не намекающая на детей. То есть в глазах богатых мужчин, которым скучно жилось, она была идеальным вариантом любовницы. Света методично откладывала все принесенные деньги, но при этом семья девушки все равно ни в чем не нуждалась – часто любовники привозили продукты,

одежду, украшения...

Так было до тех пор, пока Света не стала слишком известной – хорошо обеспеченные мужчины не хотели иметь доступную всем любовницу, а девушка была именно такой, и ей не хватало ума скрывать тот факт, что принадлежит не одному, а почти всем... И один за другим ее ухажеры стали от нее отказываться... Наступила черная полоса: Елена, мама Светы, умерла от воспаления легких; Валера остался без работы и не спешил искать новую; мать Валеры, которая могла бы тоже помочь молодым, репатриировала в Израиль. Света растерялась – ей было безумно жалко тратить накопленные деньги, однако вскоре жить стало не на что, и тогда ей пришла в голову прекрасная идея – поехать в Москву. «Там большой город, там я не попаду в такую ситуацию, как здесь, – размышляла она. – Тем более там и люди более обеспеченные, а значит, и денег будет больше... И ЭКО мне там сделают лучше, чем здесь. Да, решено – еду в Москву».

Через несколько дней Света улетела в столицу, а Валера остался один... Он посидел какое-то время без денег, да и засобирился к маме...

– Светуль, – говорил он жене по телефону, – я еду к маме, в Израиль! Приезжай туда, я буду тебя ждать!

– Нет, дождись меня дома! – кричала Света. – Я не знаю адреса! Куда и как мне ехать?

– Светочка, я у мамы буду! Встретимся там! – кричал в ответ Валера.

– Милый, подожди! – Девушка пыталась остановить мужа, однако связь оборвалась, и им так и не удалось поговорить друг с другом.

Девушка на самом деле любила мужа, несмотря на разгульную жизнь, и терять его совсем не хотела, поэтому она рванула на вокзал, взяла билеты на поезд и поехала к мужу в надежде, что успеет еще либо остановить его, либо уехать с ним, либо взять хотя бы адрес мамы, но опоздала... Квартира была пуста...

«Даже, наверное, хорошо, что он улетел к своей мамаше, – размышляла Света, разглядывая облака под крылом самолета. – Если бы он меня дождался, то я бы не увидела Париж. Ничего, он мне не нужен теперь. Пусть живет в своем Израиле, а я в Европе прекрасно устроюсь!»

Париж встретил девушку прекрасной погодой, теплым ветерком и веселыми солнечными лучами. Расправив плечи, Света улыбнулась и сошла с трапа – ее ждала страна мечты. Удивительно, но либо яркая внешность, либо некая легкомысленность помогли красоте, и она, абсолютно не зная ни французского, ни даже английского языка, великолепно ориентировалась в аэропорту, пройдя необходимые формальности без единой помехи. Забрав два своих чемодана от стойки выдачи багажа, Света направилась к выходу и там увидела свою фамилию на плакате. «Вот и чудненько, – радостно подумала она. – Как все прекрасно складывается! Нет, определенно, я благодарна этому маменькиному сыночку за то, что он сбежал».

– Света! – Она протянула руку крупному улыбающемуся мужчине, и тот в ответ поцеловал ее и что-то сказал по-французски. – Понятно, вы не говорите по-русски. Ну что ж делать?

Света мило улыбнулась и стала общаться жестами и мимикой, отчего француз пришел в полный восторг – такой симпатичной и непринужденной девушки он еще не встречал. Через несколько минут он втянулся в этот странный диалог и кое-где вставлял понятные Свете ремарки:

- Сена, – он кивнул на реку, когда они проезжали через мост.
- Сено? – переспросила Света, а потом опомнилась – это же знаменитая река Парижа, города, в который она так мечтала попасть и о котором смотрела фильмы.
- Лувр, – через какое-то время снова произнес француз.
- О, я знаю! – Света радостно захлопала в ладоши. – Это музей! Я обязательно схожу туда на экскурсию!
- Улица Риволи, – в третий раз подал голос водитель.
- Что это? – напряглась Света. – Она чем-то знаменита, эта улица? Что-то я про нее не слышала...

Автомобиль плавно затормозил возле подъезда и остановился. К машине тут же бросился высокий симпатичный парень:

- Здравствуйте. Нам на пятый этаж! Сначала познакомьтесь с хозяином, потом поедем в квартиру, куда вас поселили.
- Меня Света зовут, – улыбнулась девушка – наконец-то она услышала русскую речь.
- Я Алексей, – представился парень. – Я работаю телохранителем.
- Очень приятно, Алексей, – кокетливо улыбнулась Света и откинула светлые волосы назад.

Водитель сел обратно в машину, а молодой человек и девушка поднялись на пятый этаж. Квартира была роскошна: мраморный пол отливал блеском; колонны, люстры, мебель, шторы – все говорило о хорошем вкусе и материальном достатке хозяина. Света замерла у входа – она хотела снять туфли, но Алексей, заметив это, с улыбкой остановил девушку:

- Не надо. Подождите здесь.
- Хорошо, спасибо, – осторожно кивнула головой Света и стала рассматривать картины, висящие на стенах...

Глава 7

Валя вернулась к маме и сыну расстроенная – она понимала, что если сейчас Андрей не уедет учиться, то его заберут в армию, а ей было очень страшно, что сын повторит судьбу своего отца, – второй раз она не выдержит такого ужаса.

- Мамика, – сразу с порога начала женщина, – давай продадим корову! Нам очень нужны деньги, чтобы Андрюшу отправить в Румынию. У меня не получилось ничего в Москве...
- Ты лучше меня живой закопай! – вскричала мать. – Ты о нас подумала? На что мы с тобой жить будем?!
- Мама, но у нас нет выбора! Андрея заберут!
- И что? – Мать заплакала. – Там его хоть кормить государство будет, а мы вообще с голоду умрем! Ладно, ты, может, и не умрешь. В конце концов на панель можешь пойти!

А я?! Я умру!

Валя молча развернулась и вышла. Слова матери очень обидели ее, но, с другой стороны, она понимала, что мамика права – жить им на самом деле будет не на что. А значит, вопрос следовало решать по-другому.

Никакого конкретного плана у нее не было, однако действовать следовало быстро, поэтому Валя решила сориентироваться уже по ситуации, надеясь на чудо. И чудо произошло – открыв одну из дверей в военкомате, женщина увидела Николая, чья жена несколько лет назад лечилась в их отделении.

– Здравствуйте, доктор, – заулыбался офицер. Он до сих пор был благодарен этому отзывчивому врачу, который днем и ночью сидел рядом с его супругой, пока та проходила лечение.

– Здравствуйте, Николай. Не ожидала вас тут встретить. – Валя про себя поблагодарила Бога за неожиданный шанс на спасение сына. – Как себя чувствует Лидочка?

– Спасибо, вроде хорошо, – Николай с любовью посмотрел на фотографию, стоящую у него на столе. – Я могу вам чем-нибудь помочь?

– Думаю, что да, – нерешительно ответила Валентина и смущенно улыбнулась. – Понимаете, у моего сына – осенний призыв. Он бы поступил в вуз и уехал учиться, но.. Есть некоторые сложности..

– В чем дело? – спросил, сурово нахмутив брови, Николай. Он очень не любил, когда к нему обращались матери с подобными просьбами. Сам он вырос в семье военных, поэтому считал, что служить в армии – священный долг каждого мужчины.

Валентина почувствовала, как изменилось настроение офицера, поэтому судорожно искала нужные слова, чтобы убедить сурового мужчину помочь ей. Вдруг ее глаза скользнули по стоящей на столе фотографии Лиды.

– Мне очень нужна его помощь, – прошептала Валя. – У меня рак.. Всего на год, Николай, пока я прохожу курс лечения..

– Напишите его данные, доктор, – лицо Николая было так же нахмурено, но что-то изменилось во взгляде. – Да, напишите его данные и приходите завтра.

– Спасибо вам, Николай, – глаза женщины наполнились слезами.

– Да за что благодарить-то? – офицер отвел взгляд. – Я очень сочувствую вам. Надеюсь, все будет хорошо.

Валя кивнула головой и тихо вышла, а на следующий день заветная бумажка была уже у нее в кармане. Теперь был целый год на то, чтобы придумать, как заработать денег, правда, ни одной достойной мысли пока не появилось.

Она развернула газету, сидя на автобусной остановке, и наткнулась глазами на объявление: «Большие заработки. Израиль!». «Это же то, что мне нужно!» – воскликнула Валя и тут же встала – ее путь лежал по указанному адресу.

– Заполняйте, – девушка протянула Валентине бланк и повернулась к следующему посетителю.

Валя кивнула головой и отправилась к небольшому столику, где лежали ручки, а через

несколько минут уже принесла заполненный документ.

– Хорошо, – девушка подняла глаза. – Давайте деньги.

– Какие деньги? – удивилась Валентина. Она ничего о деньгах не знала, а если бы знала, то, конечно, не пришла бы сюда, потому что у нее их просто не было.

– Вы по договору нам должны три тысячи долларов, – секретарша начинала сердиться.

– За что? – Валя была в недоумении.

– Как «за что»? За то, что вас переведут через пустыню и трудоустрают в Израиле, естественно, нелегально. Легально вы никогда не получите там работу. Это все риск, а за риск надо платить.

Валя молча развернулась и вышла – еще одна надежда заработать сыну на образование растаяла как дым.

– Что расстроенная такая? – спросил мужчина, который курил рядом со входом.

– Денег нет на трудоустройство, – Валя вздохнула. – Как же быть-то?

– Может, в долг возьмете у кого? А потом отдадите, когда там заработаете, – там нормально платят, мне кажется. У меня жена уже два года в Израиле – каждый месяц мне тысячу долларов присылает...

– Как вас зовут? – резко спросила Валя.

– Иван, – ответил оторопевший собеседник.

– Иван, дайте мне три тысячи в долг, я верну. – Валентина испугалась своей смелости, однако она понимала, что другого пути у нее нет. – Вам жена еще придет, у вас же есть деньги. А для меня это последний шанс!

– А если не вернешь? А если с тобой что-нибудь случится? – Иван в недоумении смотрел на женщину.

Валя понимала опасения нечаянного знакомого, но упорно шла вперед.

– Я квартиру на тебя перепису в Кишиневе. – Она понимала, что у Ивана, в случае если она не вернет ему долг, будут проблемы с выселением из квартиры бывшего мужа Виктора и его женщины, но вдаваться в такие подробности не стала – ей очень нужны были эти деньги. – Пойдем к нотариусу.

– Квартиру? – Иван смотрел с изумлением. – Да, видимо, тебе на самом деле очень надо уехать... Хорошо, я дам тебе эти деньги, завтра, с утра...

– Нет, мне надо сейчас, – Валя стояла на своем. – Мне нужно уехать как можно раньше.

...На улице Роз всех отбывающих в Израиль ждал автобус, на котором их должны были довести до аэропорта, посадить на самолет, летевший в Египет, откуда их заберет бедуин и проведет через Синайскую пустыню в Израиль...

Там, в пустыне, граница между Египтом и Землей обетованной практически не

охранялась, однако опасность все равно была велика – египетские пограничники имели приказ из Каира открывать по нарушителям границы Египта огонь на поражение.

В пустыне наступила ночь...

Глава 8

Ирина приехала в Харьков глубоко за полночь. Она шла по темным улицам города и размышляла над тем, как ей дальше действовать. Погруженная в свои мысли, она зашла в подъезд и стала подниматься по лестнице. Остановившись на ступеньках, чтобы перевести дух, она услышала какой-то шорох позади себя. Ира круто обернулась, и в этот момент у нее из рук резко выхватили сумку. Женщина увидела только спину в коричневой куртке – она бросилась бежать за воров, однако, когда выскочила на улицу, никого уже не было.

– Черт! – воскликнула она. – Хорошо, что паспорт у меня в штанах, а то бы и без документов осталась.

Потерев лоб, Ирина снова вошла в подъезд и поднялась на второй этаж – там жила соседка Маша, у которой хранились ключи от ее квартиры на тот случай, если Ирина все-таки уедет в Израиль к детям.

Дверь долго не открывали, и Ирина, прислонившись к косяку, терпеливо ждала – выбора у нее не было. Наконец щелкнул дверной замок, и в проеме появилась заспанное лицо Маши.

– Ирка, ты сдурела, что ли? Ночь на дворе! – Она уставилась на гостью, которая вдруг побледнела и начала оседать.

Маша метнулась в кухню, налила воды из-под крана и плеснула Ире в лицо.

– Хорошо меня дом встречает, – пробормотала женщина, когда пришла в себя. – Сначала сумку в подъезде вырвали, а теперь – в морду плеснули.

– Как сумку? Что случилось? – Маша помогла подруге подняться и повела ее в квартиру. – У тебя не получилось уехать? Вызвать милицию? Что было в сумке?

– Маша, у тебя три тысячи вопросов! – Ирина резко оборвала суемящуюся женщину. – Дашь поесть? Я такая голодная, а дома ничего нет, конечно.

– Пойдем на кухню, я тебе разогрею картошку.

Ирина проглотила ужин, запила сладким чаем и тяжело встала из-за стола. Пока пыталась утолить голод, она рассказала подруге про все, что с ней произошло, в том числе и про ограбление.

– Давай помогу тебе чем-нибудь? – ласково спросила Маша.

– Дай мои ключи, пожалуйста, – с улыбкой ответила Ирина. – Спасибо тебе, соседка. Спокойной ночи, и извини, что разбудила.

Ирина вошла в свою квартиру – на душе было беспокойно. «И что я так переживаю, – размышляла женщина, проходя по пустой квартире. – Все вроде нормально. Ну отказали

мне, но я же найду выход! Я знаю, что я найду способ попасть к моим деткам! Может, это из-за ограбления? Да в сумке ничего ценного не было, даже денег... Обидно, конечно, сумка мне нравилась и кошелек тоже! Что так на сердце тяжело? Неужели что-то с моими детками случилось? Не дай бог! Все, что угодно, только пусть с ними все будет хорошо».

С этими мыслями Ирина легла на скрипучий диван, не раздеваясь, и провалилась в тяжелый сон... Всю ночь она бегала по какому-то лабиринту и стучала в закрытые двери, а из-за толстых стен доносился плач ее маленьких сыновей. Ира проснулась от собственного крика... Сердце колотилось о грудную клетку с огромной скоростью, голова раскалывалась, а по вискам тек пот... «Боже, мои дети! – шептала про себя Ирина. Мысли скакали в ее голове, и она ни на чем не могла остановиться. – Что с ними? Я ведь даже не знаю, куда звонить и как их искать! Вызов... Где взять вызов? Как мне вырваться в Израиль? Мне нужны деньги...»

Встревоженная мать тяжело поднялась с дивана и прошла в ванную, где умылась холодной водой, однако это ей не помогло – виски сдавливало все сильнее и сильнее. Она прошла на кухню, взяла таблетку обезболивающего, запила водой из-под крана и прислонилась лбом к стеклу... Сердце бешено стучало. Вдруг тишину нарушил телефонный звонок – Ирина побледнела и на ватных ногах пошла к аппарату, не в силах поторопиться. Она смотрела на трубку и не могла заставить себя поднять ее, но вдруг что-то словно ударило ее, и она закричала:

– Алло! Алло! Говорите! Я слушаю!

В трубке раздавался только треск, а потом все стихло – Ира слышала лишь биение своего сердца, словно оно стучало чугунными молотками у нее в ушах. Женщина тяжело опустилась на табурет рядом с телефонным аппаратом и замерла – она ждала еще одного звонка и была права: через тридцать минут тревожный сигнал повторился.

– Алло? – на этот раз Ирина ответила на звонок сразу же.

– Мама! – сквозь тысячи километров раздался голос Славы. – Мама, это я! Ты слышишь меня?

В горле у Иры пересохло, и она лишь кивнула в ответ головой.

– Мама! Я тебя не слышу! Мамочка! – Сын кричал в трубку, и мать услышала нотки паники в его хриплом мужском голосе. Тут она поняла, что ребенок не видел ее кивка.

– Да, дорогой, я тебя слышу, – осторожно ответила Ира.

– Мамочка, Петю ранило, он в больнице! – Слава плакал в трубку. – Я не знаю, что мне делать! Мама! Я боюсь!

– Сыночек! – начала кричать Ирина. – Что с Петей?! Вы где?! Как вас найти?! Как мой сынок?!

Но связь уже оборвалась...

Ирина, лишившись рассудка от горя, начала судорожно кидать вещи в чемодан и бегать по квартире. «Нужен вызов! Нужен вызов! – шептала Ира в бреду. – Я должна прилететь к сыну. Без меня он умрет!»

С чемоданом в руке она выскочила из квартиры и побежала вниз, потом вернулась, будто вспомнила что-то. Соседка Маша, услышав, как хлопнула Ирина дверь, выглянула в коридор и остолбенела – бледная подруга собирала рассыпавшиеся вещи.

– Ира, что случилось? Ты куда собралась?

- К детям, – не своим голосом ответила та. – Петю ранило. Ему плохо, сыночку моему.
- А вызов? А документы? – Маша ничего не понимала.

Вдруг Ира повернулась к ней лицом, замерла на секунду, а потом завывала. Маша рванула к подруге, подняла ее и привела к себе. Через час, когда та пришла в себя и стала трезво оценивать происходящее, Маша решила возобновить разговор:

– Ирочка, с Петей все будет хорошо, ты обязательно попадешь к нему. Я думаю, тебе надо ехать в посольство – там войдут в твоё положение. Возьми паспортные данные детей, чтобы там узнали, в каких они частях, где служат, что случилось, и отправляют тебя к ним – пусть не навсегда, пусть только на три месяца, но вам с мальчиками и этого будет достаточно после такой долгой разлуки.

– Все, я поехала, ты права, – Ира снова засобиралась.

– Остановись, – Маша усадила подругу на стул. – Поедешь завтра с утра – сегодня уже поздно. Ты пока доедешь до Киева, все будет закрыто. Возьми деньги на дорогу, тебе пригодятся... А пока посиди-ка ты у меня – не пущу я тебя в твою пустую квартиру – бог знает, что ты с собой сделаешь.

Ира покорно кивнула головой и осталась у подруги, считая часы до утра.

Она влетела в посольство за пять минут до окончания его работы – дорога из Харькова до Киева заняла больше времени, чем Ирина думала. Всю дорогу она металась по салону автобуса, но ничего сделать не могла – время неумолимо шло вперед.

– Приема больше нет, приходите завтра, – сурово сказала работница посольства и выставила вбежавшую посетительницу на улицу. Ира понуро побрела к вокзалу, вспомнив, как предложила в Москве Вале переночевать там и как чудесно тогда они все вчетвером встретились. «Как они там, мои девочки? – размышляла она. – Они и не знают, что у меня такое несчастье случилось. Да и если бы знали, ничем бы помочь не смогли... Надеюсь, к ним судьба благосклоннее, чем ко мне...»

Ира купила себе булочку и стакан воды и села на лавочку. Рядом с ней примостился хорошо одетый мужчина средних лет. От него пахло дорогим парфюмом, и Ирина с наслаждением втянула в себя запах богатства. Она осторожно рассматривала соседа – дорогие ботинки из хорошей кожи, дизайнерский костюм, белоснежная рубашка... Мужчина заметно нервничал – он постоянно смотрел на золотые часы на запястье и постукивал пальцами с безупречным маникюром по дипломату... Его нервозность передалась и без того находящейся на грани нервного срыва Ирине. Она встала и принялась ходить вдоль лавок туда и обратно, надеясь привести нервы в порядок, а заодно и придумать, что делать дальше. Мужчина зыркнул глазами и поджал губы – мельтешение женщины выводило его из себя. Ирина поняла, что она нервирует человека, и послушно села...

Было четыре часа ночи... Ирина в очередной раз проснулась, только теперь от ощущения опасности, а не от затекшей шеи, как было предыдущие несколько раз. Она осторожно открыла глаза и присмотрелась – возле выхода она заметила какую-то суету, словно кто-то убежал, в спешке расталкивая случайных прохожих. Ира напряглась – что-то явно было не так. И тут ее взгляд упал на мужчину, который еще несколько часов назад сидел рядом с ней и барабанил пальцами по дипломату, – тот лежал на полу, а из его спины торчал нож. Женщина присела на корточки и прижала пальцы к запястью пострадавшего – пульса не было. «Надо звать на помощь, – подумала Ирина, однако руки уже полезли по внутренним карманам пиджака. – Что я делаю? Боже! Я занимаюсь

воровством!» Пот выступил на лбу от осознания низости своего поступка, но потом Ира себя успокоила: «Ему уже ничем не поможешь, а мне нужны деньги – где-то далеко, в Израиле, умирает мой сын».

У убитого оказался с собой толстенный кошелек, плотно набитый крупными купюрами, который Ира извлекла из его кармана краем кофты. Положив добычу в сумку, она осторожно поднялась и не спеша направилась к выходу – ноги были ватными от страха и стыда, однако она упрямо шла вперед, понимая, что это поможет ей свидеться с сыновьями. Выйдя из здания вокзала, Ирина побежала так быстро, как только могла.

Возле скверика она остановилась и перевела дух – ее никто не преследовал, значит, можно передохнуть. Присев на краешек скамейки, она достала кошелек из сумки и открыла его. «Боже мой, – со смесью ужаса и восторга прошептала Ирина. – Такой огромной суммы денег я еще никогда в жизни даже в глаза не видела, не то что в руках держала! Господи, спасибо тебе за неожиданную помощь! Дяденька, прости меня, пожалуйста, но мне они правда нужны, эти деньги!»

На следующее утро, побывав в посольстве и в ОВИРЕ, где она показывала паспортные данные сыновей, доказывающих, что мальчики являются евреями по национальности и служат в настоящий момент в израильской армии, рассказывала, что случилось с ее мальчиками, Ирина все-таки получила все необходимые для выезда документы. Правда в ОВИРЕ ей пришлось дать взятку, на которую ушла большая часть денег, найденных у погибшего. А через несколько часов Ира уже сидела в аэропорту с авиабилетом в руке и ждала своего рейса. «Я сделала это, – думала она, теребя в руках заветный бумажный прямоугольник. – Я совсем скоро увижу своих мальчиков и обниму их! Что там с моим Петенькой? Как там Славочка? Боже, скорее бы оказаться в Израиле! Я их найду!»

Глава 9

Лиза подошла к огромным дубовым дверям и остановилась. Молчаливый блондин ободряюще улыбнулся и кивнул головой, показывая, что надо войти внутрь. Девушка собрала всю свою волю в кулак и зашла.

Она оказалась в кабинете со старинной мебелью темно-коричневого цвета, где все стены закрывали огромные книжные шкафы, забитые уникальными фолиантами, а в центре этой домашней библиотеки стоял гигантский письменный стол, за которым в тяжелом кресле сидел тот, кто нанял ее. Лиза уставилась на уродливое лицо мужчины и пыталась унять дрожь в коленях. Ее цепкий женский взор скользил по квадратным скулам, огромному носу, неровному бритому черепу, черным густым бровям, которые почти закрывали маленькие, глубоко посаженные глазки, когтистым и корявым рукам. Мужчина подождал, пока гостя рассмотрит его как следует, а потом мягким, обволакивающим голосом сказал:

– Здравствуй, Лиза. Присаживайся, пожалуйста.

Лиза сглотнула и села на стул, на который указал ей мужчина.

– Пришло время поговорить о твоих обязанностях, – продолжил тот. – Для начала мы познакомимся. Меня зовут Бенедикт, и я русский, несмотря на место жительства и необычное имя. Как тебя зовут, я знаю, так что можно не представляться. Более того, я знаю о тебе довольно много – я долго изучал твою биографию, собирал информацию о твоей семье, друзьях, мужчинах. Теперь считаю своим долгом рассказать о себе.

Лиза с недоумением смотрела на Бенедикта – ее пугали и его внешность, и его полная

осведомленность ее жизнью, и его желание рассказать о себе.

– Так вот, – после непродолжительной паузы продолжил мужчина. – Я единственный ребенок в семье, поздний ребенок. Наверное, поэтому моя внешность несколько шокирует – говорят, у поздних детей бывают различные отклонения. Нет-нет, не отрицайте, я знаю, что я урод. Но я научился с этим жить, да и в общем-то меня это и не слишком напрягало – мама и папа очень любили меня и любили друг друга, так что я вырос в полной гармонии, в тепле и радости. Когда мне исполнилось восемнадцать лет, они умерли – в один день, словно в конце хорошей сказки: мама – утром от инсульта, а папа – через шесть часов от инфаркта. И я остался один.

От мягкой интонации и бархатного тембра его голоса Лиза стала расслабляться – ей он уже не казался таким страшным, как при первом взгляде, она находила милые черты и без содрогания скользила глазами по его лицу. Этот человек притягивал, как магнит.

– В восемнадцать лет я начал заниматься бизнесом. Да, сначала это были мелкие сделки, но потом дела пошли в гору – наверное, мои родители с небес так поддерживали своего единственного и любимого сыночка. Сейчас мне сорок три года, я еще молод и для своего возраста очень богат. Я могу купить абсолютно все, но мне этого всего и не надо.

Бенедикт резко встал и подошел к окну, занавешенному тяжелыми портьерами. Лиза увидела мужчину в полный рост – он был уродлив: его короткие ноги были так широко расположены, что когда он шел, то тяжело переваливался с одной стороны на другую. У девушки перехватило дыхание.

– Все, что мне надо, – это ребенок, мой ребенок, – тихо сказал Бенедикт. – Это и будет твоей работой, Лиза.

Эти слова были последними, которые женщина услышала перед тем, как упасть в обморок – долгая дорога, напряжение от молчания всех людей, которые ее окружают, и новость о том, что ей придется лечь в одну постель с этим чудовищем, лишили ее сознания...

Лиза осторожно открыла глаза: тошнота подкатывала к горлу, бил озноб... Она осмотрелась – знакомые белые кружевные занавески на окошках и белая дверь, ведущая в ванную комнату, подсказали ей, что она находится в своей комнате. Как только женщина повернула голову, в дверь тут же постучали. «Точно, в комнате есть камеры», – успела подумать Лиза перед тем, как к ней зашла посетительница.

Это была пожилая женщина, как две капли воды похожая на Бенедикта. Если бы мужчина не сказал ей, что его родители умерли, она бы подумала, что это его мать. Женщина ласково улыбнулась и мягко погладила Лизу узловатой рукой. Девушка замерла и со страхом посмотрела на необычную посетительницу, которая вдруг заговорила:

– Что, моя хорошая, испугалась?

– Вы говорите? – прошептала Елизавета.

– Говорю, – усмехнулась пожилая женщина. – Тебя знобит, моя хорошая? Сейчас я тебя укрою.

Она подошла к стене, в которой, оказывается, тоже был шкаф, достала пуховое одеяло и ловко надела на него пододеяльник. Взбив пух, женщина накрыла лежащую Лизу, любовно подоткнув краешки, и продолжила:

– Испугалась, наверное, моя хорошая? Не надо, не бойся. Бенедикт означает «благословенный». И знаешь, он действительно отмечен Богом – он умный, чуткий,

добрый, у него чуткое сердце и невероятное чувство ответственности. Хотя в делах он жесткий, властный и упрямый, но, может, именно поэтому он добился таких высот. Он заметил тебя давно, уж не знаю, где именно... Но твердо решил, что хочет сделать тебя матерью своих детей. Твоя фотография висит у него над кроватью. Он столько планов придумывал, чтобы с тобой познакомиться, а ты в это агентство пошла... В общем, ваше знакомство состоялось совсем не так, как он планировал... Подожди!

Женщина резво выскочила из комнаты и вернулась через пять минут, везя перед собой стеклянный столик с обедом. В центре стояла белая орхидея в замысловатой вазочке. «Боже, она невероятна, – подумала Лиза. – Живых цветов такой совершенной красоты не бывает». Тонкие пальцы коснулись лепестка, и девушка поняла, что ошиблась – орхидея была живая.

– Ешь, девонька, – сказала женщина и подала больной пиалу с бульоном. – Тебе нужно быть сильной и здоровой.

Лиза сделала глоток, и тепло разлилось по ее худенькому телу. Она отломала тонкими пальцами теплую булочку с хрустящей корочкой и с наслаждением положила в рот.

– Как вкусно, – наконец проговорила девушка, закончив обед. – Можно я поплю чуть-чуть? Я так устала.

– Спи, девонька, спи, – прошептала старушка и закрыла за собой дверь.

В течение недели Лизу каждый день навещал доктор – он брал у нее анализы, измерял давление, делал УЗИ и кардиограммы, а она... она молча подчинялась, потому что в случае нарушения условий контракта она должна была заплатить неустойку в размере 25 000 долларов, которых у нее, конечно, не было. «Почему он ждет? – думала Лиза, сидя с ногами на кровати в полной темноте. – Если Бенедикт так хочет наследника, то почему он не приходит ко мне? Он ждет результатов моих анализов? Боже, как будто я племенной бык... Нет, кобыла. Он хочет убедиться в моей породистости! Как унижительно!» Она встала и прошла по комнате... Босыми ногами ступая по мягкому ковру, подошла к окну и откинула занавеску. Окно было круглым, как и в гостиной, но находилось ниже, а не под потолком. Лиза взяла подушку с кровати и залезла с ногами на подоконник, устроившись поудобней. По стеклу сползали крупные капли дождя, и девушка вспоминала, как любила дома в такую погоду забираться на диван с ногами, уютно укутываться в мамин старый махровый халат, набирать полные карманы сушек и медленно пить с ними вприкуску горячий сладкий чай, наблюдая, как мама возле телевизора вяжет теплые носки. «Боже! Как одиноко, – вздыхала про себя девушка. – Хоть бы книжку или журнал какой-нибудь полистать! Я же в полном информационном вакууме, как в камере-одиночке!»

В этот момент раздался стук в дверь.

– Войдите, – осторожно сказала она, так как посетитель не спешил самостоятельно заходить в комнату.

На пороге стоял Бенедикт со стопкой журналов. «Он что, и мысли мои читает? – нервно подумала Лиза и поежилась. – Не только подсматривает».

– Я подумал, что тебе тоскливо одной, и принес тебе журналы, – ласково проговорил мужчина.

– Спасибо, – тихо ответила Лиза и спустилась с подоконника.

– Можно я посижу с тобой? – осторожно спросил Бенедикт и вопросительно посмотрел на девушку.

- Это же ваш дом! – огрызнулась Лиза. – Вы здесь хозяин!
- Ты не хочешь выпить вина? – спросил мужчина, пропуская мимо ушей ее колкость.
- Вообще-то я ужасно голодна!
- Тогда я приглашаю тебя в столовую на ужин, – Бенедикт галантно поклонился. – Жду тебя внизу через двадцать минут.
- Какая форма одежды? – вдруг улыбнулась Лиза.
- Та, в которой тебе удобно, – улыбнулся в ответ мужчина, и напряжение между ними неожиданно спало.

Именно с того знаменательного ужина началась дружба между Лизой и Бенедиктом. Мужчина и женщина проводили вместе много времени: ужинали, читали и обсуждали прочитанное, а главное – долго разговаривали, познавая друг друга. Бенедикт рассказывал девушке о психологии успешного человека, учил строить планы и не бояться действовать.

- Мало получить шанс от судьбы, чтобы изменить ее к лучшему, – объяснял ей Бенедикт. – Каждый человек получает этот шанс, но, к сожалению, многие из-за лени не замечают его. Важна готовность человека использовать этот шанс в своих интересах. Успех – это не случайный выигрыш в карты, это образ жизни, образ мысли, атмосфера, окружающая его; это воплощение в реальность мечты, это воля личности, это страсть, наконец! Ты должна почувствовать разницу между успехом и удачей.

Незаметно для себя Лиза влюбилась в Бенедикта, а он... он даже не касался ее руки – он ждал, когда его избранница полюбит его искренне и по-настоящему. Ему не нужна была ее рабская покорность, ему нужны были ее страсть, ее сердце... Он замечал каждый долгий влажный взгляд Лизы, каждое ее осторожное нежное прикосновение будто бы невзначай, но тем не менее осознанное и желанное ею... Он выжидал, как настоящий охотник, того единственного подходящего момента. Наконец он почувствовал, что время пришло.

- Лиза, ты готова прийти ко мне сегодня ночью? – хрипло спросил Бенедикт и замер в ожидании ответа.

Кровь прилила к лицу молодой женщины, дыхание перехватило, а губы пересохли. Она растерянно молчала, а потом кивнула в ответ.

- Лиза, мне не нужна твоя жалость, – прошептал мужчина. – И покорность не нужна. Мой ребенок должен быть зачат в любви.

- Любовь – это свобода выбора, – вдруг произнесла Лиза. Она в один момент поняла, о чем ей так долго говорил любимый – человек сам решает, какую роль играть в своей жизни. Ты либо жертва, либо победитель. И Лиза решила, что достойна быть победителем в этой игре. Она может проиграть сейчас, и ей будет больно, если Бенедикту не понравится ее бунт, и этой желанной ночи любви так и не будет. Она может проиграть, но она обязана самой себе начать эту игру, чтобы не быть жертвой.
- Я работаю у тебя, а значит, я не свободна.

В комнате повисла тишина. Лиза слышала, как от волнения бьется ее сердце.

- Я принимаю твой протест, – тихо сказал Бенедикт. – Ты свободна. Твой контракт аннулирован. Ты можешь уйти, можешь остаться, причем на любых условиях. В этом доме

ты желанный гость.

– Я остаюсь, – тоже тихо ответила Лиза. – Я остаюсь, потому что хочу выносить и родить тебе ребенка.

Девушка услышала прерывистый вздох Бенедикта и поняла, как ему тяжело дались его слова и еще тяжелее – ожидание ее ответа. Она бросилась к нему на шею, и их губы слились в страстном поцелуе. Уже не существовало ни сомнений, ни страхов, ни вопросов – было только желание стать единым целым, почувствовать силу страсти друг друга, насладиться вкусом и запахом тел. Они задыхались от желания, когда вошли в его спальню. Лиза нашла в себе силы оторваться от любимых губ и осмотреться – это была святая святых, это была комната ее единственной в жизни любви. Над огромной кроватью, застеленной белоснежным бельем, висел огромный портрет, с которого на нее смотрело ее же изображение. Сердце Лизы забилось еще чаще и сильнее, и она снова впиалась в мужчину губами.

Дрожащими руками Бенедикт снимал одежду с любимой. Он делал это с таким трепетом, с такой нежностью, словно она была фарфоровой куклой, но в тот момент, когда обнажилась ее полная грудь с темными заостренными сосками, он издал животный рык. Искривленное от страсти лицо было еще уродливее, чем всегда, но Лиза так хотела именно этого мужчину, что сорвала с него одежду и плотно прижалась к нему обнаженным телом. Его восставшая плоть уткнулась ей в живот, и она обхватила руками его ягодицы, чтобы прижать мужчину к себе еще плотнее. Повалив Лизу на кровать, Бенедикт начал жадно целовать ее грудь, потом живот, потом опустил еще ниже... Девушка теряла сознание от силы своего желания и извивалась под губами любимого, не в силах сдерживать громкие стоны. Вдруг она перестала чувствовать его губы на своем теле, и в этот момент ей показалось, что, если он сейчас не дотронется до нее, она умрет... Через секунду Бенедикт вонзился в нее с неистовой силой голодного мужчины. Он властвовал над ней, раскачивая толчками ее лоно...

Они погрузились в пучину оргазма одновременно, издав единый протяжный стон, который пронесся эхом по всему особняку...

Глава 10

Света стояла в холле и ждала, когда подойдет ее новый работодатель. Наконец послышались короткие торопливые шаги.

– Израиль Давидович, – представился небольшого роста мужчина с круглым животиком и такой же круглой лысиной на голове.

– Света, – робко сказала девушка и вытерла об юбочку вспотевшие ладони.

– Не бойтесь, дорогая, я вас не съем, – засмеялся хозяин дома, и в этот момент в дом влетели трое мальчишек разного возраста.

Дети кричали и кидали друг в друга цветными резиновыми шариками, не замечая отца и гостью.

– Прекратить! – прикрикнул Израиль Давидович, и дети затихли.

Самый маленький из разбойников захлопал огромными карими глазами и вцепился в Светину юбку, а та, вместо того чтобы обнять малыша, окаменела – дети вызывали у нее священный ужас, так как сама она уже отчаялась когда-нибудь стать матерью. Мужчина сообразил, что опыта работы с детьми у девушки нет, и начал думать, что

делать дальше.

– Как я понимаю, вы не работали няней, – осторожно начал он.

– Нет, – чуть не плача, сказал Света. – Но я очень люблю детей.

– А свои есть? – В голосе появилась надежда.

– Нет, к сожалению, – девушка совсем растерялась, и в глазах появились слезы.

Повисла пауза, которую прервал малыш.

– На шарик, тетя, – неожиданно для всех сказал он и раскрыл ладонку, в которой лежал оранжевый мячик.

– Спасибо, мой хороший. – Света улыбнулась своему юному спасителю, присела на корточки и обняла ребенка.

– Ничего, научитесь скоро. – Израиль Давидович успокоился – девушка действительно любила детей. – А пока будете помогать повару. Готовить вы, надеюсь, умеете?

– Я могу борщ сварить, – неуверенно начала Света. – Пельмени могу сделать, курочку запечь... Я не знаю блюд французской кухни.

– Ну и не надо, – хозяин дома удовлетворенно потер руки. – Я так соскучился по нормальной русской еде. Отлично. Я принимаю вас на работу, вы меня всем устраиваете. А сейчас вас отвезут в квартиру, где вы будете жить.

Света вошла в прихожую своего нового жилья и улыбнулась – ее встречал широкоплечий накачанный парень с открытой доброй улыбкой.

– Женя, – представился он и протянул руку.

– Света, – кокетливо произнесла девушка.

– Проходите, – молодой человек жестом пригласил гостью в квартиру. – Мы будем жить здесь втроем: я, вы и Алексей. Не переживайте, у вас будет отдельная комната со всеми удобствами. Пойдемте, я вам все покажу.

Они зашли в небольшую спальню, носившую отпечаток хорошего женского вкуса: кровать металлическая, но изысканная; рядом с ней маленький стеклянный круглый столик с ночником в рюшечках; белое трюмо со множеством ящичков, перед которым стоял мягкий пуфик; стенной встроенный шкаф. «Как мило», – подумала Света и обернулась к Жене.

– А это ваша ванная и туалет! – Молодой человек толкнул дверь в шкаф, и перед взором девушки оказались ванная, туалет и зеркало.

– Вот это да! – воскликнула Света. – Я буду просто королевой.

– Ну, королева, располагайтесь, а то с дороги устали. А потом попьем чайку с французской выпечкой, – с этими словами Женя вышел из комнаты и оставил Свету наедине со своими мыслями...

Утром Свете предстояло новое знакомство – с поваром по имени Викто@@р. «Наверное, он тоже русский, – про себя хихикнула девушка, когда ей представили того, с кем предстояло работать. – Выделяется просто, вот и имя себе исковеркал на иностранный манер». Однако девушка ошиблась – Виктор был французом, причем

нетрадиционной сексуальной ориентации, что сразу же усложнило жизнь русской кокетке, потому что он ненавидел женщин. Учить Свету чему бы то ни было он не хотел и видел в ней конкурентку и именно поэтому старался усложнить подчиненной жизнь. Он мало рассказывал и делал все очень быстро, чтобы девушка не успевала замечать и запоминать, однако Света оказалась действительно хорошей ученицей. Она впитывала все, что слышала, как губка, а если она не знала, как называется тот или иной продукт, то просто зарисовывала его, а потом безошибочно находила в магазине. Но диалога с Виктором все равно не получалось, а значит, работать с ним в паре становилось невозможно.

Промучившись неделю, Светлана подошла к Израилю Давидовичу и понуро сказала:

– Извините, пожалуйста, но я, наверное, никогда не освою французскую кухню.

– И не надо, Светочка, – мужчина мечтательно посмотрел на потолок. – Свари-ка ты мне лучше борща. И котлет нажарь, с пюре картофельным. Я тебя нанимал не для того, чтобы ты мне лягушачьи лапки готовила, – с этим Виктор прекрасно справляется.

– С удовольствием! – воскликнула Света. Она была очень рада, что ей не придется хотя бы один день помогать французскому повару. – Только продуктов не хватает, чтобы ваш заказ исполнить.

– Так не проблема, Светочка, – Израиль Давидович совсем не хотел отказываться от своей идеи русского ужина. – Бери Женю и езжай с ним в магазин. Он тебе поможет купить все необходимое.

С этой поездки и начался роман молодых людей. Сначала они мило кокетничали, прохаживаясь вдоль прилавков магазина, а когда продукты были закуплены, то пара уже обнималась и заливисто смеялась шуткам друг друга. Света была счастлива – она влюбилась в Женю без оглядки, поэтому когда ночью он вошел в ее комнату, то с радостью приняла его...

Следующий день удивил девушку. Она приготовила все, что просил хозяин, и теперь убирала со стола грязную посуду. Израиль Давидович сиял от удовольствия.

– Светочка, все было необыкновенно вкусно, – его щеки покраснелись, а глаза светились от счастья.

– Я могу и завтра вам что-нибудь русское приготовить, – девушке очень хотелось угодить работодателю.

– Нет, завтра возвращается моя жена, – мужчина помрачнел.

– Она что, не любит русскую кухню? – удивилась девушка.

– Не знаю, что она любит, – задумчиво пробормотал хозяин. – Хотя нет, знаю... Это все неважно.

– О чем вы? – не поняла Израиля Давидовича Света.

– А? – удивленно вскинул глаза на работницу мужчина, словно видел ее в первый раз.
– Да нет, она просто привыкла к диетической пище.

– Ну так я только для вас и детей могу готовить, – не сдавалась та.

– Нет, Света, – хмуро пробормотал мужчина. – Ничего, еще будет возможность отведать вашу прекрасную стряпню.

– Хорошо, – мягко согласилась девушка. – А к кофе я вам шарлотку испекла. Будете?

– О! Вы великолепны, Светлана! – Израиль Давидович взял сигару. – Принесите мне, пожалуйста, кофе и ваш пирог в кабинет.

Мужчина направился в сад курить, но на пороге остановился и в упор посмотрел на Свету. «Мне бы такую жену», – услышала девушка его слова и от удивления открыла рот.

– Блин, завтра встречать госпожу Адель! – хмуро пробормотал Женя, когда они ехали домой.

– Да что это за Адель такая? – Света не понимала переполоха, вызванного приездом этой женщины.

– Ариадна, жена Израиля Давидовича, – сухо прокомментировал молодой человек.

– Ариадна? Что за имя такое? – удивилась девушка.

– Ну да, Ариадна, от слова «ад», – съязвил водитель.

– Почему?

– Вот увидишь эту мегеру, которая вечно «под кайфом», и все поймешь сама.

– А что значит «под кайфом»? – не поняла Света.

– Вот ты село! – захохотал Женя, а Света обиженно поджала губки. – Смотри, чтобы она не уволила тебя, наивная дурочка!

«Да, – подумала про себя девушка. – А все не так радужно, как я думала».

На следующий день, когда госпожа вернулась домой, Света поняла, что на самом деле все не так радужно.

– Мамочка, здравствуй! – закричали дети, как только открылась дверь и в холл вошла высокая стройная женщина необыкновенной красоты: черные, как смоль, волосы были затянуты в тугий пучок, огромные карие глаза сияли неестественным блеском, тонкий нос с еле заметной горбинкой придавал выражение гордости, а губы вносили элемент нежности и чувственности строгой величественной красоте хозяйки дома.

Адель холодно поцеловала детей, потрепала мужа по щеке и сказала:

– Все! Я устала! Пойду приму душ.

– Почему она так равнодушно ко всем относится? – недоуменно спросила Света Женю, став невольной свидетельницей приезда Адель.

– Ей нужна доза, – шепнул Женя девушке на ушко. – Сейчас она выйдет совсем иной.

– Какой? – не поняла Светлана.

– Увидишь, – усмехнулся в ответ молодой человек.

Адель действительно появилась через полчаса совсем другой: черты лица словно размыты, глаза поражали своей бесконечной пустотой, будто это были бездонные колодцы, волосы свободно спадали ей на плечи и струились по спине. Она была невообразимо прекрасна, но ее поведение пугало – женщина громко хохотала без причины, задавала сотни вопросов, не слушая на них ответы, и постоянно двигалась.

Света подошла к столу и вытерла малышу ладошки, которые он испачкал в соусе. Адель уставилась на нее, а потом громко спросила:

– А это что за чучело?

– Это Света, она помогает Виктору на кухне, – ответил Израиль Давидович тихим голосом.

– И что она умеет? Минет на обед? – захохотала хозяйка, а потом зло посмотрела на супруга – тот молчал.

Света, которая в тот момент собирала со стола грязную посуду, от обиды, удивления и возмущения разжала ладони – поднос с грохотом выпал из ее рук.

– Да ты за всю жизнь не отработаешь мой бельгийский фарфор! – заорала Адель. – Вон из моего дома, шлюха грязная!

– Милая, успокойся. – Израиль Давидович пытался урезонить жену, но она словно сошла с ума. Женщина вскочила из-за стола и начала ногами раскидывать осколки по столовой, потом вlepила Свете пощечину и выскочила из комнаты – хозяин дома бросился за супругой.

Светлана, держась за щеку, выпроводила детей из комнаты, очень жалея, что им пришлось стать свидетелями такой ужасной сцены, а потом присела на корточки и начала собирать осколки. Слезы обиды и унижения застилали ей глаза, она почти ничего не видела, когда поднимала с пола остатки бельгийского фарфора, и один кусок вонзился ей в руку. Кровь брызнула фонтаном, оставляя на нежно-голубом ковре ярко-алые пятна. Света зажала рану и начала рыдать.

– Что с тобой? – Женя вбежал в столовую. Он тут же поднял девушку с пола, перевязал руку носовым платком и силой вывел на улицу.

– За что? – причитала Света, не понимая, что же она сделала такого ужасного хозяйке дома, что та так сурова к ней.

– Они тебе деньги платят, – успокаивал ее молодой человек. – Поэтому считают, что им можно все. Посиди здесь, милая, я сейчас все уберу, а потом мы забинтуем тебе руку и отвезем тебя домой.

Вечером Женя нежно гладил по голове поникшую Свету.

– Не переживай, крошка, – говорил он. – Утром она даже не вспомнит об этом инциденте. Да и потом она все равно здесь ненадолго.

– Почему не вспомнит? – Света подняла заплаканные глаза.

– Ты еще ничего не поняла, дурочка? – Женя удивленно смотрел на любовницу. – Она же наркоманка.

- Как это? А дети?
- Что «дети»? – Женя улыбнулся. – Дети нормальные, не наркоманы.
- Я имела в виду... – Света смутилась и не договорила.
- Я понял тебя. Израиль Давидович постоянно кладет ее на лечение, и в «светлые промежутки» рождаются дети. Он всегда надеется, что беременность и рождение ребенка остановят ее, но каждый раз его надежды рушатся, как картонный домик.
- А почему он не разведется? Почему терпит ее?
- Любит, наверное, – Женя пожал плечами. – Хотя говорят, что все их состояние полностью принадлежит жене, то есть в случае развода он останется ни с чем.
- Жалко его, – вздохнула Света. – Бедный, всю жизнь мучиться будет...

Девушка устало опустила голову на подушку и закрыла глаза. «Да, совсем не радужно в этом Париже, – подумала она. – Видимо, хорошо там, где нас нет. Слава богу, что я нашла здесь Женю, свою настоящую любовь».

Глава 11

Наступила ночь.

Валя устало шла по пустыне и не верила, что днем солнце пекло так, что казалось, будто идешь по раскаленной сковороде, – сейчас было невыносимо холодно.

- Не разговаривать! Не останавливаться! Если откроют огонь – лечь и не шевелиться!
- в очередной раз отдал приказ бедуин, который вел их к границе с Израилем.
- Курить охота, – шепнул Иван, и Валя обернулась. Мужчина, который дал ей в долг денег, шел с ними.
- Не курить! – тут же раздался голос бедуина.

И толпа людей упрямо побрела вперед по холодным пескам Синайской пустыни, следуя за проводником, который ехал впереди на верблюде. Через несколько часов в их строю кто-то вскрикнул и упал – люди всполошились. Мужчина средних лет подвернул ногу и сейчас лежал, неловко поджав под себя стопу, и стонал. Бедуин соскочил с верблюда и быстро подошел к пострадавшему, люди с почтением расступились, ожидая, что больному сейчас помогут. Однако они ошиблись – тот вытащил откуда-то из глубин своих накидок пистолет с глушителем, приставил к виску мужчины и выстрелил. В ночной пустыне раздался тихий хлопок, на песок потекла темная струйка крови.

«Боже, я буду следующей, – простонала про себя Валя, и слезы потекли по ее щекам. – Я не дойду». Колючки разодрали ей ноги в кровь, низ живота и послеоперационные швы невыносимо болели, губы потрескались, лицо горело огнем, а масса тела не позволяла ей быстро и легко двигаться. Валентина остановилась – сил идти не было. Тут она почувствовала, что кто-то взял ее за руку и поволок за собой.

- Я не могу больше, – прошептала она. – Оставь меня здесь.
- Иди, – женщина узнала голос Ивана. – Я знаю, что ты можешь. Ты мне денег должна, так что иди и не сдавайся.

И она упрямо шла вперед, поддерживаемая малознакомым мужчиной, который шепотом продолжать шутить и поддерживать ее.

Они сидели на цементном полу, уставшие, но довольные тем, что достигли Израиля. Валя осторожно сняла с плеча голову уснувшего Ивана и вышла из комнаты. Рядом с ней слышалась незнакомая речь.

– Простите, – обратилась женщина к молодым ребятам, – скажите, пожалуйста, где здесь туалет?

– Прямо по коридору, – на русском языке, но с заметным акцентом ответил смуглый парень.

– Спасибо большое, – с улыбкой поблагодарила Валя, однако молодой человек уже отвернулся от нее и продолжил беседу.

После душа женщине полегчало – вода смыла усталость, боль и грязь, настроение улучшилось.

– Ваня, – разбудила она своего спасителя. – Ваня, иди помойся, пока все спят. Сразу легче станет.

– Спасибо, Валя, – ответил Иван и, качаясь, побрел в указанном ею направлении. – Еще бы и одежду сменить, а то рубашка вся потом пропахла.

– Смени, – женщина улыбнулась. – Я вот тоже переоделась.

– Так я не взял ничего, – Иван пожал плечами.

– Ну рубашек у меня нет, – Валя нагнулась к своему рюкзаку, – но футболку дать могу. Мне кажется, что тебе она будет по размеру.

– Спасибо тебе большое, Валентина, – Иван с радостью принял в дар чистую одежду.

– Это тебе спасибо, что не дал умереть в пустыне, – женщина прижала руки к груди.

– Да это что? – усмехнулся Иван и отправился в туалет. – Обращайтесь, если что.

Душ действительно помог – чистые и довольные мужчина и женщина уснули спокойным сном, прислонившись друг к другу.

Наступило утро.

– Подъем! – услышала Валентина сквозь сон и открыла глаза. – Мужчины встали и вышли за мной.

– Ваня, – позвала Валентина нового друга.

– Возьми, – тот уже не спал. – Это данные моей жены. Мало ли что...

– Конечно, Ваня, – пролепетала Валентина и спрятала записку.

Иван подошел к женщине и, смутившись, поцеловал ее в щеку. Парень, считавший выходящих на улицу мужчин, посмотрел на прощающуюся парочку и спросил:

– Твоя баба?

– Моя, – соврал Иван, однако эта ложь далась ему очень легко – за несколько дней они с Валентиной очень сроднились.

– Будешь работать с ней, – рявкнул парень и развернулся.

Сердце Вали радостно забилося – она испытывала искреннюю симпатию к этому мужчине, который уже дважды оказывал ей помощь.

Они остались одни и принялись ждать, когда заберут и их.

– Я есть хочу, – сказала женщина, приглаживая растрепавшиеся волосы рукой. – Стой на «шухере», я пойду на кухню – может, они оставили что-то? Я видела вчера, что они пили чай с печеньем.

– Ага! – лукаво кивнул Иван.

Через три минуты Валя вернулась с горячим кофе и засохшим белым хлебом. Мужчина и женщина молча завтракали, и на их лицах блуждали счастливые улыбки. Каждый улыбался своим мыслям, но тем не менее они были вместе.

– А ты молодец, – хмыкнул Иван, когда закончил есть. – С тобой не пропадешь!

Валя счастливо рассмеялась:

– Ага, и в избу горящую войду, и коня на скаку остановлю.

– Точно, настоящая русская женщина! – Иван с восторгом посмотрел на собеседницу. – Счастье для каждого мужчины!

– А как же твоя жена? – осторожно спросила Валя. Ее очень интересовали подробности личной жизни мужчины, так как она к нему испытывала с каждой секундой все большую и большую симпатию.

– Ты знаешь, я думаю, что она спит со своим боссом, – неуверенно ответил Ваня.

– Нет! Не может быть! – У Вали в голове не могло уложиться, как женщина может изменить своему мужу, тем более такому, как Иван.

– Просто мне кажется, что иначе бы она не смогла присылать такие крупные суммы денег домой. Здесь черный рынок, здесь наемной силе не дают хорошо заработать.

– Ну не знаю, Ваня, мне кажется, ты ошибаешься. – Валя продолжила интересующую ее тему: – А детки у вас есть?

– Есть, двое – Роберт и Бианка, шести и семи лет.

– А с кем же ты их оставил? Они что, одни?

– Не волнуйся, они с моей тещей. С ними все в порядке.

– Боже, – простонала Валентина и опустила голову на руки. – Что с нами сделала жизнь? Разбросала по свету детей и родителей! Я так скучаю по Андрюше.

– Это твой сын? – спросил Иван.

– Да, – ответила женщина и рассказала Ване историю своей жизни. Она доверилась ему, потому что вдруг почувствовала, что это ее мужчина, что это тот человек, на которого можно положиться. «За ним, как за каменной стеной, – подумала она. – От него идет какая-то уверенность в завтрашнем дне».

Утром следующего дня их привезли на виллу в Герцелию-Питуах. Увиденное поразило их воображение – на родине они ничего подобного никогда не видели: трехэтажный белый особняк, окруженный зеленью, бассейн, наполненный голубой водой, шезлонги, мраморные дорожки...

– Ну пойдём, жена, – усмехнулся Иван и подал Валентине руку – с утра им выдали фальшивые документы, по которым они считались супругами.

Навстречу им шла маленькая, аккуратно одетая пожилая женщина.

– Здравствуйте, – она протянула руку для приветствия. – Меня зовут Роза.

– А по отчеству? – поинтересовалась Валя.

– В Израиле нет отчества.

– Хорошо, – женщина улыбнулась. – Тогда меня зовут Валя, а моего мужа – Иван.

– Вы очень красивая пара, – промолвила Роза и с удовлетворением посмотрела на них.
– Так приятно, когда между мужем и женой такая любовь.

Валя смутилась и покраснела, хотя замечание новой знакомой ей польстило, а Иван довольно улыбнулся – Валя ему очень нравилась.

– Пойдемте, я покажу вам вашу комнату, молодые люди.

Они шли по дорожкам сада, и Валя любовалась анютиными глазками в разноцветных горшках.

– Роза, а почему растут только эти цветы? Это какая-то традиция? – Валентина была искренне удивлена.

– А они сезонные. Потом садовник их поменяет.

– Как это? – женщина недоумевала.

– Наступит сезон цветения других растений, и тогда вдоль дорожек будут стоять горшки с другими цветами.

– Ой как вы интересно придумали! – с восхищением откликнулся Иван. – А как вы их поливаете? Здесь же их невообразимое количество.

– У нас автоматическая поливка, – улыбнулась Роза. – Во всем Израиле так, не только на нашей вилле. Давайте я вам расскажу о ваших обязанностях. Тебя, Иван, мы будем использовать в качестве рабочей силы – ты должен помогать садовнику и делать прочую тяжелую работу. А тебя, Валя, мы наняли как медсестру ухаживать за парализованной хозяйкой.

– Вот так всегда: все есть у человека, а здоровья нет, – посочувствовала больной Валентина.

– Да это все не ее, а сына, – объяснила Роза. – Он поселил здесь мать, а сам работает и живет с семьей за границей. Но он всегда в курсе всего, что происходит с

его мамой Дафной.

– Какая сторона тела парализована? – В Вале проснулся врач.

– Правая, – ответила Роза. – Дафне шестьдесят семь лет. Несколько лет назад у нее случился инсульт, очень обширный. Но слава богу, врачи ее спасли, только теперь она вот в таком состоянии. Она вроде все понимает, но молчит, даже глаза не открывает. Дафна лежит и чуть шевелит пальцами левой руки.

– Что будет входить в мои обязанности?

– Делать уколы, массаж, кормить протертой пищей с ложечки и купать. Главное, чтобы она была ухоженная, без пролежней... Я очень надеюсь, что твоя помощь как настоящего врача ей не понадобится.

– Я тоже, – уверенно сказала Валентина.

Вечером Валя знакомясь со своей пациенткой. Как только переступила порог комнаты Дафны, она мобилировалась, вспомнив все навыки врача.

– Здравствуйте, Дафна, меня зовут Валентина, – проговорила женщина, но в ответ не дождалась никакой реакции.

Валя осторожно взяла в руку правую ладонь старушки и повторила свои слова – реакции опять никакой.

– А она русский понимает? – женщина обратилась к Розе.

– Раньше Дафна понимала по-русски, хотя она полячка. Они приехали в Израиль из Польши. А вот сын ее русский язык не понимает!

– Ладно, надеюсь, что сейчас она просто не хочет со мной разговаривать, – промолвила Валентина. – Потому что другого языка, кроме русского, я не знаю.

– Уверена, что понимает, – улыбнулась Роза и повела Валентину ужинать. За столом их уже ждал Иван.

Валя присела на краешек кровати и не знала, что ей делать, ведь им с Иваном, который сейчас был в душе, предстояло спать вместе, под одним одеялом. «Надо, наверное, лечь», – смущаясь, решила женщина и устроилась на самом краешке большой постели. В этот момент в комнату вошел Ваня.

– Валя, ты спишь? – осторожно спросил он.

– Нет, не сплю, – так же осторожно ответила она. – Так устала, а вот легла – и сна нет.

Иван лег в кровать, и матрас прогнулся под его весом.

– Как здесь хорошо... – продолжила «фальшивая жена», пытаясь как-то отвлечься от неловкой ситуации. – Кондиционер так приятно охлаждает. Мне эта комната больше нравится, чем моя квартира в Кишиневе.

– Да, – задумчиво промолвил Иван.

Вдруг он повернулся и погладил руку Валентины, лежащую поверх одеяла. От его прикосновения ее бросило в жар. Она повернулась на левый бок и оказалась лицом к лицу с мужчиной. Через секунду он впился ей в губы, а руки начали мять мягкую грудь. Валя застонала от удовольствия, и этот звук словно был сигналом к наступлению – Иван сорвал с себя трусы и мгновенно проник в ее влажное лоно. Буря страсти, нерастроченной любви, нежности и желания захватила их...

Они лежали обессиленные – от случившегося им обоим было хорошо и спокойно.

– Спокойной ночи, Иван...

– Спокойной ночи, Валюша...

Мужчина и женщина заснули, держась за руки, словно боялись отпустить друг друга даже на миг. «Господи, как я счастлива!» – успела подумать Валя перед тем, как провалилась в сладкий сон.

Глава 12

Багажа у Ирины не было, поэтому она после паспортного контроля сразу вышла из прохладного аэропорта на улицу – от жары перехватило дыхание. «Я в аду! – подумала она, пытаясь глазами найти хоть малейший намек на тень. – Не зря я так ненавижу эту страну! Это же настоящий ад!» Она стояла, а люди с телегами, нагруженными багажом, обтекали ее, словно она была женой Лота, превратившейся в соляной столб. Так прошло несколько минут, и тут она услышала русскую речь. «Боже, спасибо тебе за помощь!» – подумала женщина и метнулась к людям, говорившим на ее родном языке.

– Извините меня, пожалуйста, – Ирина с мольбой смотрела на пожилую женщину. – Я прилетела из Украины. У меня сыновья тут служат, они солдатики...

– А где они служат? Вы знаете номер части? – Незнакомка остановилась и с участием посмотрела на Иру, пытаясь ей хоть чем-то помочь.

– Нет, ничего не знаю, – несчастная мать, вспомнив о своей беде, готова была расплакаться.

– Ну-ну, успокойтесь, – пожилая женщина погладила Иру по руке. – Поедем к нам – у нас поживете, пока не найдете детей.

– Я не знаю, как вас благодарить, – Ирина засеменила за своей неожиданной спасительницей.

«Неужели я ошибалась? – думала Ира по дороге. – Может, это не проклятая страна, как я думала, а воистину святая земля? Разве может быть такое, чтобы чужие люди вот так вот позвали переночевать и готовы оказать помощь? Только святые люди так могут сделать!»

– Мы живем в Нетании, – тем временем объясняла пожилая женщина, когда ее муж и двое сыновей, которым было около пятидесяти лет, положив багаж, расселись в машине. – Наша семья религиозная. Поэтому я хочу предложить тебе пожить у нас, пока ты будешь искать своих детей.

Ира недоуменно посмотрела на собеседницу. Сказанные слова не складывались в единую картинку.

– Ты не поняла, да? – женщина усмехнулась. – Ничего, поживешь в Израиле подольше – поймешь. А пока слушай, что я хочу тебе предложить. Ты будешь помогать мне по дому, а я тебе предоставлю кров и еду. Невестки мои опять беременные, а мне уже тяжело.

– Невестки беременны? Сколько же им лет? – Ира слушала женщину, широко раскрыв глаза. – Ваши сыновья старше меня!

Женщина рассмеялась.

– В религиозных семьях, – объяснила она, – рожают до тех пор, пока Бог дает детей. У меня, например, их шестнадцать.

– Как? – Ира побледнела. – У вас двойняшки, наверное, как у меня?

– Нет, – спокойно ответила она. – По одному рождались, почти каждый год. Бог, к сожалению, двоих забрал.

– Это невозможно, – Ирина мотала головой. – Как же вы справлялись? Я с двумя еле управлялась! А у вас шестнадцать!

– С Божьей помощью, – с улыбкой промолвила старушка. – У нас все происходит с Божьей помощью. Иначе – никак. Это не так страшно, как кажется. Старшие нянчили младших, у меня всегда были помощь и поддержка. А когда я родила младшую дочь, у меня уже были внуки... Ну, заговорила я тебя, а мы уже подъезжаем.

Ира выглянула в окно – перед глазами мелькали светлые аккуратные дома, улицы сверкали чистотой, везде, где только можно, была зелень. «Нет, это все-таки не ад, – снова себе сказала Ирина. – Это больше похоже на рай, на Божий дом».

В маленьком райончике, куда повернул автомобиль, было шумно: с визгом носилась детвора, женщины развешивали мокрое белье прямо в окнах домов и переговаривались друг с другом. Но больше всего Ирину поразили мужчины – они степенно и очень сосредоточенно ходили по улице в черных фраках, в шляпах и с пейсами. Ира удивленно посмотрела на женщину, пожалевшую ее.

– Да, забыла познакомиться, – улыбнулась та. – Меня зовут Двойра.

– Очень приятно. А меня Ира зовут, – заулыбалась и протянула руку Ирина. Она с удивлением отметила, что впервые здесь, на этой земле, которую так ненавидела, сама первая пошла на телесный контакт, первая протянула руку. Она вдруг почувствовала, что ее зажатость, сухость и черствость куда-то уходят из ее сердца, словно заботливый садовник только что полил засохший сад ее души живительным раствором.

Двойра мягко пожала руку женщины, но сказала:

– Ты только мужчинам руку не подавай – у нас женщине нельзя касаться мужчины.

– Понятно, – вслух сказала она, а про себя подумала: «А как же дети появляются тогда?»

Утром Двойра разбудила Ирину.

– Ты извини, что тревожу тебя, – мягко произнесла она. – Сейчас мой сын едет в Тель-Авив, он поможет тебе найти сыновей.

– Спасибо большое, – Ира вскочила с кровати и убежала в крохотную ванную комнату. Через минуту она уже была одета и готова к выходу.

– Пойдем позавтракаешь, – Двойра поманила за собой свою нежданную гостью.

– Спасибо вам большое, Двойра, за заботу, но мне кусок в горло не лезет.

– Хорошо, не буду настаивать, – женщина мягко улыбнулась. – Вот тебе сэндвич и бутылка воды. Бери, не отказывайся, пригодится.

– Спасибо вам, спасибо, – лепетала Ирина, которой очень хотелось как-то отблагодарить эту святую женщину, но она не знала, как.

– Вот наш адрес, – Двойра протянула белый листок бумаги. – Если не найдешь сыновей, то приезжай – наш дом для тебя всегда открыт.

От полноты чувств у Иры потекли слезы – за последние двадцать лет это были первые слезы радости и благодарности Богу и людям, оказавшимся в этот момент рядом с ней.

– Ну-ну, не плачь, Бог всегда с тобой.

Ирина порывисто обняла женщину и прижалась к ней. Двойра тихонько рассмеялась и по-матерински погладила короткий ежик Ириных волос:

– Ступай. С Богом.

Аарон остановился возле какого-то забора.

– Здесь военная часть, – сказал он, глуша двигатель. – Дай паспортные данные своих сыновей. Пойду узнаю.

Ира протянула бумажку и тоже вышла из машины – сидеть в бездействии она не могла. Солнце нещадно палило, однако она не чувствовала ничего, кроме волнения за сыновей. Наконец появился Аарон. Ира подбежала к нему и схватила его за рукав, забыв предупреждения Двойры. Мужчина с брезгливостью оттолкнул ее, снял пиджак и начал отряхивать. Ира оцепенела: «Боже, я осквернила мужчину! Прости меня, Господи! Я не со зла! Я от тревоги за моих сыновей!» Откуда взялись эти слова в ее голове и в сердце, она не знала, но что-то неумолимо менялось в ней здесь, на Святой земле.

– Тебе повезло, – сказал мужчина, когда закончил процедуру очистки своей одежды. – Твои сыновья числятся здесь. Один из них сейчас в больнице, второй – на посту. Я отвезу тебя.

– Куда? – Ира от радости не понимала, куда ее собираются везти – в больницу или на пост.

– Садись в машину, – скомандовал Аарон и завел двигатель. За всю дорогу он не вымолвил больше ни слова.

Автомобиль снизил скорость и припарковался на площадке перед большим зданием.

– Это больница? – вскрикнула Ира и начала отстегивать ремень безопасности.

– Да, мы приехали, – Аарон потянулся к двери, чтобы открыть ее, но Ирина уже была на улице.

– Спасибо вам за все, – женщина со всех ног бросилась к входу.

- Подожди! – нервно крикнул мужчина. – Ты же не найдешь там ничего!
- Найду! – неслось уже издалека. – Еще раз спасибо! И Двойре – тоже!

Глава 13

Лиза лежала в кровати Бенедикта и рассматривала его профиль, пока мужчина нежно водил пальцами по ее влажному от страстной ночи телу. Она была счастлива, покой и умиротворенность наполняли ее тело. Вдруг она услышала какой-то шорох... Непонятная тревога сдавила грудь, ей сразу вспомнился женский силуэт, который она видела в окне в день своего приезда. Лиза схватила с пола платье и накинула на голое тело.

- Лизонька, – встревожился мужчина, – ты чего испугалась?
- Здесь кто-то есть, – прошептала она.
- Ну что ты, милая, тебе показалось, – мягко ответил Бенедикт, однако выражение его лица тут же изменилось.
- Я хочу уйти, – тихо промолвила женщина.
- Я не держу тебя, любимая, – грустно сказал мужчина.

Лиза молча вышла в темный коридор и прислонилась к стене. Сердце тревожно колотилось. «Надо пробираться к своей комнате», – решила она и пошла вперед, держась за стенку. За спиной хлопнула дверь, и послышались чьи-то шаги. Лиза побежала – шаги сзади тоже стали быстрее. «Это женщина», – мелькнуло в ее голове, и она вспотела от страха. Снова женский силуэт за занавеской мелькнул в ее памяти. Она прижалась к стене и почувствовала, как чья-то мягкая одежда коснулась ее. Через секунду свет в коридоре зажегся.

Лиза стояла, прижав руки к груди. Она задыхалась. «Иди», – приказала самой себе девушка, и, собрав всю волю, отправилась к своей комнате. Наконец впереди показалась знакомая дверь. Она рывком открыла ее и вбежала в свои покои, тут же заперев замок изнутри.

Дрожа от страха, она обошла все уголки своего жилища, села на кровать и разрыдалась от пережитого кошмара.

Прошел час... Постепенно Лиза приходила в себя. Наконец она смогла оторвать голову от подушки и вытереть слезы. В этот момент раздался телефонный звонок:

- Спасибо тебе, Лиза, за то, что ты есть в моей жизни! – В трубке звучал голос Бенедикта. – И еще... Ничего не бойся, пока я жив.
- Спасибо тебе, Бенедикт, за счастье быть твоей женщиной! Спокойной ночи!

Девушка разделась и легла в кровать, но сна не было. «Пойду выпью теплого молока с медом», – подумала она и, накинув пеньюар, спустилась вниз. Открыв свой холодильник, Лиза долго смотрела на пустые полки, а потом закрыла дверцу – ни молока, ни меда у нее не было. «Пойду на кухню, – решила девушка. – Там всегда все есть».

Она была права – на общей кухне нашлось и молоко, и несколько банок меда. «Цветочный, гречишный, пустырниковый, липовый... – Лиза читала этикетки и не понимала, в чем разница. – Ладно, возьму гречишный, он цвета красивого, такого насыщенного».

Положив полную ложку меда в стакан с теплым молоком, она пошла обратно в свои апартаменты, как вдруг услышала женский плач.

– Ты урод! – рыдала девушка.

Лиза остановилась в коридоре – ей очень нужно было разгадать тайну женского силуэта, ведь это каким-то образом связано с ее любимым.

– Иди к себе! Ева, я приказываю! – послышался спокойный голос Бенедикта.

– Нет! – завизжала женщина.

Этот крик был так ужасен, что Лиза выронила стакан с молоком – он разбился о мраморный пол коридора. Девушка стояла и смотрела на осколки, лежащие посреди белой лужи.

Раздались быстрые шаги, и Бенедикт подбежал к Лизе в тот момент, когда она присела на корточки, чтобы убрать стекло.

– Не трогай, сейчас все уберут, – мужчина казался спокойным, и только чуть дрожащий голос выдавал его волнение.

Лиза послушно кивнула головой и встала. Бенедикт твердой рукой обнял женский стан и повел любимую в ее комнату.

– С тобой все в порядке? – поинтересовался он, убирая пряди с ее лица.

– Да, все хорошо, – прошептала Лиза.

– Как ты там оказалась?

– Пришла за молоком и медом, – робко ответила девушка.

– Милая, не переживай, тебе сейчас все принесут.

И правда, когда они дошли до комнаты, останавливаясь, чтобы поцеловаться, на столе стоял кувшин с теплым молоком и баночка гречишного меда.

– Это что? – Лиза сверкнула глазами и гневно откинула волосы. – За мной следят?

– Нет, милая, ты на свободе, – устало сказал Бенедикт. Он взял ее голову двумя руками и поцеловал в лоб. – Когда-нибудь я все расскажу тебе, дорогая, а пока отдыхай.

Лиза смотрела на любимого, который осторожно налил ей молока и сейчас размешивал там мед, и думала: «Боже, какой он красивый! Как я люблю его!» Однако загадка женского голоса не давала ей покоя.

Когда мужчина ушел, она залезла на свой любимый подоконник и уставилась в окно. «Что это за женщина, – думала она. – Ее на самом деле зовут Ева или мне показалось? У кого бы узнать? Бенедикт мне не скажет, по крайней мере пока, но мне нужно знать»

сейчас. Может, спросить у того светловолосого слуги? Или нет, лучше самой обследовать дом. Ладно, пора спать – утро вечера мудренее».

Утро на самом деле оказалось мудренее вечера, потому что предоставило Лизе возможность приблизиться к разгадке тайны.

– Милая, – сказал Бенедикт за завтраком, – мне придется уехать на какое-то время. Я буду очень тосковать без тебя, но взять с собой не могу и остаться не могу – мне нужно решить один очень важный вопрос.

– Хорошо, дорогой, – Лиза нежно поцеловала родные губы.

– Береги себя, Лизонька, – мужчина прижал к себе любимое тело и вдохнул его аромат.
– До встречи.

– До встречи, – прошептала девушка. С одной стороны, она не хотела отъезда Бенедикта, так как знала, что будет очень скучать по нему, но с другой – у нее появилась прекрасная возможность обыскать дом.

Сразу после завтрака она надела мягкие мокасины и отправилась на поиски разгадки. План был таков: она стучала в каждую дверь, а потом, не дожидаясь ответа, сразу же в нее входила. Некоторые помещения оказывались пустыми, в одной из комнат целовались двое парней-слуг, где-то люди занимались домашними делами. Пока ничего интересного не встречалось. Лиза дошла до боковой башни и услышала стон. Она, как кошка, отпрыгнула в сторону и спряталась за толстые гобеленовые гардины. В то же мгновение открылась неприметная дверь, и в коридор вышел высокий мужчина с медицинским саквояжем. За ним появился светловолосый слуга, тот самый, который отводил ее когда-то на первую встречу с Бенедиктом. Оба прошли рядом с Лизой, не заметив ее, и спустились вниз – она слышала их удаляющиеся шаги. Девушка вышла и встала перед дверью – искушение войти внутрь и узнать, что за тайна там кроется, было огромным. Она легонько толкнула дверь, но та не поддавалась. «Может, ударить посильнее?» – подумала девушка, но что-то остановило ее. Лиза вернулась в свою комнату...

Дни тянулись словно резиновые – Бенедикт так и не вернулся, и девушка отчаянно скучала по нему, особенно по ночам, когда пронзительный холод не давал уснуть, а память настойчиво подкидывала картинки жарких и страстных ночей с любимым.

А потом у нее поднялась температура, грудь набухла и стала очень чувствительной, и иногда носом шла кровь. Лиза перепугалась и попросила вызвать ей врача.

– Здравствуйте, прекрасная леди, – веселым голосом сказал тот самый мужчина, который когда-то выходил из странной комнаты. – Меня зовут Юрий Александрович.

– А меня Лиза, – представилась девушка.

– На что жалуетесь, милая Лиза? – спросил врач.

Она перечислила свои симптомы и уставилась на мужчину. Тот долго молчал, словно решал в уме какую-то сложную задачу, а потом сказал:

– Я бы хотел вас обследовать. Насколько мне известно, Бенедикт возвращается уже завтра. И я хочу, с его разрешения, конечно, положить вас к себе в клинику. Да, и еще...

Лиза устало потерла виски.

– Вот вам тест на беременность, – Юрий Александрович протянул плоскую коробочку. – Мне пора идти, всего вам доброго, мадам Елизавета.

Девушка вертела в руках коробочку и думала: «Что мне делать? Да, я скорее всего, беременна. Надо сделать тест и все выяснить. Но вот что странно – Юрий Александрович не стал дожидаться результатов, а должен был, он врач... Что это может значить? Что он будет скрывать от Бенедикта мою беременность? Раз не видел, значит, и нет ничего? Так получается? Но зачем ему скрывать это? Есть какая-то причина? Может, и мне пока не надо говорить правду? И вообще, не надо делать тест – как не знала, так и не буду знать. Но камеры! Эти камеры! Все видели, как Юрий Александрович дал мне коробочку, значит, все будут ждать результата. Надо что-то делать...»

Лиза зашла в ванную и осмотрелась – ничего подозрительного не было. Осторожно присев, она опустила тест-полоску в недра унитаза, чтобы замочить указанное место водой, а сама сделала вид, что четко выполняет все инструкции. Через несколько секунд стала видна контрольная полоска – вторая, указывающая на беременность, конечно же, не появилась.

– Вот и славно, – сказала сама себе Елизавета и прошла в спальню, оставив «вещественное доказательство» на краю умывальника.

Она не могла дождаться приезда Бенедикта – девушка на самом деле очень соскучилась и теперь считала часы и минуты до их встречи. Наконец послышался шум колес, и открылась входная дверь – мужчина с огромной коробкой, перевязанной золотым бантом, вошел в холл. Лиза с криком бросилась к нему на шею, забыв, что здесь запрещается разговаривать и издавать какие-то звуки. Бенедикт сначала оторопел от вопля любимой, но потом, поняв, что это так она выражает свой восторг, разулыбался и крепко прижал ее к себе.

– Это тебе, девочка моя, – прошептал он ей на ухо. – Откроешь после ужина, хорошо? А теперь пошли есть, я жутко голоден.

Лиза отдала слуге коробку и, повиснув на руке любимого, направилась в столовую, где их ждал сервированный стол. Мужчина галантно ухаживал за своей избранницей и иногда касался ее эрогенных зон, чтобы разжечь страсть в этой прекрасной женщине, но его уловки были излишни – Елизавета сгорала от желания, сидя рядом с ним, чувствуя его запах, глядя в его глаза. Они оба увлеклись этой игрой и сейчас еле сдерживались, пытаясь не наброситься друг на друга, а подождать хотя бы до конца ужина.

– Милый, мне кажется, что я... – Лиза вдруг решила сказать, что, скорее всего, она носит его ребенка, но в это время вбежал слуга.

Молодой человек показал хозяину что-то жестами, и тот тут же встал из-за стола и быстрым шагом вышел из столовой. Страх вернулся к Лизе, но она попыталась взять себя в руки, продолжая машинально есть. Шло время, а Бенедикт все не возвращался. Прождав еще двадцать минут, она поднялась и прошла к себе.

Лиза мерила шагами свою маленькую комнатку-салон и напряженно думала: «Что мне делать? Пока эта ужасная тайна будет висеть надо мной, я не смогу быть счастлива и спокойна! Да, я могу уехать, я в любой момент могу уехать из этого кошмарного дома, ведь я свободна, Бенедикт мне это обещал, но... Я люблю его, я по-настоящему люблю его и хочу прожить с ним всю жизнь. Мне кажется, мое место рядом с ним, рядом с этим потрясающим человеком, а значит... Значит, мне надо разгадать эту ужасную загадку».

Девушка вышла из апартаментов и огляделась – интуиция подсказывала ей, что Бенедикт сейчас там, в той странной комнате, откуда когда-то слышались стоны, и она не ошиблась – за дверью была какая-то возня и слышался голос ее любимого. Лиза спряталась за гардину и принялась ждать.

Через пятнадцать минут дверь открылась, и на пороге появился бледный, уставший Бенедикт – сердце Лизаветы сжалось от сочувствия и тревоги за него. И в это время какая-то девушка кинулась на него со спины и вцепилась зубами в его руку; мужчина вскрикнул от боли, но защищаться не стал – он стоял, закусив губу и позволяя юной дикарке впиваться острыми зубами все глубже и глубже. Откуда-то из глубины комнаты выскочил тот самый, уже хорошо знакомый ей блондин и что-то вколол девушке – она стала оседать, как тряпичная кукла. Бенедикт кивнул головой и молча пошел к себе, а парень поднял лежащую с пола и занес обратно в комнату.

– О боже! – тихо выдохнула Лиза, моментально вспотев, – голова закружилась, и перестало хватать воздуха. Осторожно присев на корточки, она стала глубоко дышать, словно долгое время была под водой, а теперь вынырнула, и сознание вернулось к ней. Девушка сняла туфли и побежала к себе босиком, однако у двери остановилась, обулась и чинно вошла, пройдя сразу в ванную. Там она присела на край ванны и прислонилась лбом к холодной раковине. «Надо что-то делать, – решила она, плеснув в лицо ледяной водой. – Пойду поговорю с Бенедиктом».

– Можно? – Лиза заглянула в кабинет мужчины – тот сидел в кресле, устало уставившись в монитор компьютера.

– Конечно, любимая, заходи. Извини, девочка, что я сбежал с ужина, так вышло, не сердись.

– Ну что ты, милый, я не сержусь, – девушка присела на подлокотник кресла Бенедикта и ласково погладила его по голове. Тот поднял глаза и с невыразимой нежностью посмотрел на нее.

– Ты совсем бледная, любовь моя. Тебе плохо? – взволнованно спросил он. – Мне Юрий Александрович звонил сегодня...

– Он рассказал? – Сердце замерло в ожидании.

– Да, он сказал, что хочет положить тебя в клинику, – с какой-то болью произнес Бенедикт и уткнулся лицом в нежные ладони Лизы. – Как я боюсь врачей, больницы... Там пахнет смертью...

– Любимый, родной, – девушка обхватила голову мужчины и прижала к себе – ей стало стыдно, что она его в чем-то подозревает и скрывает от него свою беременность. Лиза задохнулась от нежности, которая наполнила ее сердце, когда она успокаивала и защищала от какой-то страшной, но ей не известной беды этого сильного и смелого мужчину. – Не волнуйся, я тебя прошу. Со мной все в порядке, наверное, это просто анемия.

– Завтра утром я отвезу тебя в клинику, – Бенедикт поцеловал набухшую грудь Лизы. – Надеюсь, это ненадолго, а пока скажи мне, тебе понравился мой подарок?

– Ой, – девушка смутилась. – Я еще не открывала коробку. А пойдём вместе, пожалуйста.

Бенедикт ласково улыбнулся и встал из-за стола – мужчина и женщина, крепко взявшись за руки, шли в Лизины апартаменты.

Девушка развязала бант и ахнула:

– Оно великолепно! Это Диор?

– Почти, дорогая, – Бенедикт улыбнулся и удовлетворенно откинулся на спинку кресла.

Он видел, что его подарок пришелся избраннице по вкусу. – Это британский кутюрье Джон Гальяно, который является главным дизайнером Дома Диора. Тебе нравится? Померяй!

Лиза медленно разделась и взяла в руки тонкую золотую тряпочку – мягкий шелк заструился по ее рукам... Она сняла нижнее белье и надела подарок любимого прямо на голое тело – платье село точно по фигуре, выгодно подчеркивая грудь и бедра.

– Давай я тебе помогу! – хрипло сказал Бенедикт и застегнул сзади изящную «змейку». После этого он поцеловал Лизу в шею и уткнулся носом в ее роскошные волосы.

Она повернулась к нему, и в глазах загорелся опасный огонь страсти.

– А теперь расстегни, – прошептала она и приникла губами к нему. Через мгновение платье соскользнуло к ее ногам, а она обнаженным телом прижалась к любимому.

Бенедикт нежно коснулся ее груди, а потом повел, целуя на каждой ступеньке, по винтовой лестнице в спальню...

В этот вечер мужчина сдерживал свой пыл, он был неестественно осторожен, очень мягок и нежен. Лиза трепетала под его руками, однако ее насторожила такая перемена в любимом.

– Милый, с тобой все в порядке? – Девушка откинулась на подушки и переводила дыхание, чувствуя, как после оргазма легкость наполняет ее тело.

– А что, дорогая? – Бенедикт приподнялся на локте и посмотрел на Лизу.

– Ты сегодня был необычно сдержан... Нет-нет, дорогой, ты всегда великолепен, но у меня возникло ощущение, что ты словно боишься чего-то... Или, может, плохо себя чувствуешь...

– Ты сегодня пахнешь по-другому, – проводя большим пальцем по ее распухшим от поцелуев губам, ответил Бенедикт.

– Как это по-другому? – Лиза смутилась. – Я мылась перед ужином.

– Нет, глупенькая, – мужчина со смехом прижался к ее губам. – Ты пахнешь беременной женщиной.

– Беременной? – Лиза напряглась. Она хотела сама рассказать любимому о своем подозрении. – Но я делала тест, он ничего не подтвердил.

– Потому что для положительного результата нужна моча, а не вода из унитаза, – Бенедикт нахмурился.

– Ты знаешь? – Лиза осеклась.

– Почему ты так сделала? – Голос мужчины стал суровым. – Ты мне не доверяешь? Или чего-то боишься?

– И то и другое, – после паузы ответила девушка. – Я не понимаю, почему люди здесь не разговаривают! И что за женщину ты держишь взаперти в боковой башне? Ты что, «синяя борода»?

Бенедикт встал, оделся, посмотрел с сожалением на Лизу и ушел, так ничего и не сказав.

Глава 14

Света все же осталась работать в этой семье: Женя был прав – наутро Адель даже не вспомнила, что было накануне, а Израиль Давидович больше не возвращался к этой теме.

Работала она много и тяжело: день начинался в семь утра и заканчивался порой в час ночи, при этом, пока Адель находилась с семьей, Свете почти не давали выходных дней – она смотрела за детьми, помогала Виктору и иногда готовила самостоятельно. Французский повар так и не смирился с появлением русской девчонки в его владениях, поэтому всячески ей вредил: он подсыпал в ее блюда то перец, то соль в таком количестве, что есть это было невозможно, а сам при этом подавал изысканные французские яства, желая, чтобы конкурентку выгнали за несостоятельность. Света долго терпела, но все же не выдержала: однажды, когда Виктор готовил дынный десерт, она насыпала в его блюдо соды и вышла в сад, где играли дети, – у нее было прекрасное алиби, ведь сегодня она работала няней, а не кухаркой, значит, никак не могла находиться на кухне. План сработал: вечером Адель, положив в рот кусочек дынного желе, скривилась и выплюнула желтый комок прямо на белоснежную скатерть. Через минуту разразился скандал – она визжала так, что дети закрывали руками уши, боясь оглохнуть от маминых воплей.

– Простите, – лепетал повар. – Я делал все точно по рецепту. Это все русская девчонка напортила.

– Света? – Израиль Давидович уставился на Виктора. – Она сегодня весь день была с детьми, если я не ошибаюсь.

– Я не знаю, где она была, но это точно сделала она, – молодой человек не унимался.
– Я не мог так ошибиться, вы же знаете!

– То есть ты хочешь сказать, что ты не справляешься самостоятельно, поэтому попросил помощи у Светы, даже зная, что она занята мальчиками?

– Нет, я не просил ее помощи, я все могу делать сам. – Виктор почувствовал, что загнал себя в ловушку.

– Значит, и десерт ты делал сам? – подала голос Адель.

– Сам, госпожа Адель!

– Так вот сам и жри это дерьмо! – вскричала женщина и швырнула в повара блюдо. По его белоснежному костюму растекалась желтая слизь.

В тот же вечер Виктор подошел к Светлане и предложил перемирие, на что она спокойно согласилась.

– Ну что ж, плохой мир все же лучше хорошей войны, – она улыбнулась тому, над кем все же взяла верх, и протянула руку. Мужчина недовольно пожал ее.

С тех пор Виктор прекратил издевательства, оценив противника. Однако жизнь все равно была нелегкой – Света так и не погуляла по Парижу, не сходила в Лувр и не видела Эйфелеву башню. Все, что она видела, – это продуктовые магазины и рынки, правда, изредка Женя приглашал ее в недорогие кафе, когда у молодых людей оставалось время после череды закупок.

Прошло полгода. Света искренне полюбила молодого человека и не представляла жизни

без него. Теперь она мечтала, что они вдвоем заработают денег на искусственное оплодотворение и она будет вынашивать его сыночка, как две капли воды похожего на папу. И ее не смущало, что Женя не говорил ей слов любви, не дарил цветов, не мечтал о совместном будущем. Девушка не знала, что молодой человек считал ее просто «полевой женой», с которой ему удобно жить. Он не любил ее, но здесь, вдали от дома, ему хотелось, чтобы кто-то был рядом, с кем можно было бы поговорить, кто о тебе заботится, кто любит тебя. Света на эту роль идеально подходила, но она так и не завоевала его сердце. Она не была любимой, она была удобной.

Однажды ночью в их квартире раздался звонок. Женя и Света лишь недавно уснули, утомившись от ночных утех, поэтому Алексей быстрее среагировал на трель телефонного аппарата и первым снял трубку. Он молча выслушал собеседника, а потом ворвался в комнату девушки без стука.

– Адель скончалась от передозировки! – закричал он. – Скоро здесь будет полиция.

– Почему? – Девушка хлопала спросонья глазами.

– Потому что наркоту для нее доставали мы. – Женя вскочил и начал быстро одеваться. – Света, давай свои документы.

– Зачем? – ничего не понимала та.

– Мы летим в Израиль, там нас не найдут.

– Но как?

– Алексей нам поможет с оформлением фиктивного брака! Я еврей, я имею право в любой момент въехать на территорию исторической родины. А ты как моя жена – тоже.

– Но я замужем, – заплакала она. – Ничего не выйдет.

– Блин, твою мать! – Женя метался по комнате. – Придется тебе остаться здесь! Позвони мужу – пусть вытаскивает тебя сам из этой заварушки!

– Я не могу, – девушка уже рыдала. – Он в Израиле, я не знаю, как его найти!

– Почему в Израиле? – Женя остановился как вкопанный.

– Он еврей, он ухал туда к своей матери и бросил меня!

– Ты идиотка! – заорал Евгений, а потом захохотал. – Так, собирайся, мы летим в Израиль: я – на свою историческую родину, ты – к своему мужу-еврею.

Побросав вещи, троица вылетела на улицу и села в хозяйский джип. Алексей завел двигатель.

– В аэропорт, – скомандовал Евгений и хлопнул ладонью по колену.

Света сидела на заднем сиденье и прижималась лбом к окну – ей было искренне жаль Израйля Давидовича. «Бедный мужчина, – думала она. – Он всю жизнь промучился с женой-наркоманкой, а теперь вообще остался вдовцом! Один, с тремя детьми! И мы уехали, бросили его, даже не помогли. Сейчас же похороны, допросы будут. А детки? Я бросила детей тогда, когда им нужна чья-то поддержка! Они же потеряли мать...» Девушке очень хотелось прямо сейчас остановить джип и выйти, чтобы вернуться в семью, которую постигло горе, однако отваги на такой поступок ей не хватало. «С другой стороны, – оправдывала она свое малодушие, – он мужчина вполне солидный,

наследство жены ему в любом случае останется. Может, найдет себе добрую любящую женщину, которая его детей примет. Вдруг она будет такая же, как я, бесплодная, и она полюбит мальчишек всей душой. Да, так даже хорошо, что Адель скончалась. Она сама виновата. А им лучше будет жить без нее».

Аэропорт имени Шарля де Голля встретил их многоликой толпой.

– Я в Амстердам! – сказал Алексей, глядя на расписание вылетающих самолетов.

– Мы тоже, – быстро сориентировался Евгений, – а там разберемся.

Троица купила билеты на ближайший рейс и через полчаса сидела в салоне самолета. Все молчали, погружившись в свои мысли и страхи, пока шасси не оторвались от земли.

– Пронесло! – захохотал Алексей, а счастливый Евгений от избытка чувств и адреналина прижал к себе Свету и крепко поцеловал ее.

– Я так счастлива, – воскликнула она. – А что будет дальше?

– А потом мы придем в израильское посольство, оформим эмиграционные документы, – Евгений начал мечтать. – Потом прилетим в Израиль, а там...

– У меня есть пятьсот евро, – перебила молодого человека девушка.

– Вот и славно, – Женя потрепал Свету по голове. – На первое время тебе хватит.

– Мне? – не поняла она. – Почему «мне», а не «нам»?

– Потому что в Израиле наши пути разойдутся, – равнодушно ответил Евгений.

– Как? А как же мы? А как же я? – Света чуть не плакала.

– А что ты? – он недоуменно смотрел на свою любовницу. – Ты найдешь мужа, и вы заживете душа в душу.

– Но я не знаю, где он! – рыдала Света. Ей было страшно и больно. Она никак не ожидала, что Женя, ее любимый Женечка, так просто отвернется от нее, выбросит ее как надоевшую игрушку, но больше всего ее волновало, как она будет жить в чужой стране, не имея денег, не зная языка. И даже если она хотела отыскать Валеру, в чем сейчас очень сомневалась, она все равно не знала, где его искать.

Так в конце февраля Света оказалась на Земле обетованной, встретившей ее проливным дождем.

Глава 15

Валя и Иван работали каждый день – несмотря на тяжелый труд, им было хорошо. Работа приносила удовольствие, а нежданная любовь – неземное счастье. Единственным неприятным моментом стала, как ни парадоксально, зарплата. Ровно через месяц и Вале, и Ивану выдали по одной тысяче долларов, но в тот же вечер приехал худой израильтянин, когда-то отправивший их на эту виллу, и забрал у каждого по семьсот

долларов.

– Вам хватит и трехсот, – усмехнулся он и вышел, даже не попрощавшись.

Валя чуть не плакала, глядя на эти жалкие бумажки, оставшиеся у нее в руках.

– Их же ни на что не хватит! – Женщина поняла, в какую кошмарную ситуацию попала. – Нам не вырваться теперь из их лап! Мы в рабстве, Ваня!

– Я же тебе говорил, – Иван жадно затянулся сигаретой, – что они забирают большую часть денег. И это еще раз доказывает, что моя законная супруга спит с этими торговцами людьми.

– И что нам теперь делать?

– Что? – Иван помотал головой. – Да ничего. Эти убить могут, а кто нас, нелегалов, искать будет? Никто.

Повисла пауза.

– Может, жене позвонить? – почесал затылок Ваня. – Сказать ей, что я приехал в Израиль?

– Не надо! – перепугалась Валя. Она поняла, что сейчас может потерять свое зыбкое, нечестное счастье. – Не звони, мы что-нибудь придумаем. Господь поможет нам. Он мне всегда помогает. Вот тебя послал.

Валя прижалась к мужчине и вдохнула родной запах, Иван одной рукой прижал к себе женщину и положил ей подбородок на макушку.

– Счастье ты мое наивное, – усмехнулся он, однако почувствовал, что не врет – оказывается, он действительно счастлив, даже в таких рабских условиях, даже в чужой стране на нелегальных основаниях. Когда рядом Валя, все горести и беды отступают.

Жизнь потекла по-прежнему. Мужчина и женщина все делали вместе: работали, ели, спали; они сутки проводили бок о бок, но не уставали друг от друга. Они были искренне счастливы. Иногда, в редкие выходные дни, они уходили к морю, взяв с собой подстилку и фрукты. Иван всегда нес старый хозяйский зонтик.

– Мне нельзя быть под солнцем, – как-то сказала Валя, когда они впервые пришли на пляж и Иван решил понежиться под палящими лучами.

– Почему? А как же ты дома мамике помогала? – он недоуменно смотрел на женщину. – Там тоже не Северный полюс.

– Это когда было? – задала риторический вопрос Валентина и печально посмотрела в бескрайние просторы Средиземного моря.

– Когда? – переспросил Иван и погладил ее теплое белое плечо.

– Давно, в другой жизни, – печально ответила она, но свою тайну не рассказала. Ей не хотелось вспоминать, как она отчаянно боролась за свою жизнь. И еще больше ей не хотелось потерять то, что она имеет сейчас, – искреннюю и взаимную любовь. «Сколько Бог отпустит счастья, столько пусть и будет, – думала она. – Пусть недолго, но я хочу любить и быть любимой».

Однажды Иван, проведя рукой по шраму на ее животе, спросил:

– Это что?

Валя замаялась: одно дело – недоговорить, смолчать, утаить, а совсем другое – соврать тому, кого любишь. Она колебалась, но все же ответила так:

– Внематочная беременность была. Так вышло. Теперь не смогу иметь детей.

– Ну это ничего, – улыбнулся мужчина и погладил послеоперационный шов. – И у тебя, и у меня есть дети. И так проживем.

– Дети... – прошептала Валя. – Дети...

Она смотрела, как на пляже резвились израильские ребятишки и плескались в прозрачных водах моря. Валя вспоминала, как мечтала свозить Андрюшу на море, но так и не получилось. А теперь Андрей стал совсем взрослым, у него уже своя жизнь, и совсем скоро он уедет от нее и будет ездить на море один, или с друзьями, или даже с невестой. Она помнила, как жила до этого – просто по четко установленному сценарию, не пытаясь бороться, искать, узнавать, просить, требовать. Она просто существовала... Но теперь, теперь она ценила каждый день, подаренный ей Богом, ценила голубое небо, звонких птиц, яркие цветы, а больше всего – эту счастливую встречу с Ваней.

Прошло три месяца. В этот вечер они закончили поздно. Валя измучилась – Дафна никак не засыпала: она мычала, что-то показывала глазами и явно нервничала. Не зная, что делать с беспокойной пациенткой, женщина увеличила ей под свою ответственность дозу снотворного. Это подействовало – Дафна наконец заснула. Валя зашла в их с Ваней комнату и присела на кровать – усталость свинцовым грузом навалилась на нее, но женщина не поддавалась ей – она приняла душ и решила устроить небольшой праздник для любимого. Сварив мамалыгу, она накрошила туда брынзу и достала бутылочку вина. Ваня засиял:

– Где ты мамалыгу купила?

– Мы с Розой ездили за продуктами, и я увидела настоящую кукурузную муку.

– Милая, это просто восхитительно! Ты волшебница!

Валя растаяла от комплимента, а Иван довольно потирал руки, глядя на накрытый стол. Он разлил вино по бокалам и отодвинул для Валентины стул:

– Ну садись, Валюша.

Ужин проходил в тихой семейной обстановке, когда услышали какой-то крик.

– Что это? – испуганно просила женщина.

– Я сейчас посмотрю, – Иван поднялся и направился к двери.

В этот момент дверь распахнулась, и к ним ворвалась молодая красивая женщина с воплем: «Мне нужно к моему мужу!»

– Родика? – удивленно произнес Ваня и неосторожно задел стул, на котором он только что сидел. Раздался грохот. Валя отскочила в сторону и прижала руки к груди – ее счастье разваливалось у нее на глазах.

– Воровка, гадина! Я полицию вызову! – визжала Родика, а вокруг нее собирались работники виллы и соседи. Бледный Иван стоял в дверном проеме, не пуская бывшую жену в комнату и защищая Валю.

Роза сориентировалась в ситуации быстрее всех – она вызвала полицию, сказав, что у них в доме какая-то сумасшедшая, – ни Валю, ни Ивана женщина выдавать не собиралась.

Полиция прибыла мгновенно и забрала Родикю – к Вале и Ивану у них вопросов не было. Вроде все обошлось, но...

Рано утром приехал все тот же молодой израильтянин, который когда-то привез пару на виллу, и хмуро сказал:

– Собирайтесь. Вы здесь больше не работаете.

– Как? Почему? – они недоумевали.

– Вы здесь не останетесь.

– Но нам же еще не заплатили за этот месяц! – Валя вышла вперед – ей очень нужны были деньги, и она от них отказываться не собиралась.

– Придурки, – заорал парень. – Вы хотите, чтобы вас депортировали, а хозяева заплатили штраф по три тысячи долларов за каждого? Да вы за всю жизнь с ними не расплатитесь!

Так закончилась их спокойная семейная жизнь. В машине Валя и Иван сидели молча, тесно прижавшись друг к другу, – им казалось, что это их последние минуты вместе, а дальше судьба разлучит их и больше не даст никогда шанса увидеться. Валя, которая всегда покорно следовала судьбе, вдруг поняла, что она не готова подчиняться и будет сражаться за свое счастье. Женщина осторожно достала из сумки клочок бумаги, ручку и написала адрес мамки, чтобы Ваня знал, где ее искать, когда они наконец вырвутся из израильского «плена». Иван незаметно взял бумажку и моргнул глазами, показывая, что он все понял.

Перед глазами замелькали дома Тель-Авива. Машина подъехала к овощному складу.

– Ты будешь работать и жить здесь! – рявкнул парень Ивану.

– А я? – Валя смотрела на него глазами, полными ужаса, однако все же молчать не стала.

– А тебе я скажу утром. Пока – спать.

Их оставили в пустой комнате, где пахло гнилой картошкой. Они обнялись и поцеловались.

– Роза сказала, – прошептала Валентина, – что мы можем общаться через нее. Вот ее номер телефона.

На полной руке женщины были написаны цифры, Иван молча кивнул головой.

– Запиши, – с мольбой проговорила Валя.

– Я запомнил, – уверенно ответил мужчина, но все же взял ручку и переписал номер телефона туда, где был уже адрес Валиной мамы.

– Милая, я люблю тебя, – прошептал он. – Я что-нибудь придумаю. Мы обязательно будем вместе.

– Я тоже тебя люблю, Ваня. – Мужчина и женщина плавно опустились на голый цементный

пол...

Когда Иван уснул, Валя беззвучно заплакала, жалея себя, любимого, свою молодость, своих родителей, которые всю жизнь прожили в нищете и ничего не имели, своего сына...

Глава 16

Ирина вбежала в холл больницы и осмотрелась – прямо перед ней была справочная.

«Вот туда мне и надо», – решила она и кинулась к девушке.

– Наливайко Петр где лежит? – громко спросила она по-русски, но в ответ услышала что-то на иврите.

– Вы говорите по-русски? – Ира нервничала и злилась, но это было бесполезно – девушка что-то лепетала на непонятном наречии.

«Черт!» – выругалась она и отправилась по коридорам больницы, минуя охрану и врачей, которые даже не осмелились останавливать уверенно вышагивающую Иру.

– Вы говорите по-русски? – спрашивала она каждого светлокожего встречного, однако все недоуменно качали головой.

«Вот невезение, – думала она, мечась от одного человека к другому. – Ведь в Израиле такой большой процент русскоговорящих людей! Почему же в этой чертовой больнице нет никого, кто меня бы понял?!»

Наконец удача улыбнулась ей – пожилой мужчина согласно кивнул головой. Ирина с облегчением вздохнула и сказала:

– Я ищу своего сына. Он солдат. Его имя Наливайко Петр. Я хочу знать, в какой палате он лежит.

Пожилый мужчина снова согласно кивнул головой и пошел к справочной. Он несколько минут говорил с девушкой на иврите, а потом повернулся к Ире:

– Пойдемте, я отведу вас к сыну.

– Спасибо вам большое, – женщина протянула руку, чтобы отблагодарить мужчину, но вовремя ее одернула – кто знает, вдруг она и его осквернит своим прикосновением?

Они шли по нескончаемым коридорам, потом поднялись на лифте и попали в хирургическое отделение. Ира перевела дух – совсем скоро она увидит своего Петеньку. Сердце снова сжалось от боли за сына.

– Вам сюда, – наконец произнес ее спаситель возле одной из дверей.

– Спасибо, всего вам доброго.

– Удачи вам, – кивнул мужчина и пошел обратно.

Ирина открыла дверь – к ней бросилась молодая медсестра, что-то говоря на иврите. Ира поморщилась, но уверенно произнесла по-русски:

– Наливайко Петр.

– Проходите, – уже по-русски проговорила девушка и подвела несчастную мать к постели пациента.

Петя лежал с закрытыми глазами, весь опутанный какими-то трубками. Аппарат искусственного дыхания, вентилировавший его легкие; зонд в носу, через который он получал пищу; капельница, из которой по трубочкам в его вены текли лекарства. Монитор монотонно отстукивал удары его сердца.

– Что с моим сыном? – в ужасе прошептала Ирина, схватившись за спинку кровати.

– Он в коме, – осторожно произнесла медсестра. – Я сейчас позову врача.

Девушка вышла, оставив мать наедине с умирающим сыном.

– Петенька! Мальчик мой! – Слезы рекой полились по щекам Ирины. Она встала на колени и прижалась губами к безжизненной руке своего ребенка.

– Петя, проснись, – как заклинание повторяла она. – Я с тобой! Я приехала! Проснись, прошу тебя!

В палату зашел молодой высокий врач с копной рыжих кудрявых волос.

– Алекс. То есть Александр, – по-русски произнес доктор и протянул женщине руку для приветствия.

– Ирина, – сквозь слезы пробормотала она, но руки не подала – после инцидента с Аароном она была очень осторожна.

Врач помог женщине подняться и даже отряхнул ей колени. Она стояла не шевелясь, словно зомби, – вид лежащего без жизни сына забрал у нее последние силы.

– Пройдемте в ординаторскую, – тихо сказал Алекс и развернулся. Ира послушно засеменяла за ним.

– Хорошо, что вы приехали, – сухо сказал Алекс, когда Ирина присела на предложенный стул, а он устроился за своим рабочим столом.

– Что с ним? – прохрипела женщина, потеряв голос от страха.

– Он в коме. Уже десять дней. И никакой динамики, – Александр откашлялся, ему очень трудно было говорить такое матери. – Сейчас стоит вопрос об отключении аппаратов жизнеобеспечения. Вам нужно подписать документы...

– Нет! – заорала Ира и, вцепившись в халат мужчины, начала его трясти. Пуговицы посыпались на пол и покатались в разные стороны. – Он будет жить, я знаю! Я мать! Я знаю, что он выживет!

Доктор осторожно, но очень крепко взял руки Ирины и отвел их в стороны. Он понимал ее горе, он сочувствовал ей, но помочь ничем не мог – к сожалению, врачи не боги, они не умеют творить чудеса.

– Умоляю, дайте мне время, – отчаянно плакала женщина. – Он будет жить, я знаю, я чувствую это...

– Поймите, этот вопрос решаю не я, а руководство больницы... – начал Александр, но в этот момент Ира стала опускаться вниз. Она встала на колени и обняла его ноги:

– Доктор, миленький, спасите моего мальчика! Я сделаю для вас все, что вы захотите.

Ирина, которая никогда никого ни о чем не просила, вдруг поняла, что библейская фраза, гласящая «ищите, да обрящете, стучите, да отворится вам, просите, да дастся вам»^{}, не пустые слова, а великая истина. И теперь Ира не стеснялась просить, потому что знала, что кто-нибудь ей обязательно поможет так же, как когда-нибудь она поможет другому человеку.

– Ну что вы? – смутился Алекс и поднял ее на ноги. – Идите сейчас к сыну... Я к вам подойду попозже.

Ира, пошатываясь, пошла в палату, где запах смерти витал в воздухе. Она села на стул рядом с сыном и начала осторожно поглаживать его ноги, накрытые простыней.

– Петенька, я с тобой, сынок, – шептала она, – не уходи, ты еще слишком молод!

Так прошли весь день и вся ночь... За это время Ирина ни на шаг не отходила от своего сына, боясь, что если ее не будет рядом, то с мальчиком случится что-то страшное. Каким-то шестым чувством она понимала, что, пока находится рядом с ним, Петя будет жить... У нее уже не было страшных мыслей, что ее сын умрет, она чувствовала, что он будет жить, но... Но Ира не в состоянии была доказать это врачам, которые в любой момент могли зайти в палату и отключить аппараты жизнеобеспечения ее Пете.

Наступило утро.

Доктор Александр вошел в палату и подошел к медсестре, ведущей журнал показаний... Они долго говорили на иврите, потом врач приблизился к Ирине. Она подняла на него свои уставшие заплаканные глаза.

– К сожалению, никакой динамики, – ему было искренне жаль, что этот мальчик умрет таким молодым.

– Нет, доктор, он шевелит пальчиками, – вскочила Ира. – Я с ним разговариваю, говорю ему: «Если ты меня слышишь, дай какой-нибудь знак», а он пальчиками пошевелил.

– Ирина, это вам только кажется. Это от усталости. Пойдемте со мной, – Алекс протянул женщине руку и повел ее в ординаторскую.

– Вам надо поспать, – начал он, как только дверь за ними закрылась.

– Нет, доктор, вы не понимаете, я не могу его оставить!

– Ирина, через пару часов вы будете не в состоянии находиться рядом с вашим сыном, вы нужны ему в здравом уме. Вот вам ключи от моей квартиры – поспите, помоетесь и придете.

– Но как? – Женщина с изумлением смотрела на врача.

– Я живу на территории больницы, идти буквально три минуты. Сейчас вас проводит медсестра. Обратно дойдете сами.

– А вы не отключите его, пока я сплю? – Слезы снова появились на ее глазах.

– Нет, но...

– Не продолжайте, послушайте меня. Я мать, я знаю, что мой сын будет жить. Но я также знаю, что вы мне не верите. Поэтому прошу у вас ровно три дня. Если за это время он не придет в себя или не появится положительная динамика, я все подпишу...

– Знаешь что... – Алекс с изумлением смотрел на эту удивительную женщину – только что она вела себя как обезумевшая от горя мать, а теперь собралась, говорит четко, ясно, без истерик... Он вдруг почувствовал в ней такую силу, такую веру, что невольно зауважал. «Я сделаю все, что в моих силах, чтобы оставить парня живым. Ради нее», – подумал Александр, а вслух сказал: – Знаешь что, пожалуй, я провожу тебя сам...

– Мы перешли на «ты»? – Ирина вскинула черные от горя глаза.

– В Израиле все обращаются друг к другу на «ты», – улыбнулся он своему же объяснению. – Привыкай.

Глава 17

С утра Бенедикт, сделав вид, что ничего не было, отвез Лизу в клинику. Он лично оформил ее, переговорил с Юрием Александровичем и персоналом, который будет хоть как-то соприкасаться с его любимой, а перед уходом забрал Лизин паспорт.

– Но почему ты его забираешь? – удивилась она.

– Потому что в больнице он тебе не нужен, – мужчина нежно поцеловал ее в губы. – Ты хочешь, чтобы он остался у тебя?

– Нет, – Лизе стало стыдно, что она опять в чем-то подозревает любимого. – Нет, ну что ты? Забирай, конечно...

– Я буду тебя навещать каждый день, милая... Отдыхай...

Конечно, беременность Лизы подтвердилась. Бенедикт был на седьмом небе от счастья и дарил ей букетами, конфетами, экзотическими фруктами... Он проводил с ней каждый день по несколько часов, нехотя уезжая по вечерам, и постоянно спрашивал Юрия Александровича, когда его любимую выпишут, но доктор не торопился...

– Я бы хотел еще ее понаблюдать, – каждый раз говорил он и назначал новые анализы.

Бенедикт, панически боявшийся больниц, врачей и анализов, не спорил, а лишь согласно кивал головой, но Лиза не могла больше молчать – она понимала, что происходит что-то странное и она должна услышать объяснения.

– Почему вы не выписываете меня, Юрий Александрович? – спросила девушка при очередном утреннем обходе.

– Я считаю, что вам лучше полежать у нас до двенадцати недель, – осторожно сказал он.

– Почему именно до двенадцати недель? – Лиза испытующе смотрела на своего врача. – У меня что, угроза выкидыша, а вы молчите?

– Да, но вы не волнуйтесь, – Юрий Александрович заторопился.

– Нет, объясните мне в конце концов, что происходит! – закричала Лиза. – Я имею право знать!

Мужчина долго смотрел на красивую пациентку, а потом произнес:

– В час дня зайдите в мой кабинет.

Лиза не могла дождаться назначенного времени – она металась по палате, не зная, чем себя занять. Без четверти час она уже сидела у дверей кабинета Юрия Александровича. Ровно в час он вышел и сказал:

– Проходите, пожалуйста.

Она зашла и села в глубокое кожаное кресло, а мужчина принялся ходить от стола до дверей и обратно. Он заметно нервничал.

– Доктор, я так понимаю, что со мной что-то не так, – женщина решила начать разговор сама, когда пауза затянулась.

– Нет-нет, с вами все в порядке, – мужчина остановился. – Но мне надо кое-что вам сказать.

– Что? – Лиза подалась вперед.

– Вам надо уехать. Я вам помогу.

– Объясните мне, пожалуйста, что дает вам право так говорить, – девушка начала злиться.

– Вам оставаться в замке нельзя.

– Объясните, иначе этот разговор не имеет смысла.

– Я не могу рассказать, – Юрий Александрович застонал и обхватил голову руками. – Это врачебная тайна.

– Тогда на основании моих анализов прошу выписать меня сегодня же. – Лиза поднялась и направилась к выходу.

– Пойдите! – закричал доктор и бросился к ней.

Девушка обернулась – она знала, что мужчина бросится за ней, именно поэтому стала так демонстративно делать вид, что уходит, в противном случае она не упустила бы возможности разгадать тайну замка. Юрий Александрович подошел к ней, приобнял за талию и подвел снова к креслу, помогая присесть.

– Поклянитесь, что об этом никто не узнает! – он придвинул свое кресло к креслу девушки.

– Клянусь! – шепотом сказала Лиза.

– У Бенедикта есть девятнадцатилетняя дочь... – начал врач.

– Ева? – перебила она доктора.

– Да, – мужчина изумленно смотрел на пациентку. – А вы...

– Я слышала, как Бенедикт назвал ее имя, – призналась Лиза. – Но он мне так ничего и не рассказал, хотя обещал.

– Я расскажу, раз уж вы все равно знаете о существовании Евы, – мужчина чуть-чуть расслабился, снимая с себя часть ответственности. – Двадцать пять лет назад у Бенедикта была сумасшедшая любовь – он просто потерял голову от этой девушки. Как вы понимаете, ее звали Ева. Страстный роман закончился пышной свадьбой и долгожданной беременностью, и он привез молодую жену в Англию. Влюбленные были бы абсолютно счастливы, если бы не здоровье Евы – девушка страдала почечной недостаточностью. Беременность протекала очень тяжело, но сложнее всего были роды. Врачи сделали все, что могли, и на свет появилась девочка, крошечная дочь Бенедикта. А молодая мать... Ее почки так и не восстановились: сначала отказала одна, через несколько часов – вторая. За ее жизнь сражались лучшие врачи Великобритании, Бенедикт всеми возможными способами искал доноров почки для своей жены, но все безрезультатно – Ева умерла. Я познакомился с ним как раз в момент поиска доноров – мужчина обращался и в Россию за подходящей почкой. Мы с ним нашли общий язык, и так я оказался здесь в качестве педиатра Евы... Да, естественно, Бенедикт назвал дочь именем любимой жены...

Юрий Александрович посмотрел на Лизу, чтобы понять ее реакцию, – молодой беременной женщине нелегко, наверное, слушать такие подробности из жизни отца своего ребенка. Девушка завороченно слушала, и он решил продолжить:

– Мы вроде даже подружились, и в минуту откровений он мне сказал: «Я больше никогда не женюсь». И он сдержал слово. У него были женщины, и немало, кстати, несмотря на его внешность, но ни одна не стала его женой.

– Про Еву, – хрипло попросила Лиза: ей было неприятно слушать про женщин любимого мужчины.

– Да, извини, – Юрий Александрович смутился. – В два года Еве поставили диагноз: аутизм.

– С чем это связано? – взволновалась Лиза. Она носила под сердцем ребенка Бенедикта. – Это наследственное?

– Нет, это может быть врожденное недоразвитие нейронных структур или хромосомные аномалии... Причин может быть много...

– А вдруг и у меня... – Девушка не договорила и прижала руки к животу.

– Нарушение в аутической сфере предвидеть невозможно, – с сожалением ответил Юрий Александрович. – Лиза, я не вижу причин для волнения. У вас все анализы в норме.

– Хорошо, – девушка пыталась взять себя в руки. – Если мне не угрожает родить ребенка-аутиста, то в чем тогда дело?

– У Евы... приступы агрессии, – мужчина отвел взгляд. – Несколько лет назад она убила женщину, которая работала в этом доме... Она опасна, Лиза! Поймите!

– Значит, поэтому в замке работают только мужчины? – Картинка начинала проясняться. – Чтобы они могли справиться с ней?

– Вероятно, – он пожал плечами.

– Почему она живет вместе с ним? Неужели нет никаких лечебниц для таких... людей?

– Лиза, она его дочь! Она – дочь его любимой жены! Этим все сказано.

– А я?

– Лиза, я помогу вам уехать. У меня есть деньги, я отправлю вас домой!

– Мой паспорт в за@@мке. – Лиза вдруг на мгновение захотела уехать подальше от этой страшной истории, в которой ей в общем-то не было места. Рядом с Бенедиктом до сих пор были его умершая жена и сумасшедшая дочь. Значит, она должна удалиться...

– Мы поедем в посольство, и вам возобновят паспорт. – Юрий Александрович уже все продумал. – На следующей неделе Бенедикт улетит в Швейцарию, и мы с вами можем проделать всю операцию. Он ничего не узнает.

– Да я и так... – начала Лиза и осеклась. Этот мужчина давно сделал ее свободной, и она могла улететь в любой момент. Но она прекрасно знала, что не сделает этого, потому что любит Бенедикта и уверена, что он любит ее и что отъезд причинит ему невыносимую боль, тем более сейчас, когда она носит его ребенка.

– Я его люблю и никуда не поеду, – девушка смело посмотрела в глаза доктору.

– Лиза! – взмолился он.

– Нет, я все сказала! – она была тверда. – Я остаюсь с ним!

– Тогда лучше на время его командировок ложиться в госпиталь.

– Хорошо, на это я согласна, – она кивнула головой. – Тогда, раз у меня все в порядке, выпишите меня сегодня же.

– Но, Лиза, – врач взмолился. – Бенедикт же улетает в Швейцарию на следующей неделе. Его все равно не будет. Оставайтесь пока здесь.

– Хорошо, – согласилась девушка. – Но только до его возвращения из Швейцарии.

Прошло две недели, а Бенедикт так никуда и не уехал. Лиза зашла к доктору и жалобно попросила:

– Выпишите меня, пожалуйста! Я больше не могу здесь лежать, я по нему очень соскучилась.

– Хорошо, у вас как раз срок двенадцать недель. Все в порядке. Завтра вас можно выписывать.

Женщина вернулась в палату окрыленная – еще чуть-чуть, и она снова будет с Бенедиктом, коснется его, они будут ужинать вместе, разговаривать, строить планы, а по ночам страстно любить друг друга... Пройдет время, и она заберет маму, которая будет ей помогать с ребеночком. А может даже, Лиза сможет найти общий язык и с Евой? С этими мыслями и уснула...

Она проснулась оттого, что кто-то ворвался в ее палату и включил свет. Девушка вскочила и растерянно захлопала глазами – перед ней стоял бледный Юрий Александрович.

– Случилось непоправимое, – страшным голосом сказал он.

– Что? – осторожно спросила девушка.

Мужчина молчал – он не знал, как можно произнести вслух такое.

– Что? – заорала Лиза. – Говорите! Не тяните! Умоляю!

– Ева... – он закашлялся. – Ева задушила Бенедикта. В два часа ночи.

Сначала услышанное не дошло до сознания женщины, и она в растерянности стояла и смотрела на Юрия Александровича. Потом медленная улыбка стала расплываться по ее лицу, из глаз потекли слезы...

– Лиза, Лизонька, – доктор встревожился: реакция девушки была ненормальной. – С вами все в порядке?

Тут ее глаза вами закатились, и она потеряла сознание.

Лиза очнулась у себя в палате. Рука очень болела и не двигалась. Девушка осторожно повернула голову и увидела, что в вену вставлен катетер, через который поступает какая-то жидкость из капельницы. Запястье бинтом привязано к бортику кровати. «Видимо, чтобы я не выдернула случайно иглу, – догадалась Лиза. – Почему я под капельницей? Что-то с моим ребенком?»

И в этот момент она вспомнила прошедшую ночь и страшную новость, которую ей сообщил Юрий Александрович. Боль сдавила ее грудь – она не знала, как переживет эту потерю – потерю человека, которого любила всем своим сердцем и который очень любил ее. Слезы полились из глаз – она плакала сначала тихо, почти беззвучно, но потом плач превратился в рыдания. В палату, услышав, что пациентке плохо, вбежала медсестра, оценила обстановку и выскочила обратно. Буквально через минуту вошел Юрий Александрович. Мужчина осторожно вытащил иглу из вены Лизы, отвязал ее руку и посадил к себе на колени, как маленькую. Он прижимал к себе содрогающееся тельце и ждал, когда Лизонька затихнет. Наконец силы беременной женщины закончились, и она успокоилась...

– Лиза, – тихо начал мужчина. – Я знаю, как вам плохо, и, может, сейчас не время. Но я действую в ваших интересах...

Она устало вскинула глаза, в которых была черная, страшная пустота.

– Мы с вами вылетаем в Киев. Через пять часов. Я забрал все ваши вещи и паспорт до приезда полиции.

Лиза молчала – ей было все равно теперь...

– Лизонька, не молчите, прошу вас. Пожалуйста, скажите хоть что-нибудь! – в отчаянии воскликнул Юрий Александрович. Ему было страшно видеть девушку в таком состоянии.

– А похороны? – наконец прошептала она.

– Лизонька, вас могут задержать как подозреваемую, несмотря на то, что все скажут, что вы были у нас в клинике. Ему вы уже, к сожалению, ничем не поможете... А ребенка вам надо сохранить, ради него... Ради продолжения его рода... Он так хотел его...

Лиза опять расплакалась:

– Я хочу попрощаться с ним.

- Вам не надо прощаться, он живет сейчас под твоим сердцем. И его надо сохранить.
- Спасибо вам, Юрий Александрович... Вы так помогаете мне...
- Это мой грех, и он всю жизнь будет висеть на мне – я должен был выполнить свою клятву Гиппократу, а не идти на поводу у Бенедикта.
- Почему грех?
- Потому что надо было поместить Еву в психиатрию, тогда бы все были живы...

Лиза снова всхлипнула...

Глава 18

Света сошла с трапа и ступила на святую землю Израиля. Она не знала, куда ей идти и что делать дальше, поэтому решила, что нужно найти мужа. Но как это сделать, не зная языка и не имея даже представления о том, в каком городе его искать. 500 евро заканчивались слишком быстро...

- Мне надо найти хоть какую-нибудь работу, – обратилась она к русскоговорящей соседке, которая снимала вместе с ней квартиру в маленьком домике.

- Нелегал? – сразу определила молодая израильтянка.

- Наверное, – пожалала плечами Светлана. Она не разбиралась в таких тонкостях и в общем-то не собиралась вникать. – Вообще, у меня муж где-то здесь, в Израиле, но я не знаю, где он...

- Ну мужа найти тебе я не смогу, – усмехнулась девушка, не поверив словам русской блондинки. – А вот на работу, наверное, устрою...

- Спасибо вам большое, – в глазах Светы загорелась надежда.

Через несколько дней девушка уже работала по ночам на рыбном заводе. Это был адский труд, который к тому же мало оплачивался. Денег, чтобы продолжить снимать ту милую маленькую квартирку, у нее уже не было, поэтому она начала искать что-то иное... Ей помог случай: она работала в одну смену с Ритой, 45-летней русской женщиной, которая давно жила в Израиле.

- Ты чего с вещами приперлась? – спросила та, увидев девушку с чемоданчиком. – У тебя же все шмотки рыбой провоняют!

- Да я и так вся провоняла уже, – горько усмехнулась Светлана. – Хуже не будет.

- Вместо парфюма используешь? – зло пошутила Рита и засмеялась своей шутке.

- Нет, – девушке было не до смеха. – Идти некуда. Из той квартиры выселилась, а новую пока не нашла.

- Что, прям квартира целая нужна? – Рита вмиг стала серьезной. – Или комната подойдет?

- Чем дешевле, тем лучше, – простионала блондинка и повязала на волосы косынку.
- Со мной жить будешь? – напрямик спросила женщина. – В одной комнате. Платим пополам.
- Буду, конечно. – Света была рада любой крыше над головой. Вариант Риты был для нее идеальным.
- Хорошо, соседка, въезжай!
- Спасибо, – Светлана кивнула головой и приступила к работе.

Так прошло три месяца. Денег ни на что не хватало, постоянно хотелось есть и спать.

- Я домой хочу, – часто говорила она Рите. – Я устала и больше не могу.
- А ты думала, что ты в рай попала? – хохотала она. – Деньги нигде легко не даются.
- В России мне они явно легче давались. – Девушка уныло посмотрела на свое отражение в зеркале – оттуда смотрела бледная, худая женщина, со спутанными волосами, синяками под глазами, потрескавшимися губами. – Да, на меня теперь точно никто не посмотрит. Ну вот, а еще говорят, что Израиль – святая земля. Я тут сгнию заживо!

Если бы она знала, какими пророческими окажутся ее слова!

Через две недели, придя утром со смены домой, Света уставилась на свою руку – она опухла и приобрела красный оттенок.

- Ну вот, еще и рука страшная теперь, – пробормотала девушка и расстроенная легла спать.

Через два часа она встала – рука ее беспокоила уже сильнее. «Ну что с ней делать? – подумала она, разглядывая бордовую кисть. Опухоль стала подниматься к локтю. – Кремом, что ли, ее помазать?» Не придумав ничего лучше, она взяла Ритин крем для ног, так как своя косметика у нее давно кончилась, и толстым слоем нанесла на то место, где горело больше всего. «Хм, у Ритки даже не спросила разрешения...» – пробормотала девушка и снова завалилась спать.

Ближе к вечеру, когда пора уже было собираться на завод, Света открыла глаза – ее бил озноб. Она закуталась в простыню еще плотнее.

- Свет? Ты чего разлеглась, вставай! – Рита вышла из душа и надела нижнее белье.
- Я заболела, – девушка чуть не плакала.
- Да ты вся горишь, родная, – женщина дотронулась ладонью до лба Светланы.
- Посмотри, – слезы покатались из глаз блондинки, когда она вытащила из-под простыни сине-фиолетовую руку огромного размера.
- Срочно в больницу! – заметалась женщина. – Давай свои документы и одевайся. Я тебя соберу.
- Паспорт в тумбочке, – еле слышно пробормотала Света.

Рита рывком схватила документ и уставилась в него.

– Ты в своем уме? У тебя туристическая виза! Только на три месяца, которые уже закончились!

Света, которая с трудом поднялась, чтобы одеться, повалилась на подушки опять.

– Ты чего разлеглась? В больницу! Срочно! – Рита орала не своим голосом – ей очень было страшно за эту непутевую девушку.

– Меня оттуда депортируют, – прошептала больная.

– Уж лучше депортируют, чем на тот свет! Ты ж все равно домой хотела – вот и отправишься!

Через двадцать минут Свету везли в больницу. В машине она несколько раз теряла сознание, потом приходила в себя и снова теряла сознание... Наконец они въехали в ворота и остановились. Санитары вывезли девушку на каталке и стали закрывать дверь автомобиля. Вдруг Света услышала родной голос:

– Светочка! Светуля!

«Боже, я, наверное, умираю, – подумала она. – Это Валера, мой муж. Что он тут делает?»

– Вы ее знаете? – раздался незнакомый мужской голос.

– Меня депортировали? – почему-то спросила Светлана, не открывая глаз. – Я в России?

– Ты в Израиле, девочка моя! – снова зазвучал голос Валеры. – Прости меня.

«Какой-то бред», – успела подумать девушка и потеряла сознание.

Валера работал охранником в этой больнице и вышел покурить именно в тот момент, когда его жену доставили в приемное отделение.

Свету увезли, и он бросился было за ней, но потом вспомнил, что не может оставить пост. Молодой врач, быстро вникший в ситуацию, через час подошел к Валере и спокойно произнес:

– Я не знаю, кем вам приходится наша пациентка, но, если вам интересна ее судьба, можете зайти ко мне в ординаторскую после того, как закончится ваше дежурство. Я работаю до девяти утра.

– Спасибо вам, – Валерий крепко пожал руку доктору, после чего тот сразу ушел.

Он осторожно постучался в дверь и тут же зашел. Доктор Вайнберг сидел за столом и что-то писал.

– Что со Светланой? – сразу перешел к делу встревоженный муж.

– У нее сепсис. К сожалению, с поражением миокарда, почек, селезенки... Появились гнойные очаги в средостении.

– Она выживет? – Валера сжал кулаки от напряжения.

– Я не знаю. Мы делаем все, что можем, но...

– Доктор, спасите ее! Мы... Мы потерялись, это моя жена. Я без нее жить не могу, пить стал. – Мужчина начал рыдать.

– Еще раз повторяю, мы делаем все, что можем, – доктор Вайнберг терпеливо повторил сказанное. – Кстати, раз уж вы ее муж, то именно с вами я, видимо, могу обсудить ее медицинскую страховку, вернее, ее отсутствие.

– Я достану деньги! – уверенно сказал Валерий. – Скажите, сколько. Я все оплачу. Это моя жена.

– Хорошо, зайдите в бухгалтерию и подпишите гарантии оплаты лечения. Это важно!

– Вы ее спасете? – его волновало только здоровье Светы.

– Обещаю, что сделаю все, что в моих силах. На остальное – воля Божья!

– Спасибо, – ответил Валерий и вышел. Он твердо знал, что теперь никуда и никогда не отпустит свою милую девочку, которую Бог привел только Ему ведомыми путями в Израиль.

Через три недели состояние Светы стало улучшаться. Счастливый муж не отходил от ее кровати.

– Я не вернусь к тебе, – девушка отвернулась к стене.

– Я умру без тебя, Светочка, – он целовал ее тонкие белые руки. – Ты мне нужна.

– Я тебе целый год не была нужна, не умер же! – огрызнулась Светлана.

– Умер! Я был мертвым, но сейчас ожил! Ты моя законная жена! Я уже дошел до министра абсорбции[2 - Министерство абсорбции Израиля – правительственное учреждение, отвечающее за политику в области иммиграции.]. Я сделаю для тебя все... Я люблю тебя... Я так сильно люблю тебя, Светуля! Я чуть с ума не сошел, когда увидел тебя там, на каталке, без сознания...

Света устало откинулась на подушки, и слезы потекли по щекам прозрачными ручейками.

– Не плачь, любимая, – Валерий целовал ее мокрые щеки и гладил по грязным спутавшимся волосам. – Теперь мы вместе! И у нас будет ребенок, вот увидишь! – Он сказал это, хотя знал, что если и раньше ее беременность была под большим вопросом, то теперь-то вообще вряд ли возможна – доктора молчаливо пожимают плечами и отводят глаза: болезнь дала слишком серьезные отклонения.

Света перестала плакать и крепко обняла своего мужа, в ее сердце вновь возродилось чувство любви к родному для нее человеку, только теперь это была не любовь глупой несмышленной девчонки, а взрослой и самостоятельной женщины:

– Ты мой ребенок, – ласково улыбнулась она. – Ты ведешь себя как мальчишка!

Валера с нежностью посмотрел на супругу и понял, что он по-настоящему счастлив.

Через две недели после этого разговора Валера привез жену в отдельную квартиру,

которую снял в Ашдоде, чтобы любимая могла пешком ходить на море... Каждый день Света смотрела на волны, облизывающие ее ноги как преданный пес, и оживала. У нее снова появился румянец, появились мечты, надежды... И появились желание и готовность действовать – она хотела детей, но теперь она точно знала, что, если Бог не дает ей забеременеть, значит, она выбрана Им для того, чтобы стать матерью сироты и одарить любовью и заботой чье-то одинокое сердечко.

Света, уже получившая гражданство, взялась за дело и скоро, обойдя кучу инстанций, применяя и дар убеждения, и свою женскую привлекательность, удочерила пятилетнюю девочку из русскоговорящей семьи, где отец на почве ревности убил свою жену и теперь отбывал срок за совершенное преступление.

В этот вечер Валера вернулся домой в десять вечера. Он работал почти без выходных, чтобы выплатить банку деньги, взятые им на лечение Светланы. Он очень уставал, но был счастлив, потому что именно теперь понял, что жив и что несет ответственность за эту прекрасную девушку, которая досталась ему в жены.

Валера положил ключи и ждал Свету, которая всегда встречала его у порога, однако легких шагов жены не услышал, но услышал другое – мягкое щебетание супруги:

– Спи, Уличка, девочка моя, спи, моя девочка!

Валера прислушался – девичий голосок жалобно произнес:

– А ты теперь моя новая мама?

Мужчина распахнул дверь и увидел двух самых дорогих для себя женщин...

Глава 19

Валя открыла глаза от грохота – молодой израильтянин, распахнув ногой дверь, крикнул:

– Вставай, корова! Пойдешь со мной!

– Она моя жена, – тут же вскочил Иван.

– Иди работать, ублюдок! Там товар привезли, – парень заорал на мужчину.

Валя покорно встала и пошла, еще раз напоследок взглянув на любимого.

Ее привели в какой-то шикарный дом.

– Шалом! – сказал израильтянин невысокому полному мужчине. – Это твой хозяин, – парень теперь обратился к Валентине.

– Проходи, красавица! – Мужчина, приторно-сладко улыбаясь, протянул к женщине руки.

Валя обернулась в поисках поддержки у парня, который привез ее, но он будто испарился. Она попятилась, но толстячок успел поймать ее за руку. Его ладони были горячие и потные, и Валентине сразу захотелось вымыть руки. Она брезгливо дернулась, мужчина чуть оскалился, но потом сказал:

– Идем, я покажу твою комнату.

– А что, я одна буду работать у вас? – Она задала вполне закономерный вопрос, так как ни одного человека, кроме так называемого хозяина, на территории не было.

– Нет, что ты, – мужчина снова схватил Ваю за руку. – Дом большой, так что работников много. Просто сегодня пятница, и все уже уехали. Но вообще с тобой будет еще кухарка Анат, только она по-русски не говорит, лишь иврит, и Сэм, негр, говорит по-английски.

Валя поморщилась – у нее не оставалось никого, с кем она могла бы пообщаться.

– Меня зовут Илиагу, по-русски – Илья, – продолжил хозяин и посмотрел на женщину снизу вверх так заискивающе, что у Ваюши защемило сердце от неприятного предчувствия.

– А отчество? – спросила она, желая отделаться от ощущения мерзости.

– В Израиле нет отчеств... Располагайся, я еще зайду к тебе, – закончил Илиагу и пропустил Валентину в комнатку.

Она села на кровать и расплакалась – ей не хотелось жить.

Через несколько часов Илья без стука открыл дверь – Валентина до сих пор сидела на кровати и смотрела в одну точку. Мужчина прошелся по комнате, провел пальцем по столу, затем остановился, словно задумался. Через несколько секунд он молча начал снимать одежду, обнажая свое старое дряблое тело. Валя от ужаса легла на кровать.

– Вот и умница! – сладко сказал Илья и начал приближаться к женщине.

Валентина молчала и не двигалась – она словно окаменела.

– Раздевайся! – заорал тот, видя, что женщина никак не реагирует на его действия. Она по-прежнему не шевелилась. Тогда он наклонился над лежащей работницей и сунул свое «достоинство» ей в лицо.

Валя дернула головой и залепетала:

– Не надо, я не могу...

– Можешь! Мне сказали, что ты все можешь, – рассвирепел Илья и схватил ее за волосы. – Я тебе заплачу. Много денег дам.

– Нет! – заплакала она.

– Я сказал «да»! – заорал в бешенстве он. – С каким-то рабочим на цементном полу развлекаться ты можешь, значит, и со мной покувыркаешься!

Она поняла, что выхода у нее нет, поэтому ватными руками расстегнула пуговички рубашки, сняла лифчик и остановилась.

– Дальше, – прерывистым шепотом произнес Илиагу. – Продолжай.

Валентина сняла брюки и трусы и покорно легла на кровать – мужчина устроился на ней, грязно хватая ее и слюнявя ее соски...

Наконец все закончилось, и он ушел... Валя скатилась с кровати и скрючилась – ее рвало от чувства омерзения и гадливости. Она не знала, сколько времени провела так, но вскоре спазмы прошли. Тогда она тихо прошла в ванную комнату, взяла полотенце и

вытерла им пол. Неприятный запах до сих пор витал в комнате.

Валентина посмотрела на себя – по ее ногам стекала его сперма. Она провела пальцами по липкой жидкости и бросилась в душ. Женщина стояла под упругими струями воды в надежде, что они смоят ощущение грязи. Стало немного легче.

Вытираться было нечем – грязное полотенце, которым она вымыла пол, лежало рядом с унитазом. Обнаженная Валя, роняя капельки воды на пол, подошла к постели, рывком содрала простынь, на которой происходило это омерзительное действие, и легла на голый матрас.

– Ничего, – шептала она перед тем, как заснуть, – я что-нибудь придумаю...

Глава 20

Ирина даже не рассмотрела комнату, в которой оказалась. Женщина подошла к дивану, присела на него и провалилась в сон. Ей снилось, что она оказалась в какой-то комнате, узкой, темной и пустой. Сначала была тишина, но вдруг вдали еле слышно раздались какие-то слова. Они были неразборчивы, но Ира напрягла слух... Звук приближался, и вот она уже отчетливо слышала голос Петеньки: «Мамочка! Спаси меня! Мама!» Ира бросилась на зов сыночка, но встать не получилось – руки и ноги были закованы в кандалы, из-под них сочилась кровь... «Мамочка! Мама! Помоги мне!» – уже совсем рядом кричал Петя, а она бессильно билась в оковах, а на пол капала кровь... ее кровь...

Ирина вскочила – сердце билось о грудную клетку, кофточка прилипла к телу. Женщина осторожно встала и прошла в ванную. Прохладная вода смыла липкий пот, но не успокоила сердце. «Что с моим Петенькой? – думала она, вытираясь чужим полотенцем. – Он зовет меня, ему плохо и страшно, и только я могу ему помочь! Я должна быть рядом с ним!»

Ира открыла шкаф Алекса в поисках какой-нибудь чистой одежды и застыла – на полках и вешалках только мужская одежда. «Он что, не женат?» – мелькнула сиротливая мысль и пропала, уступив место думам о сыне.

Надев мужскую футболку, найденную в гардеробе, она бросилась в больницу и в дверях столкнулась с Александром – он спешил на выход.

– Ирина! – воскликнул он. – Я шел за вами. Петю решили...

Врач не договорил... Страшные слова так и не смогли слететь с его уст.

– Ира, у тебя есть время попрощаться с ним.

– Предатель! – злобно выдохнула женщина и оттолкнула Алекса. – Уйди с дороги!

Она резко прошла по коридору и направилась к палате, где умирал ее ребенок. Рядом с Петей сидел Слава весь в слезах – он уже все знал.

– Мамочка! Мамочка! – зарыдал он и бросился к ней. – Мама, почему он? Почему не я? За что ему это?

– Успокойся, мой хороший, – начала шептать сыну Ирина, мягко поглаживая по голове, а сердце ее разрывалось от боли за своих двух мальчишек. – Все пройдет, все будет хорошо...

– У вас есть пять минут, – тихо сказала медсестра и вышла.

Ирина как-то странно посмотрела на Славу, потом на Петю, присела на краешек кровати больного, обняла одной рукой здорового сына и начала говорить спокойным, но от этого страшным голосом:

– Мальчики мои, наконец-то мы вместе. Бросили вы мамку, бессовестные! А я от тоски чуть не умерла. Не могу я без вас, кровиночки вы мои.

Слава в ужасе смотрел на мать – она теряла рассудок.

– Сейчас картошечку, картофляночку дожарю и ужинать будем, – продолжала женщина. – Ну-ка руки мыть! Петенька, ты уже помыл ручки?

В этот момент веки Пети дрогнули, и он открыл глаза. Несколько секунд он смотрел на мать и брата, а потом застонал – боль, которая не чувствовалась, пока он был в коме, сейчас нахлынула и затопила его сознание. Слава медленно отвернулся от матери и уставился на брата, а через мгновение уже кричал на иврите:

– Врача! Он жив! Мой брат жив!

Ирина, до которой сквозь ее мутное сознание начал доходить смысл слов сына, тоже повернулась к Пете. Ее сын лежал и моргал глазами, пальцы сжимали простынь. Женщина попыталась улыбнуться, но обмякла и повалилась на пол.

– Врача! Моей маме плохо! – Слава не знал, к кому бросаться и что делать, – он боялся, что сейчас потеряет всю свою семью.

В палату вбежала медсестра и тут же выбежала за помощью – через короткое время реанимационная бригада, несколько врачей и медсестер занимались больными. Слава отошел к стене и молился Богу, чтобы и брат, и мама не оставили его.

Петя восстанавливался очень медленно. Несмотря на то что Славу к нему отпускали довольно часто и Алекс тоже не обделял вниманием, ему не хватало материнской ласки и заботы... Ирина лежала в этой же больнице, но в другом отделении и страдала от того, что не может находиться рядом с сыном, когда тому так нужны ее помощь и поддержка.

Наконец ей разрешили вставать, и теперь она уже не выходила из палаты Петеньки. Улыбка не сходила с ее лица, женщина округлилась. Ирина стала нежной, мягкой и ласковой. Даже короткий ежик волос перестал смешно топорщиться, словно колючки, – она походила на утонченную француженку, всю светившуюся от самой святой любви на свете – любви к своим детям. Женщина окрепла, и теперь в ее заботе купались не только больной Петя и приходивший иногда Слава, но и другие юноши, которые лежали с ее сыном в одной палате. В ней вдруг оказалось такое количество нерастраченных чувств, что она делилась ими со всеми, но сосуд ее души не иссякал.

Алекс заметил изменения в своей пациентке, и в его душе зашевелилось что-то теплое, чему он пока не знал названия. Мужчина при каждой удобной возможности приходил к Ирине, а когда ее выписали из больницы, забрал к себе домой.

– Так тебе будет удобнее навещать Петю, – сказал он, когда они пили чай возле постели больного – Александр только что закончил дежурство.

– Спасибо, Алекс, – Ирина благодарно улыбнулась и погладила руку спящего сына. – Я с удовольствием принимаю твое предложение.

Вечером они уже сидели на кухне Александра и разговаривали.

– Знаешь, Ирина, я хирург с двадцатипятилетним стажем...

– Ого! – Глаза Иры загорелись восторгом. – Я восхищаюсь тобой.

– Это я восхищаюсь тобой. Сначала я был поражен твоей твердой уверенностью, что Петр будет жить, хотя мы, врачи, готовы были отключить его... А потом... Потом вообще произошло чудо. Мне Слава рассказал, что было там, в палате, и как он за тебя испугался. Я не знаю, как объяснить это...

– Чудо происходит от материнской любви, – с мягкой улыбкой ответила Ира. – Я не могу объяснить этого, наверное, нет таких слов, которые могут описать связь между матерью и ребенком. Я с Петей и Славой связана пуповиной... Я всегда чувствовала, когда с ними что-то происходило, даже когда они не умели говорить... Помню, однажды мальчишки гуляли во дворе со свекровью. Она отвернулась на секунду, а сорванцы выбежали на проезжую часть. Я не могла слышать звук тормозов – мы жили на пятом этаже, и окна выходили во двор. Но я услышала... Я услышала сердцем... Машина успела затормозить, но Петя повредил тогда ногу, а Слава... Слава, как и в этот раз, остался целым и невредимым.

– Знаешь... – Алекс замялся, но все же продолжил: – Я развелся с женой именно по причине ее безразличия к единственному сыну, к нашему мальчику. Помню суд и помню, как она, равнодушно пожав плечами, отказалась от ребенка. Сына я вырастил один. Он у меня очень способный, сейчас учится в Америке и иногда приезжает в гости.

Алекс посмотрел Ире в глаза – там светились сочувствие, нежность и восхищение, абсолютно искреннее восхищение. На него давно никто так не смотрел. Чувство тепла, которое зародилось когда-то, вдруг разрослось до огромных размеров, и мужчина не смог удержаться, чтобы не погладить женщину по спине. Ира дернулась, как будто ее ударило током. Их глаза встретились. Чувство, возникшее между ними, было похоже на электрический провод: по нему бежал ток надежды, желания, ожидания, невостребованной любви мужчины и женщины...

Глава 21

Лиза тяжело переносила беременность – смерть Бенедикта подкосила ее здоровье, да и денег на лекарства и хорошее питание им с мамой не хватало. Она не работала – куда ее возьмут на таком сроке?

Лиза шла в районную поликлинику, тяжело переступая ногами. Сил не было, продуктов не было, денег не было – сегодня утром она заглянула в шкатулку, где они с мамой хранили все свои средства, и увидела, что та абсолютно пуста.

«Что же мне делать? – думала она, бережно поддерживая живот, где уже шевелил ножками и ручками малыш Бенедикта, зачатый в любви. – Мне нужно что-то придумать! Мы не проживем втроем только на мамину зарплату!» В этот момент проезжающая машина обдала ее грязью из лужи после ночного осеннего дождя. Лиза взмахнула руками и вдруг расплакалась от усталости, голода и обиды. «Меня же даже защитить некому! – рыдала она, стоя на тротуаре. – Я вообще одна! У меня пожилая мама, которую я уже должна защищать, и скоро появится крошечное беспомощное существо! Где же мне искать помощи? У кого?»

Вдруг Лиза резко развернулась и направилась в противоположную сторону. «Я еду в еврейское агентство «Сохнут», буду просить помощи там. Они не должны мне отказать, я же еврейка!»

Вход охраняли вооруженные солдаты, и Лиза поежилась – она боялась оружия.

– По какому вопросу? – услышала девушка, когда подошла ее очередь.

– Я с семьей хочу выехать в Израиль, – ответила она совершенно неожиданно даже для самой себя – уезжать из Киева она до последней секунды не собиралась.

– Вам по коридору направо, – сухо прозвучало в ответ.

– Заполняйте бланки, – милая девушка положила перед Елизаветой несколько листов формата А4, когда та нашла нужный кабинет.

– А дальше что? – Лиза протянула исписанные ее красивым почерком бумаги.

– В понедельник придете за вызовом и отнесете его в ОВИР.

– А сколько там ждать?

– Не знаю, – девушка отвернулась и начала убирать бумаги в папку.

– Мне рожать через три месяца! Сделайте что-нибудь! – чуть не плакала беременная.

– Ну а я что вам сделаю? Я же не в ОВИРе работаю! – Девушка, может, и хотела помочь, да только она была бессильна.

– И еще... – Лиза смутилась. – Мне жить не на что...

– А это решают в триста втором кабинете...

Лиза долго не решалась зайти в кабинет номер 302. Она не могла себя заставить просить, думая, что тем самым распишется в собственной несостоятельности, однако голод и волнение за ребенка и маму сделали свое дело – она зашла.

Мужчина устало поднял глаза и посмотрел на бледную, уставшую женщину с огромным животом, которая начала что-то мямлить и пытаться объяснить.

«Хм, гордая, однако, – подумал он, видя, как та, краснея, рассказывает про смерть любимого мужчины и плод их любви. – Раз пришла, значит, совсем нужда приперла».

– Вот, – сказал он, не дослушав Лизу до конца, и протянул синий листок с печатью.

– Что это? – недоуменно спросила она.

– Это паек. Получите в триста пятом кабинете.

..Лиза шла домой, нагруженная продуктами.

– Мама, я была в «Сохнуте», – начала девушка с порога. – Нам лучше уехать в Израиль. Они сделают вызов.

Фира Марковна, держась за сердце, встала, подошла к семейному буфету и достала цветной конверт.

– Вот вызов, – тихо сказала она. – Я попросила сестру прислать его на всякий случай, когда ты вернулась... с ребеночком...

– Мама! Мамочка! – кинулась ей на шею Лиза и крепко обняла.

Утром следующего дня они получили разрешение на выезд и улетели сразу же, как только собрали все вещи.

В Израиле хоть и стало жить полегче, но всех проблем это не решило – бытовые условия не подходили для жизни с грудным ребенком, который вот-вот должен был появиться на свет. Срок неумолимо приближался, но время, как полагала Лиза, еще оставалось – она надеялась, что успеет что-нибудь придумать. Однако она ошиблась...

Девушка шла из магазина и несла пакет с овощами, когда у нее начались схватки. Все произошло так быстро, что она не успела опомниться: резкая боль, поток воды между ног, рассыпавшиеся по асфальту помидоры и «Скорая помощь», которую вызвал кто-то из прохожих...

– Лейда мукдемет! – услышала Лиза слова женщины-врача и напряглась: слово «лейда» с иврита переводится как «роды», а вот «мукдемет» она слышала впервые, и это ее пугало.

И вдруг все забегали: врачи, медсестры, санитары сменяли друг друга и переговаривались на непонятном ей языке. Иногда к ней подходили и задавали вопросы, но она лишь мотала головой и корчилась от боли – иврита Лиза пока не понимала и говорить сама не могла. И вдруг глаза девушки расширились от удивления – перед ней стоял Юрий Александрович.

Елизавета приподнялась на локтях и уставилась на посетителя:

– У меня бред? – наконец произнесла она потрескавшимися губами.

– Лизонька, успокойся, – мужчина от неожиданности растерялся, но как врач понимал, что роженицу надо сначала успокоить, а уж потом можно и самому мысли в порядок привести. – Тебе нельзя нервничать, береги силы, совсем скоро они тебе понадобятся.

– Что ты тут делаешь? – отрывисто спросила Лиза между стонами.

– Я тут работаю медбратом, – Юрий Александрович развел руками. – Это временно, потом снова врачом стану – эмиграция несет в себе некоторые сложности.

– Что ты тут делаешь? – снова спросила девушка. Ее интересовало, как этот человек оказался в ее палате и почему.

Мужчина стоял и растерянно моргал глазами – неожиданная встреча с Лизой, с которой он попрощался несколько месяцев назад навсегда, внесла такой хаос в его душу и голову, что он сейчас не мог адекватно оценивать происходящее.

– Что ты делаешь в моей палате? – Лиза начала злиться, боль сводила ее с ума, но больше всего сейчас убивал ее страх – этот человек мог неслучайно появиться здесь. «Может, за мной следят? – думала она, наблюдая за Юрием Александровичем. – Вдруг Бенедикт на самом деле жив и ведет сейчас со мной такую игру? Я же не видела его тело! Нет, он не мог так со мной поступить! Со мной и нашим ребенком!»

– Я был в своем отделении, разбираю перевязочный материал, когда услышал голос медсестры: «Кто-нибудь говорит по-русски?» Я и вышел. Меня попросили зайти в приемное отделение к русскоговорящей пациентке и успокоить ее. Я зашел и увидел тебя...

– Как хорошо, что это вы... – простонала Лиза. – Мы с мамой живем в Ришоне, записывайте адрес...

Новая волна боли заставила женщину замолчать... Через несколько минут она отдышалась и продолжила:

– Маме сообщите, она волнуется... Я в магазин вышла.

Женщина снова застонала и закусила губу...

– Вышла и не вернулась...

– Лизонька, успокойтесь, я все передам, все будет хорошо... А теперь постарайся расслабиться, совсем скоро тебе сделают укол, и полегчает. – Юрий Александрович говорил и говорил, словно гипнотизируя женщину своим голосом, пока для нее готовили операционную...

– Нитуах... Рофе мардим, – долетали до Лизы незнакомые слова сквозь мягкую русскую речь.

Она очнулась от сильнейшей боли внизу живота и машинально положила туда руки – живот был плоским.

– Что с моим ребенком? – закричала она. – Что с моим ребенком?

– Беседер. Бат, – молодая медсестра сухо посмотрела в историю болезни и уставилась на пациентку.

Лиза разрыдалась – она не поняла ни слова из того, что услышала, и паника охватила ее.

– Что с моим ребенком? – рыдала Лиза, держась за живот.

Медсестра вылетела из палаты и через десять минут привела тучную санитарку, которая присела на кровать девушки и принялась говорить:

– Девочка у тебя родилась, – хлопала она Лизу по руке. – Маленькая очень, недоношенная. В инкубаторе сейчас лежит, но все нормально. Вот вес наберет, и выпишут вас обеих... Ну что ты расстроилась? Все хорошо. Давай успокаивайся и набирайся сил. Тебе поскорее поправляться надо – ты же теперь мамочка.

Девушка приходила в себя, страх отступал, его место занимало безграничное счастье материнства.

Через час зашел Юрий Александрович с цветами и пакетом с подарками.

– Лизонька, как вы?

– Покажите мне девочку, – больше ее ничего не интересовало.

– Подождите, Лиза! Я сейчас!

Мужчина вернулся через три минуты с креслом-каталкой и торжественно произнес:

– Такси подано, садитесь.

Лиза вопросительно посмотрела на Юрия Александровича:

– А мне можно вставать?

– Здесь тебя сегодня ходить заставят, – мужчина помог ей подняться и перебраться на кресло-каталку. – В Израиле другой подход! Привыкай...

Юрий Александрович вез кресло по белым коридорам больницы и смотрел на собранные в пучок шикарные волосы женщины, на ее худенькие кисти, нервно теребящие поясок халата... И его сердце билось часто и громко...

Маленькая девочка весом 1900 граммов лежала за стеклом и сосала кулачок – она была так нежна и беззащитна...

– Она прекрасна, – Лиза расплакалась от счастья, что видит свою доченьку. – Это самый красивый ребенок на свете. Бенедикт был прав – дети должны быть зачаты в любви... Я назову ее Белла... В честь Бенедикта, ее отца, и еще потому, что она действительно красива...

Целый час женщина стояла и смотрела на свою дочь – шов болел, дикая слабость охватила все тело, но не было такой силы, которая заставила бы Лизу отойти от своего ребенка добровольно. Наконец медсестра, которая, оказывается, уже сорок минут ждала ее в палате для обязательных процедур, догадалась, где искать пропавшую пациентку, и пришла за ней.

– Лиза, – Юрий Александрович шел рядом, пока юная девушка в белом халате уверенно везла каталку. – Нам нужно поговорить... Это серьезно, это касается Бенедикта. И твоего с дочкой будущего.

Лиза встрепенулась:

– Бенедикта?

– Я зайду к тебе попозже.

Вечером, перед ужином, Лиза смотрела в окно и вспоминала Бенедикта: «Ну вот, любимый, я подарила тебе дочь, а тебя рядом нет... Надеюсь, ты нас видишь с небес... Я люблю тебя, Бенедикт, и буду любить всегда».

Дверь открылась, и вошел Юрий Александрович.

– Лизонька, послушайте, – он не знал, с чего начать, потому что боялся реакции девушки. – Я не так просто приехал в Израиль – я искал тебя. Твои соседи сказали мне, что вы теперь живете здесь, и вот я поехал... Не нашел тебя сразу, а без врачебной практики не могу – вот и устроился сюда... А тут и случай мне помог – ты сама нашлась, да еще не одна, а с такой принцессой.

– Зачем вы меня искали? – Лиза ничего не понимала.

– Адвокаты огласили завещание Бенедикта, которое он написал за несколько дней до смерти, пока ты лежала в клинике...

– Завещание? – Девушка недоуменно смотрела на врача. – Я ему не жена, я ничего не

наследую. Белла – незаконнорожденная дочь.

– Выслушайте меня, прошу, – мужчина очень нервничал. – Бенедикт делает вас единственной его наследницей, но при условии...

Пауза затянулась, и Лиза рявкнула:

– Говорите же! Хватит молчать!

– При условии, что вы станете моей женой, – вымолвил Юрий Александрович и покраснел.

– Так, – протянула девушка, – предположим. Ну а если не стану?

Мужчина недоуменно смотрел на нее: мягкая нежная Лизонька сидит перед ним и обсуждает, словно сделку, вероятность их брака...

– Тогда вы получите по десять тысяч долларов в месяц на содержание ребенка.

– Тоже неплохие условия, не находите? – цинично усмехнулась Лиза. – Бенедикт всегда отличался хорошим чувством юмора.

– Лизонька, – Юрий Александрович встал на одно колено и взял в руки кисть девушки.
– Станьте моей женой.

– Ради денег? Только ради того, чтобы унаследовать состояние Бенедикта?

– Лиза, поймите, он знал... – мужчина опять замялся.

– Да говорите? – не выдержала снова Елизавета. – Хватить мяться!

– Он знал, что я люблю вас, поэтому составил именно такое завещание...

Лиза покраснела – она никак не ожидала услышать признание в любви.

– Я не дам никакого ответа, по крайней мере, сегодня. Оставьте меня одну – мне надо подумать.

– Хорошо, Лиза, я приду завтра...

«Почему, Бенедикт? – в слезах спрашивала Лиза, глядя на темное небо. – Почему ты так легко передаешь меня другому мужчине? Да еще и приплачиваешь ему? Ты боишься, что я откажусь от этого брака, поэтому ставишь условия, да? Ты хочешь, чтобы я приняла предложение Юрия Александровича и именно поэтому даешь мне деньги только в случае моего согласия на эту сделку? Интересно... Почему? Что вас связывает? Я же могу отказаться: десять тысяч долларов ежемесячно – вполне достойная зарплата. Нет, ты знаешь, что я не откажусь, потому что для своего ребенка я хочу всего самого-самого лучшего».

Лиза задремала.

– Мамочка, кормить девочку будете? – услышала она сквозь сон.

– А можно? – встrepенулась Лиза.

– Конечно. Давай я тебе помогу дойти до инкубатора. – Счастливая мать, придерживая швы, поплелась впервые в жизни кормить своего ребенка.

Утром зашел Юрий.

– Вы все знали? – вместо приветствия начала девушка.

– О чем вы? – Мужчина не понимал, о чем его спрашивают.

– Вы знали об условиях завещания? Вы знали, что именно это хотел написать Бенедикт? Он с вами говорил об этом, пока я лежала в клинике? Да?

Юрий посмотрел на Лизу и твердо сказал:

– Я никогда не давал повода так думать обо мне, – он развернулся и вышел из палаты.

Лиза растерялась – такого поведения от «будущего мужа» она не ожидала, однако почувствовала, что сейчас, когда мягкий Юрий проявил твердость, заинтересовал ее как мужчина. «Нет, так, как я любила Бенедикта, я никого никогда не полюблю, – думала она. – Но ведь любовь может быть разной...»

Юрий Александрович появился только перед выпиской Лизы из больницы.

– Привет! – сказал он в дверях и не назвал Лизонькой, как обычно. – Я снял для вас нормальную меблированную квартиру, мама уже там, ждет вас с Беллой. Мы с ней заказали кровать и коляску для малышки – сегодня должны привезти. Вот новый адрес, скажешь таксисту, – он положил на тумбочку записку и повернулся, чтобы выйти из палаты.

– Юра, подожди, – сегодня они оба, не сговариваясь, перешли на «ты».

Он остановился в дверях, но не повернулся.

Лиза встала и медленно подошла к нему:

– Я хочу попросить у тебя прощения, – девушка коснулась ладонью его напряженной спины, он повернулся к ней лицом. – Я не имела права так говорить.

– Прощаю, – мужчина продолжал стоять в дверях, будто чего-то ожидая.

– Еще... – Лиза сглотнула: ей было очень сложно сказать вслух то, что она собиралась. – Я готова стать твоей женой.

Юра порывисто прижал к себе любимую женщину, и слезы счастья выступили у него на глазах.

Глава 22

Прошло три месяца, а от Ивана до сих пор не было вестей, что Валю тревожило гораздо больше, чем еженедельные посещения Ильи – последние хоть и были ей противны, но тревога за любимого перекрывала все остальные чувства.

– Вот тебе двести шекелей, – шлепнул ее по заднице Илья. – Сходи куда-нибудь завтра, развейся, корова моя...

Валя проглотила выходку хозяина и стиснула зубы – главное, что у нее завтра будет возможность найти Ваню.

Она остановила такси и начала говорить по-русски – таксист ей улыбнулся и спросил:

– Землячка, что ли?

Валя растерялась.

– Украина? – снова спросил он.

– Молдавия, – сказала женщина и улыбнулась.

Она залезла в прохладный салон автомобиля и описала мужчине овощной склад, который ей очень нужен.

– У меня есть двести шекелей, отдам все, только найди его, этот склад, – попросила она.

– Я попробую.

Через сорок минут Валя радостно закивала:

– Это он! Да! Это здесь!

Машина остановилась, и женщина пулей выскочила из нее, но потом вернулась и наклонилась к водительскому окну:

– Подождите меня, пожалуйста.

Водитель устало кивнул.

– Где Иван? – закричала Валя, увидев какого-то рабочего.

Он странно кивнул и поманил ее пальцем за грудку ящиков, она медленно пошла за ним.

– Ты Валя? – спросил мужчина, когда они оказались скрыты от посторонних глаз.

– Да.

– Плохи дела у Ивана – он упал со второго этажа. Его даже в больницу не повезли...

Валя побелела и прислонилась к стене.

– Вот адрес, он там лежит, а теперь уходи... Быстро, пока тебя не заметили...

Валя выбежала к таксисту и дала адрес.

– Нет, туда не поеду! Это район наркоманов! – Водитель сунул Валентине бумажку обратно.

– Умоляю! Там больной человек умирает, все, что угодно сделаю! – Вале теперь ничто уже было не страшно.

– Ладно, садись. Но я остановлюсь подальше!

Она пробиралась через горы мусора. От жары и разложения пищевых отходов стоял жуткий смрад. Валя шла, отмахиваясь от мух, и сердце гулко стучало в груди. Вдруг она услышала тихий стон и пошла на звук...

На рваном матрасе лежал Иван... Нога посинела, он не шевелился, глаза были закрыты...

– Ваня? Боже! – Она упала на колени на цементный пол и наклонилась над любимым.

Иван, не открывая глаз, прошептал:

– Валюша, ты пришла. Я знал, что ты придешь. Теперь я могу умереть...

Но Валентина не могла допустить смерти любимого – она схватила мужчину и потащила к выходу. Иван громко стонал от боли, но Валя, у которой разрывалось сердце от этих звуков, продолжала идти вперед – остановка сейчас означала смерть.

Она доплелась до машины и так выразительно посмотрела на таксиста, что тот выскочил из прохладного салона и помог женщине усадить больного.

– Теперь к тому дому, возле которого ты меня подобрал, – скомандовала она.

– Но ему нужна больница! – Земляк трезво смотрел на ситуацию и понимал, что дело серьезное.

– Я знаю, – отрезала Валя. – Я сама врач, все понимаю. Но мы нелегалы. Останови у аптеки – мне нужны антибиотики, перевязочный материал...

Валя положила голову Вани к себе на колени и гладила его, как ребенка, любясь на родное лицо. Вдруг она подняла взгляд и увидела, что они едут в совершенно противоположную сторону.

– Мы куда? – опешила она.

– Тебе никто не продаст антибиотики без рецепта. Едем к моему другу, он ветеринар из Питера. Я знаю, он поможет.

Валя согласно кивнула головой – ей было все равно, как и от кого получить помощь, лишь бы получить и не опоздать...

К ним навстречу шел высокий худой мужчина с длинными волосами, завязанными в хвостик.

– Вытаскивай его, – скомандовал он таксисту и сам полез в салон.

Через минуту двое мужчин тащили исхудавшего Ивана в дом, а Валя семенила рядом с ними:

– Спасибо вам, люди добрые!

– Потом благодарить будешь! – сухо отрезал Аркадий. – Но учти, если он не выживет,

я похороню его на собачьем кладбище!

Слезы полились из глаз женщины, и Аркадий, раздраженно посмотрев на милую толстушку, отрезал:

– Уйди, не мешай!

– Она врач, – вставил таксист, который боялся вида крови и переживал, что Аркадий заставит его принимать участие в операции.

– Врач? – он обернулся. – Хорошо, тогда помогать будешь.

Мужчины положили Ивана на металлический стол, где ветеринар оперировал животных. Аркадий разрезал одежду и начал осмотр, а таксист выбежал на улицу, на ходу доставая сигарету...

– Только перелом правой ноги, – наконец произнес он. – Позвоночник в порядке. Но началась гангрена...

Валя стояла бледная...

– Выдержишь? – спросил Аркадий, с тревогой поглядывая на незнакомку. Та согласно кивнула головой. – Нога... выше колена. Постараюсь сохранить культю. Операция кровавая. Нужно переливание...

– Вторая положительная, – уверенно ответила Валя: у Вани на руке татуировка «I R5 +».

– Отлично! Сделаем прямое переливание! Я буду донором. – Аркадий достал инструменты. – Сможешь?

Валя опять кивнула, и началась операция...

Она ассистировала этому незнакомому врачу, а у нее перед носом лежал окровавленный любимый человек, который через несколько минут останется на всю жизнь инвалидом...

Нога с гулким стуком упала на пол...

– Слава тебе, Господи! – Аркадий вытер пот со лба. – Операция закончена. Все прошло хорошо. А ты молодец, хорошо держалась. Зовут-то тебя как?

– Валя. Спасибо вам, доктор!

– Ты в порядке? – спросил он. – Если да, то начинай делать прямое переливание!

Валя уверенными заученными движениями принялась за дело – Аркадий смотрел на женщину и улыбался:

– Ты молодец, девочка. На самом деле. Еще бы день, и ты бы нашла труп...

– Доктор, а у вас семья есть? – Валя крутилась вокруг него и по привычке «заговаривала зубы» – отвлекала от того, чем она занимается.

– Все остались в Питере. Сыну тридцать лет, дочке двадцать пять, – спокойно сказал он и снова улыбнулся – женщина действовала очень профессионально.

– Сколько детям? – Валя опешила.

– Не удивляйся – мне пятьдесят два года. Я просто йогой увлекаюсь, поэтому не старею.

Несколько минут они помолчали, занятые каждый своими мыслями, а потом Аркадий спросил:

– Ты ведь сюда на заработки приехала?

– Да... Вернее, пришла... – Женщина присела рядом и рассказала свою историю.

– Предлагаю тебе работать со мной – как раз ассистента ищу, – Аркадий испытующе посмотрел на женщину. – Уж очень ты профессиональна. Мне ты нравишься. Тем более мужа твоего трогать сейчас нельзя, значит, с собой ты его не заберешь. Оставайся: за ним ухаживать будешь и мне помогать...

– Боже, ты есть на свете, – прошептала Валентина, а потом повернулась к Аркадию. – Это самое прекрасное предложение, которое мне делали. Вы не пожалеете.

Так Валя начала работать у ветеринара, а когда Иван поправился, он тоже стал помогать по хозяйству... Аркадий не мог нарадоваться на своих помощников: добрые, трудолюбивые, а главное – как любят друг друга! Ване заказали протез, и теперь он слегка прихрамывал, но уверенно передвигался по ветеринарной клинике и совершенно спокойно выполнял всю тяжелую работу... Наступило счастье...

– Иван, – перед сном прошептала Валя, обнимая любимого, – завтра Пасха. Давай в Иерусалим съездим – поблагодарим Бога. Нам есть, за что сказать ему «спасибо»...

– Давай, любимая, – Ваня прижался к ней и уткнулся носом в плечо.

Глава 23

Ира жила с Александром душа в душу, именно с ним она впервые поняла, что такое женское счастье... Хотя и сложные моменты тоже были.

Очень часто слышала она за спиной: «Она же серая мышь! Ни рожи, ни кожи! Как она такого мужика себе отхватила? Что он в ней нашел?» После этого Ира подходила к зеркалу в больничном туалете и смотрела на себя: серые волосы, собранные в куцый хвостик, серые глаза, уродливые очки в роговой оправе и бледная кожа...

«Действительно, что он во мне нашел? – задумчиво бормотала она. – Как же я его люблю!»

Тем временем Алекс думал о том, что его вмиг выросшей семье, включая Петю и Славу, нужен дом, а не маленькая квартира на территории больницы, поэтому он начал втайне от любимой подыскивать подходящий вариант, чтобы сделать ей такой подарок на день рождения. Все чаще и чаще он уезжал по вечерам смотреть дома, встречаться с агентами и юристами, а Ирина оставалась дома и ждала любимого...

- Где ты был, Сашенька? – спросила она как-то вечером.
- Милая, у меня были очень важные дела...
- Почему ты от меня что-то скрываешь? Ты разлюбил меня? – волновалась она.
- Ты что такое говоришь? Как тебе вообще это могло прийти в голову? – Алекс недоумевал.
- Нет, я могу тебя понять, Сашенька, я ведь не красивая, не стильная...
- Глупенькая, ты настоящая женщина и любящая мать!

Ирина прижалась к Александру и успокоилась – у нее в голове созрел план.

На следующий день Ира подошла к молоденькой яркой медсестре и спросила:

- Ксения, а что нужно делать, чтобы выглядеть, как ты?
- Тыква созрела? – пошутила девушка и расхохоталась. – Поедем после работы в одно место. Они сделают из тебя красотку.
- В шесть? – деловито спросила Ирина.
- Отлично! – в тон ей ответила Ксения и снова захохотала.

Ксения привезла женщину в студию к своим знакомым.

- Привет, Митч! – крикнула она и помахала рукой.
- Привет, Ксюха! – Молодой брюнет подошел к девушке и поцеловал ее в щеку.
- Я вам клиентку привела.
- О'кей, – кивнул он головой. – Сейчас еще визажист подъедет, и мы можем начинать. Но это не бесплатно...
- Я в состоянии оплатить ваши услуги, – с достоинством сказала Ирина, на которую до сих пор никто не обращал внимания.
- У нее муж – знаменитый врач, так что с баксами – все о'кей! – вставила свое слово Ксюша и села, положив ногу на ногу, чтобы мужчины могли обозревать ее почти голые ноги.

Спустя какое-то время из салона вышла женщина средних лет, стройная, подтянутая, с короткими рыжими волосами, подстриженными по последней моде, и утонченным изысканным макияжем. За ней выскочила молодая девушка в коротком платьице:

- Тебе срочно нужны новые очки, – кричала она и размахивала руками. – Эти не подходят под твою прическу.
- Хорошо, – махнула Ирина и засмеялась. – Гулять – так гулять.
- И одежда тебе другая нужна, – не унималась Ксения. – Поехали в торговый центр.

- Поехали... Только мне нужна помощь...
- Ну само собой, – Ксения согласно кивала головой.

Ирина зашла домой и поставила пакеты на пол. «Вот это я погуляла», – с удивлением прошептала она, вспоминая покупки: три костюма, кофточки, туфли, босоножки, набор косметики и платье, которое она надела сразу же...

Алекс вышел из кухни, где готовил ужин, и уставился на Иру:

- Ты прекрасна, родная! Я даже приблизиться боюсь! – выдохнул он.
- Я все смою! – растерянно проговорила Ира и направилась к ванной комнате.

Алекс поймал ее за руку и посмотрел в глаза:

- Я приглашаю тебя в кафе – сегодня мы празднуем два события.
- Два? – удивленно переспросила она.
- Да. Первое – это твое преображение в королеву, а второе... О нем я расскажу позже...

Александр и Ирина сидели в уютном уголке кафе, держались за руки и тихо разговаривали. Играл джаз. Он галантно встал, поклонился и пригласил Иру танцевать...

- Любимая, уже двенадцать часов, поэтому я поздравляю тебя с твоим днем рождения, – прошептал ей Александр, плавно двигаясь в такт музыке. Его руки лежали у нее на голой спине.
- Спасибо, – Ирина улыбнулась и прижалась губами к его губам. Александр остановился и убрал руки – холодок пробежал по спине женщины.
- Вот твой подарок, – промолвил он и вложил ей в ладонь ключи.
- Что это?
- Это наш новый дом! Поехали, покажу! – Ира перестала дышать от волнения. – Милая, не теряй сознания, – рассмеялся Александр. – Ты еще дом не видела.

Белый, словно из сахарной пудры, дом с балкончиками, утопающий в зелени, был апогеем счастья. Она прижалась к Александру и прошептала:

- Саш, послезавтра – Пасха. Отвези меня, пожалуйста, в Иерусалим – я должна поблагодарить Всевышнего за такие подарки.
- Обязательно, любимая!

Света никогда не была так счастлива, как сейчас. Она была женой и матерью, у нее была самая прекрасная на свете дочь и самый любящий и заботливый муж. Он после работы бежал домой, помогал готовить ужин, купал девочку, зимой сушил ее длинные вьющиеся волосы феном, читал ей сказки, а иногда сам придумывал какие-нибудь истории, пока Света варила еду на завтрашний день...

– ...И вот маленькая девочка заблудилась в лесу. «Ау! Ау!» – кричала она, пока не уснула в берлоге, где жили большая медведица с медвежатами. На ее счастье, маленькие медвежата спали, а медведица пошла за едой в лес.

– А что кушают маленькие медведи? – Уля лежала в кроватке и слушала папу.

– Ягодки, грибочки... – Валера глотнул воды и продолжил: – У девочки были маленькие братики, которые пошли ее искать.

– А сколько у нее было братиков? – снова спросила Уля.

– Два, солнышко, – мужчина нежно погладил дочь по голове. – А теперь засыпай, остальное я расскажу тебе завтра.

Он поцеловал девочку и вышел, оставив дверь приоткрытой.

На кухне лежала без сознания Света.

– У меня жена без сознания! – Валера рванул к соседям. – «Скорая» уже подъехала, ее забирают в больницу. А дома дочка спит...

– Посижу, посижу, не шуми, – соседка вышла и закрыла дверь ключом.

А дома тем временем Света уже пришла в себя. Врачи оформляли документы, а она плакала. Мужчина тут же бросился к ней.

– Валерочка, я люблю тебя... Но Бог дает для счастья короткий срок... Я не хотела тебе, Валерочка, говорить, но у меня что-то плохое...

– Не говори так, – начал успокаивать он любимую, но она только еще сильнее расплакалась.

Света лежала в палате и ждала результатов анализов. Валера сидел рядом и держал ее за руку. Вошла женщина:

– Я бы хотела сделать вам УЗИ. Пройдемте.

Света встала и испуганно посмотрела на мужа. Тот крепко сжал ее руку.

Девушку положили на кушетку и стали смотреть. На мониторе были какие-то белые пятна, и сердце Светланы каждый раз замирало... Врач делала какие-то записи, а потом повернулась к паре и сказала:

– Я вас поздравляю, вы беременны. Срок девять недель. Двойня.

– Нет, вы ошиблись, доктор, – Света упрямо помотала головой. – Я бесплодна, мы даже

девочку удочерили.

– Я не ошибаюсь, – женщина изумленно смотрела на пациентку. – Посмотрите, вот два плода. Вот их сердечки, они бьются...

Тут слезы хлынули из глаз Светланы, а Валера сидел и глупо улыбался, вспоминая сказку, которую он сегодня придумал для Ули.

– Это мальчики? – спросил он.

Света удивленно посмотрела на мужа, а врач впервые за все время улыбнулась:

– Пока не видно. Подрастете – приходите, посмотрим.

– Я думала, что у меня рак, – разрыдалась в голос Света.

– Вот ты сумасшедшая! – возмутился счастливый Валера и прижал к себе жену.

Через два месяца сказали, что у Светы будут мальчики.

– Милый, отвези меня на Пасху в Иерусалим, – выходя из кабинета УЗИ, сказала она мужу. – Я хочу поблагодарить Бога за детей.

– Конечно, любимая, – мужчина поцеловал жену и любовно погладил округлившийся животик.

Эпилог

Иерусалимские улицы, шумные и оживленные днем, в эту святую ночь вымерли. К одиннадцати часам ночи Храм Воскресения, украшенный гирляндами разноцветных лампад, был наполнен прихожанами так, что трудно было вздохнуть.

– Света, осторожно! Живот! – Валера оттеснял от любимой людей, рвущихся к Гробу Господню.

– Я и так очень осторожна, милый, – блондинка защищала руками огромный живот и улыбалась – муж оберегал ее от всего.

– Света? – вдруг послышалось с правого края.

Света повернула голову и уставилась на Валю, которая стояла рядом с красивым мужчиной.

Женщины кинулись друг к другу, продираясь через толпу людей, их мужья пытались успеть за женами. Кто-то толкнул Свету, и она вскрикнула, придерживая живот.

– Осторожно, тут женщина беременная, а вы толкаетесь! – раздался голос.

Света остановилась и обернулась:

– Ирина? – Очень красивая женщина, отдаленно напоминающая Иру, отчитывала какую-то девушку. Та подняла глаза и выпустила руку мужчины, стоящего рядом с ней.

– Света? – Ира не могла поверить своим глазам. Тут до блондинки наконец добралась женщина, так спешившая к ней. – Валя?

Три женщины стояли посреди Храма Гроба Господня, плакали и одновременно рассказывали свои новости... Вдруг раздался знакомый голос:

– Вот мы и встретились, девочки, – перед ними стояла Лиза с младенцем на руках.

В этот момент сошел благодатный огонь и покатился вздох радости и восхищения..

– Христос воскрес!

– Воистину воскрес!